

попаданец

Павел Журба

ЧАСТНЫЙ ДОЗНАВАТЕЛЬ

Я Ричард Донаван, но вы можете звать меня господином дознавателем. Моя работа заключается в ловле шпионов, коррупционеров и предателей Родины. Народ прозвал меня гробовщиком, из-за того что всех моих клиентов увозят вперёд ногами, и я был этим очень доволен: репутация дознавателя — показатель его профессионализма. Мне очень нравилась моя жизнь. Я бы и дальше продолжал ловить преступников и раскрывать политические заговоры, но вышло одно маленькое недоразумение: я как бы... умер. А теперь представьте, каково было моё удивление, когда я неожиданно проснулся от пинка. Первые слова в новом мире были такими: «Открывай глаза, уважаемый сыщик, сейчас мы будем считать убытки, которые нам принесла твоя детективная контора!». С тех самых пор Ричард Донаван, гроза столичных преступников, навсегда ушёл в прошлое, а его место занял Лойд де Салес — обаятельный мошенник из всеми забытого рода бывших разбойников, некстати взявшийся за самое громкое дело в столице... Примечания автора: Книга завершена. В ней много диалогов и специфичного юмора, так что аккуратнее с выбором)

Павел Журба

Частный дознаватель

...Переродиться и стать человеком без прошлого — лучше и быть не может.

Джон Грин. "В поисках Аляски"

Сегодня в королевских застенках было холодно. Похоже, младший дознаватель так и не растопил печку... Не то что бы я жалуясь, просто мёрзнуть вместе с подозреваемым в шпионаже — совершенно недопустимое явление.

Я вытащил изнеможенный полутруп из воды со льдом и приставил к его щеке раскалённую кочергу. Запахло жареным мясом и мой живот противно заурчал. Вскоре потекли жировые отложения.

«Опять стирать куртку»

— Умоляю, смилуйтесь, госпо-о-о-один! — клиент забился в истерике и зарыдал.

Совсем недавно я вырвал негодяю половину зубов, поэтому его хнычущее лицо вызвало у меня отвращение. Я убрал кочергу и вновь опустил нечестивца в холодную воду.

— Засекай.

Юный помощник, уже изрядно побелевший, кротко кивнул. Сегодня он выходил в туалет всего пять раз — это несомненная победа. Он будет хорошим дознавателем.

— Мистер Хендрикс, — я погладил предателя Родины по голове. Половина волос на его макушке уже была вырвана с корнем. — Совсем недавно вы были уличены в злом преступлении — передаче засекреченной информации иностранному государству. Что вы на это можете ответить?.. Ах, точно, вы не можете: вам не позволяют ваши принципы и толща воды во рту. Что ж, прискорбно...

Тело Хендрикса задёргалось, как вываленная на берег рыба.

«Опять поцарапает мне бочку. А я ведь сам её смолил. Жалко, хорошая бочка. Я в ней матери огурцы засаливал...»

— А-А-А-А! — глупец раскрыл рот и начал захлёбываться.

— Мистер Донаван, пора вынимать! — пропищал младший дознаватель, прижавшись к стенке.

«Лишь бы не обмочился, иначе коллеги опять будут шутить, что у меня нет сердца и я пугаю даже своих учеников... Конечно, это далеко не так! Да, у меня до сих пор нет жены, хотя мне стукнуло тридцать, но я не вижу в этом ничего бессердечного: хитрые женщины в основном хотят моих денег, коих у меня, к слову, даже и нет. Государственная работа не про золото в кармане: она про удовольствие от процесса.»

— А — А — А — А!

— А вот теперь пора. — я вытащил преступника из воды и дал ему откашляться, а после повторил вопрос: — Кому вы передали данные о месторасположении военного склада?

— Никому! Это была карта лучших пекарен в нашем районе, я составлял список для туристов! — глупец уже и сам не верил в свою ложь. Я держал его за руку, поэтому чувствовал, как учащался его и без того высокий пульс.

Будущий висельник опал в бочке и моляще поднял глаза к небу. Он явно хотел смерти... Я же побыстрее хотел домой, потому что у меня сегодня назначена важная встреча.

— Значит, любите хлеб?

От моего вопроса шпион несколько удивился, хотя после пыток люди обычно даже предательству собственной матери не удивляются.

— Я тоже люблю хлеб, — говоря это, я крепче схватил преступника за руку. — Особенно люблю чёрный. Он такой чёрствый, что можно зуб сломать. Вы знаете, где продаётся лучший чёрный хлеб в районе, а, мистер Хендрикс?

— Ну, кхм, — пульс участился. — Наверное, в пекарне Бэркли?

— Да! — я резко сорвался с места и ударил по столу с медицинскими инструментами. — Именно в Бэркли! Как хорошо вы знаете город!

Младший дознаватель не пережил резкого стука по дереву и свалился без чувств, выронив протокол.

«Уже знаю, кто останется сегодня на ночное дежурство, юноша. Выключиться на таком интересном моменте — нонсенс!»

Молодой человек словно почувствовал мои мысли, иначе не объяснить, как он так быстро поднялся с пола и вновь взялся за перо.

«Хорошо.»

Я подошёл к бочке и опять взял предателя Родины за руку, после чего хитренько так сказал:

— А вы знаете, кто заправляет в пекарне на Бэркли? — и крепко сжал его кисть.

Мужчина нервно задрожал. Я не хотел предполагать, будто это случилось из-за холодной воды: намного приятнее думать, что негодяй вздрогнул от моего каверзного вопроса.

— Э-э... какая-то женщина?

— Как обидно! — я врезал по бочке кулаком, и Хендрикс подпрыгнул, как заяц, расплескав пару литров воды.

Младший дознаватель непонимающе на меня уставился.

— Видите ли, — начал я издалека, чтобы добить оппонента. — Я уже говорил, что люблю хлеб? Узнав о таком мастере хлебобулочных изделий, как вы, я не мог не сходить по всем пекарням, что были указаны на вашей карте. — враг народа застучал зубами.

«Всё же это от воды. Вот подонок: никакого уважения к мему ремеслу!»

— И в пекарне Бэркли я удачно встретил ту самую «какую-то женщину». Вы о ней только что говорили. Ах, какие у неё зубы! А грудь, грудь-то: шёлковая кожа, третий размер, рай для какого-нибудь жигало или, не дай бог, маньяка... Или, ещё хуже, дознавателя... — по лицу шпиона потекли слёзы. Они текли и до этого, но сейчас пошли куда как сильнее.

Младший дознаватель понял, что дело подходит к решающей точке, и незаметно перехватил перо.

— А что же в этом обидного? — задал парнишка вопрос, нагло ухмыльнувшись. Он уже понял разгадку, ведь мы вдвоём ходили в Бэркли и явно не за свежим хлебом.

— А обида состоит в том, мой дорогой ученик, что мистер Хендрикс назвал «какой-то женщиной» любовь всей своей жизни! — жалкий червь забултыхался в бочке, как сущий бог моря, и мне пришлось спустить его с небес на землю отрезвляющим ударом.

Тыльная сторона ладони выбила из примёрзшего гада склонность к неповиновению вместе с плохо сидящим зубом. Час назад я специально не вырвал его полностью, чтобы в случае заварушки показать младшему дознавателю мою силу. Уверен, что парень сейчас думает, какой у него крутой начальник: выбивает у людей зубы одними пощёчинами.

— Она души в тебе не чаяла, Хендрикс, и именно поэтому передавала через свои поставки муки ещё и твои поганые письма!

— Неправда!

Я вмазал вуну в морду, превратив его нос в сливу. Этого мне показалось мало, поэтому я достал скальпель и провёл им по лбу мерзкого обманщика. Кровь залила ему глаза и он перестал ориентироваться в пространстве.

— Правда! Знаешь, как мы узнали? — я весело засмеялся. — О, это дивная история. Мои коллеги повеселились на славу: у твоей подружки такая хорошая...

— Ах ты сукин сын! — Хендрикс оказался сильнее, чем я предполагал: он буквально вылетел из бочки и, не разбирая дороги, врезался в стол с инструментами. Предатель явно желал поскорее меня прижучить.

— А как она кричала! — я вкусно причмокнул. — Уверен, с тобой у неё такого никогда не было!

— Ублюдок!

Обиженный любовник бросился на мой голос, как голодный пёс на мозговую косточку. Мне оставалось лишь выставить колено и отправить наглеца на канвас.

Бам! Хендрикс разбил голову, свалился на холодный каменный пол и зарыдал, как ребёнок. Это была несомненная победа.

— Если не хочешь, чтобы твоя подружка отправилась кормить рыб, ты расскажешь нам все подробности о своей интересной деятельности в роли шпиона. — я опустил на колени и взглянул преступнику в глаза. Хоть он и не видел меня, но наверняка почувствовал. — Понял?

— Да. — смирившись со своей участью, прошептал предатель Родины. — Я всё расскажу, только не трогайте Лилит.

— Хорошо. — я резко встал и крикнул за дверь: — Майор, он готов!

Жиреющий свин, не умеющий даже проводить опрос, не то что дознание, по королевски зашёл в комнату, гордо выпятив узкую грудную клетку. Он явно ожидал увидеть моё с младшим дознавателем послушание, но вместо этого наткнулся на полутруп мистера Хендрикса, из-за чего смешно завизжал, как настоящий поросёнок.

— Это что такое, капитан Донаван! — бедняга выхватил платочек и обтёр им носок обуви, на котором появились капельки крови. — Почему так грязно? И почему этот человек выглядит так, словно собрался к Богам?

За спиной начальника появилась парочка громил — дешёвая рабочая сила, любящая наблюдать за пытками или принимать в них активное участие. Ими, как правило, пользуются пажоны, младшие дознаватели или старики, которым ввиду возраста уже сложно держать в руке пилу или молот. Взглянув на них, я властно молвил:

— Уносите.

Громилы кивнули и вышли с Хендриксом. Рабочий день был удачно закончен...

— Объяснитесь наконец, мистер Донаван! — майор нахмурил тонкие брови вразлёт.

«Как же это надоело. Ты всю жизнь отдаёшь любимой профессии, а сын какого-то чинуши обходит тебя за пару лет.»

— Что конкретно вам объяснить, сэр? — я обвёл комнату выразительным взглядом.

Младший дознаватель тихо фыркнул: все в нашем отделе смеялись над сэром Джеймсом Бройд хер как-то там, даже ещё совсем зелёные юнцы, которые плохо держат удавку.

— Что это за акт показательной жестокости? — собственные слова так понравились Джеймсу, что он сразу же дал им оценку, радостно хмыкнув. — Наше королевство уже как три года отказалось от пыток, унижающих личное достоинство, а также подписало декларацию о важности прав человека!

«Сказка стара, как мир: только государственный корабль повернёт нос, и половина пассажиров сразу же окажется за бортом. Никто больше не хочет признавать твои заслуги в области дознания, твои тринадцать лет тяжкого труда и работы. Вместо этого чинуши сторонятся тебя, обходят за три квартала и даже не жмут руку при встрече, а вскоре, возможно, и вовсе окрестятся или предадут суду, как преступника, каких ты когда-то ловил. Почему же я не уйду из умирающей профессии? По правде сказать, мне она нравится, и не потому что я какой-то там садист или ублюдок без моральных принципов, как раз-таки наоборот: мне нравится работа дознавателя, потому что он тайно спасает мир. Мне не нужны овалы, хлопки по спине или памятников, я просто исправно делаю своё дело и спасаю людей от настоящего зла. Зло изгоняет зло — иного миру не дано. Добро не может изгонять зло, потому что для этого у него слишком мало влияния.»

— Вы уснули? — Джеймс язвительно усмехнулся. — Или вас так задели мои слова?

— Я служу королю, майор, ни о чём больше и не мечтаю. И если в нашем отделе есть камеры пыток, значит, ваша декларация для государства — пустое сотрясение воздуха.

Я обошёл толстяка, даже не повернувшись в его сторону, и быстро вышел из комнаты, не закрыв двери. Недовольное шарканье моих военных сапог эхом разносилось по всему отделу.

Прежде чем выйти в люди, я зашёл в раздевалку и переоделся. Сегодня на мне был дорогой парадный костюм для ресторана. Надев его, я побрызгался хорошим одеколоном, одолженными у богатенького коллеги.

— Я считаю, вы верно всё сказали! — прозвучал голос младшего дознавателя за моей спиной. — Люди могут нас презирать, но они должны понимать, что мы храним мир в государстве! — парень говорил так уверенно и страстно, что я и сам вдруг на секунду поверил, что все мы собрались здесь, чтобы помогать людям.

Конечно, это ложь: большинство пришло сюда за удовлетворением своих низменных потребностей. Людям нравится унижать других людей — вот ведь тайна.

— Спасибо, Рубиус. Я знал, что ты всегда поддержишь меня. — но молодняку такое говорить не стоит. Он сам всё поймёт, как придёт его время... Когда он займёт моё место, а я отправлюсь в тюрьму или куда-то на юг, доживать последние деньки рядом с бутылкой вина.

— Учитель, — обратился ко мне младший дознаватель, когда я уже почти вышел из комнаты. — А то, что вы сказали про ту булочницу, Лилит, это... — в глазах мальчика легко читалась жалость и стыд, возможно, даже отвращение к самому себе, ведь он, по сути, был моим пособником.

— Не бойся, я блефовал.

Я быстро вышел из раздевалки, пряча лицо воротом плаща. Не знаю, почему...

* * *

После тяжёлой работы я люблю спать. И не один, хотя иногда на большее сил и не хватает. Как правило, я заказываю одних и тех женщин, но в разных местах, чтобы дамы не подумали, будто у меня нет личной жизни и я прихожу к ним от одиночества.

Детский комплекс — мнение других людей. Он почти убит, но ещё ползёт, чтобы в трудной момент схватить меня за ногу. Я уже не переживаю, если выйду на улицу с руками в

крови, но стоит кому-то ворваться в мою личную жизнь, и я начинаю испытывать стыд.

Сегодня я был с Марианной — высокой, голубоглазой девушкой с тонкой костью и аристократичными чертами лица. Я предпочитал именно таких — смахивающих на дворяночек, потому что сами дворяночки мне не давали, хоть я и был хорош собой. Ах, это низкое происхождение, об него споткнулся не один рыцарь любви.

— Почему ты сегодня такой напряжённый? — игривая девушка ловко залезла на меня, и её длинные русые волосы закрыли мне видимость.

— Проблемы на работе.

— Ах, эта работа... как я её не люблю! — Марианна засмеялась, словно наивный, добрый ребёнок. Я чувствовал, что она говорила правду. — Но с тобой мне так хорошо... — девушка положила голову мне грудь и смешно засопела.

«Не лжёт»

— Знаешь, — я заложил руки за голову и мечтательно закатил глаза. — Ты тоже мне нравишься.

Дамочка фыркнула.

— Нет, правда. — уж не знаю, как ещё уверить её в обратном: такие, как она, редко доверяют мужчинам. — Через пару лет я накоплю достаточно денег, чтобы навсегда переехать в своё имение и ничего там не делать. И знаешь, — я чуть приподнялся, вынудив девушку сместиться пониже. — Твои прекрасные волосы отлично бы смотрелись на местных подушках. На юге такие белоснежные перины, что кажется, будто бы спишь в облаках.

— Ах, Ричард, — девушка легла на спину и потянулась, как кошка. — Тебе ли не знать, что люди — обманщики.

— К чему это ты?

— Да так, — дамочка изобразила думающее выражение лица. — Ну вот приедем мы с тобой в это поместье, проведём там замечательное лето, может, даже осень, а что будет потом? Тебе быстро наскучит общество скучной шлюхи...

— Не говори так. — я прикоснулся к её плечу и ласково погладил его. — Твоё общество не надоест мне никогда.

Я не лгал: Марианна действительно была довольно умной девушкой. С ней с лёгкостью можно было поговорить как о тяготах жизни, так и о вечных философских вопросах, и везде она знала меру и никогда не уходила от той точки зрения, что представляла собой золотую середину. Именно поэтому в последнее время я брал только её одну и никого больше.

— Знаешь, ты очень милая. — от собственной наивности у меня начали краснеть щёки. — Наверняка тебе так говорили до меня десятки мужчин, но знай: я болтаю это не для того, чтобы тебя порадовать. Ты действительно нравишься мне, Марианна.

— Мне очень приятно, Ричард... — девушка утёрла с ресниц пару слезинок. — Но пойми, у нас ничего не выйдет: ты дознаватель.

Глупо ведь, да? Раскрыл девушке лёгкого поведения свою работу. Такому конспиратору не грех открутить всё, что пониже пояса. Но почему-то я не мог поступить иначе: мне не хотелось скрывать от Марианны никаких сведений о своей персоне. Казалось, должен быть кто-то, кто всегда может понять тебя и выслушать, и этот кто-то не должен приходиться тебе матерью.

— И что такого? — я и сам понимал, что Марианна права, но не хотел показывать ей это. — Даже у моего учителя была жена, а он-то работал получше меня...

— Такие вообще существуют? — юмористка игриво улыбнулась.

— Мне кажется, уже нет... Кх... — я резко встал с кровати и бросился к сумке.

«Кто-то узнал, что я хожу в публичный дом и подкупил хозяйку, чтобы она подложила в вино яд. Классика. Сейчас выпью настойку прошлогоднего приготовления и всё...»

Сумки на месте не оказалось.

— Ты не это ищешь?

Мои колени предательски задрожали. Я сразу понял, что случилось, и от этого на моей душе стало так погано, что захотелось перерезать себе горло.

Классика. Сколько подобных историй расследовал и я сам? Но со мной ведь такого никогда не произойдёт, потому что я умнее, верно?

Я неловко повернулся к девушке. В её руках была та самая сумка.

— Дай... — я начал падать на пол, но таки сумел ухватиться за спасительный край кровати. Мне не повезло лишь с одним: когда я попытался встать, то свалился на пол вместе с белоснежным одеялом, накрывшим меня, как похоронная простыня.

— И не подумаю. — услышал я голос Марианны, вставшей с кровати.

Девушка пошла в сторону выхода. В это время мне пришлось лезть к ампуле под кроватью, спрятанной на самый поганый случай. Я перестраховался. Как всегда.

В комнату ворвались люди в масках. Они оттащили меня от кровати, не дав допить ампулу, и скинули около камина, после чего сняли маски.

— Помнишь, сволочь?

Я присмотрелся к молодому парню с гневливым взглядом, но не узнал его. Я видел много разгневанных лиц, и увижу ещё столько же: когда противоядие подействует, всем людям в комнате придётся вызывать врача.

— Ну конечно! — вскрикнула Марианна и пролезла между будущими врагами народа. — Куда великому дознавателю помнить имена своих первых жертв. — девушка достала что-то из-за спины. — А так помнишь, мразь?

Я взглянул на алый платок с белыми лилиями. Чей же это герб...

— Мой отец, — начал говорить злобный юноша, сжимая кулаки. — Мой отец был твоим другом, а ты что сделал? Отдал его своей конторе не за хер собачий?

Я наконец вспомнил, о ком шла речь — Вардон Дэйт, мой первый клиент. Я должен был войти к нему в доверие и выведать, как он занимается контрабандой через горы. Его повесили на месячную годовщину нашего знакомства. У него остались дети... мальчик и девочка.

— Вижу, что вспомнил! — парнишка рванул ко мне с кастетом, но я уже давно был наготове, поэтому, когда от его кулака до моего лица оставалось не больше пары

сантиметров, я резко пригнул голову и зарядил уроду локтем в кадык.

— Ты же парализован, дрянь! — завопили товарищи Дэйта младшего, но было уже поздно: противник сменил траекторию и свалился около камина, а я достал из-за голенища его сапога охотничий нож.

— Джек, нет!.. — Марианна кинулась к брату, которому я мгновением позже перерезал горло. Кровь из него хлестала, как вода из ручья. — Нет... Нет!!!

Девушка упала на колени и зарыдала. Такой она мне больше не нравилась.

— Ребята, обходи его!

Оставшаяся троица окружила меня и прижала к камину. Я успел встать и взяться за кочергу.

«Понять, когда неопытный противник будет бить, весьма просто: сначала дёрнется его нога, а только потом оружие.» — следуя этой простой тактике, я ещё никогда не проигрывал, вот и сейчас она меня не подвела: нога преступника, находящегося справа от меня, подозрительно дёрнулась, и в следующий момент он сам кинулся на меня с полуторным мечом. Одна беда — его пузо уже напоролось на мою кочергу.

Мальчишка вскрикнул и повалился на стенку, я же прихватил его меч и, поставив блок подбежавшему юнцу, вспорол его брюхо ножом. Третий смертник в страхе ожидал своей участи...

— Тхх... — я опустил взгляд на свою грудь. В ней торчал арбалетный болт.

— Получи, мразь! — Марианна безумно загоготала. — Получи! — арбалет был трёхзарядным, так что ещё две стрелки ворвались в мою грудную клетку с противным тупым звуком.

Моё сердце проткнули насквозь...

Глава 2

Первое правило божественного кодекса: не вмешиваться в естественный порядок вещей. Второе правило божественного кодекса — наплюй на правила.

За круглым столом на двенадцать персон не хватало целой половины божественного состава. Было довольно скучно, поэтому богиня красоты постоянно смотрелась в декоративное зеркальце и поправляла золотистые волосы. По легенде, если обмотаться этими дивными пряжами, то можно научиться летать...

— Скучно. — бог войны раздражённо забарабанил пальцами по столу, и на какой-то дальней планете началось землетрясение, сдвинувшее литосферные плиты.

— Крон, перестань. — богиня мудрости осуждающе посмотрела на раскрасневшегося толстяка. Мужчина ответил ей воздушным поцелуем.

— Вы как всегда: в своём репертуаре. — хмыкнул бог морей и облил свою заросшую водорослями физиономию водой из чарки. — Мы собрались здесь, чтобы обсудить среднюю продолжительность жизни на планете Тируан, так чего тянем? У меня скоро массаж, а позже я вообще улываю в отпуск...

— Не бухти, Мирсин, не то где-то опять шторм начнётся. — богиня мудрости устало вздохнула, и на какой-то планете родился очередной философ.

— А я и не бухчу! — старик вlepил по столу, да так, что какая-то из планет лишилась материка. — Ой, извиняюсь... это ведь пустая была, да? Хе-хе...

Двери божественного зала резко открылись, и в проём вошел молодой высокий мужчина. Лучи солнца с удовольствием ложились на его прекрасные чёрные волосы и так льнули к нему, как кошки к забору.

Только красавчик ступил на порог, как двери автоматически закрылись, чуть не захватив с собой его белую тогу.

— Никогда не понимал, зачем их тут поставили! — новый гость пригрозил волшебным дверям кулаком.

Помещение, в котором находились боги, имело форму круга, а стеной ему служили лишь тонкие колонны, за которыми виднелись кустистые облачка. Никто так и не понял, зачем такому месту нужны ворота.

— Ты про двери? — бог царства мёртвых свернул некролог, снял квадратные очки и, изобразив задумчивый вид, ответил: — Думаю, для солидности! Только представь, — мужчина превратился в клубы дима и за секунду добрался до своего коллеги по божественному цеху. — Ты крутой парень, святые девчонки лежат у твоих ног, живность поёт дифирамбы... и тут! — шутник обхватил потускневшего бога солнца за плечи. — Нету дверей. Уважение к тебе, прямо скажем, сразу пропадает, ведь если нету дверей, значит, тебе их никто и не открывает, а это, мой дорогой друг, показатель низкого происхождения.

— Какая-то ерунда. Я не понял ничего. — сказал красавец и скинул с своего плеча проклятую руку бога смерти.

— Да я, в общем-то, тоже. — умник развёл плечами и достал из закровов длинной мантии гнилое яблоко. — Будешь?

— Нет уж, спасибо. — бог солнца отвернулся от своего мертвецки бледного коллеги и направился к любимому креслу, чтобы поскорее уткнуться в прогноз погоды.

— И чего все отказываются... — бог смерти надкусил яблочко и размеренно зашагал к

своему креслу, надеясь выплюнуть горстку праха где-нибудь по дороге.

Время шло, а хозяин небес так и не объявился. Даже не прислал записки с извинениями. Все знали, что он предпочитал обществу своих коллег глупую парочку нимф или кентавра, которого можно обставить в карты, но даже эти знатоки не ожидали, что наглец не явится на самолично созванное собрание.

— Скучно. — бог войны снял помятый генеральский шлем и аккуратно поставил его на стол, предварительно смахнув с поверхности пыль. — Ни одной хорошей войны, всё какая-то мелочь. Хоть бы где-то миллиончик схлестнулся...

И тут вояка не выдержал: щёки его свирепо надулись, мощная грудная клетка расширилась, как парус под ветром, а из волосатых ноздрей пошёл горячий, обжигающий кожу пар.

— Мало им места! Места им мало! — своим криком мужчина испугал уснувшую на подлокотнике богиню мудрости. — Да я в своё время бился с целой сотней в казарме пять на пять и не возникал!!! — разъярённый громила вспыхнул, как сигнальный факел.

Повелитель тентаклей знал, что если не разобраться с проблемой сейчас, то вскоре им вновь придётся заказывать у божественного бюро новый стул, поэтому он нелегко встал и облил вспыльчивого коллегу из шланга.

Бог войны, конечно, покричал ради приличия, но вскоре смиренно потух, и его лысая макушка по обыкновению превратилась в мирно догорающие угольки. С носа главного холерика пантеона ещё долго капала морская вода.

— Кроник прав, сегодня у нас нет ничего весёлого. — услышав обращённое к нему «кроник», бог войны предпринял повторную попытку устроить в зале поджог, но его воинственный пыл сразу же остудили большие достоинства богини красоты и любви, к коим несомненно относились здравомыслие, бескорыстность, доброта, ну и, конечно же, пышные и несравненные... щёчки.

— Может, — красавец, чью тогу недавно чуть не зажевало дверьми, повернулся в сторону бога смерти и язвительно улыбнулся. — Наш весельчак расскажет нам что-нибудь интересное? Как там твои поклонники? Всё так же режут друг другу глотки и портят людям жизнь?

Богам очень не нравился циничный император преисподней, поэтому ради его унижения они были готовы пойти даже на театральный смех. Вскоре зал разразился надсадным хохотом.

— Ха-ха, как смешно. — бог смерти скорчил кривую улыбку, всем своим видом показывая, что такой пресный подкол его ничуть не задел. — Буквально умираю со смеху.

Бедняга сам выкопал себе могилу: от его последних слов у богов напрочь сорвало крышу. Они бились в истерике, рыдали, как пустоголовые дети, и корчились, словно от зубной боли. Их лица в тот момент напоминали гримасы, сделанные безумным скульптором. Хохотала даже богиня охоты, обычно весьма равнодушная к злым шуткам.

— Веселитесь, веселитесь! — уязвлённо повторял царь мёртвых, выжидая момент, когда поток смеха в его адрес наконец пойдёт на убыль... Но вот незадача, пока выходило ровно наоборот: ужасный гогот лишь усиливался. Тут уж у любого нервы сдадут.

— Что, хотите посмеяться?! — оголтело выпалил бог смерти, когда увидел, как из носа Крона со свистом вылетела красная сопля. — Ладно, тогда я расскажу вам шутку! — проводник душ закатил глаза, чтобы просмотреть информацию о какой-нибудь уморительной истории гибели. Хитрец рассчитывал найти самое весёлое происшествие,

чтобы точно покорить сердца слушателей и они наконец забыли о неприятном казусе, в котором фигурировал некий фразеологизм. — Вергилий Варди, бортник, возраст 72 года, — бог смерти выждал эффектную паузу. — Умер во время любовных утех со своей бабкой! Смешно же, а?!

Хихиканье в зале резко прекратилось.

— Чего вы не смеётесь? — хозяин ада непонимающе уставился на коллег. — Неплохая ведь история... А бабуля ещё так ревела!

Бог войны крепче схватился за подлокотники. Он был похож на быка, увидевшего красную тряпку.

— Понял, про стариков — не интересуется!

Бог солнца ехидно фыркнул.

— Чейни, Честер, Чуки, Чуди... Хе-хе, братья. Кхм... Варис, Вивиан, Литера, Рич.. Ричард! — от радости, что он наконец нашёл занимательную персону, тёмный властелин хлопнул в ладоши. — Ну сейчас вы точно животы надорвёте!

Боги подсели поближе к рассказчику и приготовились к очередной порции чёрного юмора.

— Представьте, — властитель ада чуть наклонился вперёд, чтобы привлечь к себе внимание. — Вы маленький мальчик, живущий на пыльном чердаке с пьянчужой матерью, а вашего отца повесили за военные преступления...

— Мне и представлять не надо. — брякнул Крон.

Слушатели дружно прыснули в ладошки. Бог смерти измученно вздохнул и продолжил:

— Так вот, на чём я остановился... — Бог Войны уже был готов помочь с ответом, но рассказчик ловко сбил его новыми деталями: — Ребёнок с детства не хотел работать и за это постоянно получал от отчима-военного. Тот растил его в строгости, и постоянно упоминал о неряхе-отце, из-за чего у них часто возникали конфликты. В конце концов и отчим получил свою верёвку: его поймала секретная служба и он был повешен на глазах у приёмного сына.

Богиня мудрости украдкой смахнула скупую слезу.

— И вот, мальчик вырос... У людей так бывает. — рассказчик усмехнулся, но никто не поддержал его шутки, поэтому ему пришлось продолжать. — И угадайте, кем он становится?

— Философом?

— Воином?

— Моряком?

— Охотником?

— Моделью?

— Тайным любовником императрицы, который приходит к ней каждое новолуние, чтобы попытаться зачать ребёнка, потому что её муж бесплоден и скоро умрёт от рака желудка?

Все взгляды направились в сторону красотки, мирно подпиливающей ногти.

— Что вы на меня так уставились? — богиня любви надула щёчки. — Это по крайней мере было бы интересно...

Бог смерти захлопал глазами. В его представлении интересным было самосожжение на костре из мокрых веток, но никак не любовные истории.

— Ну, как бы... Нет. — напряжённые до этого момента боги разочарованно выдохнули. — Никто из вас не оказался прав! У нашего героя совершенно другая профессия!

Боги задумались.

— И кем же он тогда стал?

— Кем он стал... — рассказчик попытался сдержать смех, но ничего хорошего из этого не вышло. Не успел он и сказать ответ, как начал противно и громко хохотать. — Кем он стал... Палачом!!! Ха-ха-ха-ха-ха! Ой, не могу!.. Палачом! Уха-ха-ха...

Божественный зал накрыла гробовая тишина.

— А знаете, что самое смешное? Он посветил работе всю жизнь, поэтому у него даже не было друзей! Парень, у которого государство грохнуло двух отцов — палач! Уха-ха-ха... А любовь всей жизни и вовсе отправила его на тот свет! Умора!

Поняв, что никто не смеётся, властитель ада заставил себя умолкнуть и неловко уставился на коллег.

— Бедный мальчик. — Крон утёр с заросшей щеки предательски проскочившую слезу. — Боролся с несправедливостью и умер на поле любви.

— Как романтично! — богиня красоты мечтательно закатила глазки. — Наверное, это была грустная история о подлой девушке и прекрасном кавалере. Ведь так, Рейзи?

Впервые за сотню лет царь мёртвых услышал собственное имя из уст другого бога. Это обнадеживало.

— Ну... Ну да, это был парень хоть куда! Уважал женщин, помогал сироткам, ухаживал за животными и всё такое, прочее.

Всех так растрогала история благородного Ричарда, что Рейзену не оставалось ничего иного, кроме как умолчать о том, что этот парень покрошил больше народу, чем любой маньяк в его городе, а умер так и вовсе в борделе, нарвавшись на мстительную развратницу.

— А ты не хочешь дать ему второй шанс? — богиня красоты мило захлопала ресницами. — Ну пожалуйста, Рейзи, дай ему второй шанс!

Забытый всеми красавчик надулся, как рыба-фугу. Ему очень не нравилось, что дама, на которую он метит уже десять тысяч лет, пресмыкается перед каким-то богом трупов.

— Не говори глупостей, Фей, — бог солнца решил поиграть в рационалиста. — Мы боги, нам чужды людские чувства. Если мы вернём этого смертного из мёртвых, то нарушим баланс вселенной...

Бог смерти понял, что дело пахнет жареным, поэтому быстро сориентировался и выбрал наиболее удачный ответ из возможных:

— А если я перенесу лишь его душу, скажем... — он начал водить пальцем по столу и, выбрав точку наобум, уверенно ткнул в неё пальцем. — Сюда!

— А так можно? — спросили обеспокоенные боги.

— Конечно можно! — бог смерти понял, что уже поздно давать заднюю. — В этом месте как раз недавно откинулся молодой парень без всякого желания к жизни. Туда Ричарда и запихнём.

— Рейзи, ты мой герой! — красавица послала спасителю мёртвых воздушный поцелуй.

Бог солнца рассвирепел.

— И что это такое! — парень сорвался с сиденья и яростно хлопнул по столу. — Думаете, можно беспрепятственно заснуть какого-то Ричарда в тело человека из другой вселенной и от этого ничего не изменится? Фиг вам!

Бог солнца встал из-за стола и направился в сторону выхода.

— Ты куда? — спросил Крон, нахмутив брови.

— Подальше от вас! Подпишите за меня все бумажки. Мол, я согласен, чтобы на Таурине сняли лет пять, потому что уж больно им там хорошо.

Спорщик вышел, не попрощавшись. Бог смерти понял, что наконец-то одержал победу в борьбе с надоедливым солнцепёком.

«Так-с! Ну ничего ведь не будет, если я просто перенесу эту душеньку в тело какого-то бедолаги на границе вселенной?»

Бог смерти наигранно улыбнулся и уверенной рукой (которая на самом деле дрожала, как у сумасшедшего) отправил душу Ричарда Донавана в новое тело...

Глава 3

Детективы и воры одинаковы. Хоть они и разные, как небо и земля, но, присмотревшись внимательно, заметишь, что оба — наглые товарищи, у которых любопытство — ключ, с помощью которого они открывают, что другие желают спрятать от чужих глаз.

Детектив Конан

У меня жутко болела голова. Возникло стойкое ощущение, что какие-то навязчивые поклонники разбили её строительным молотком.

— Открывай глаза, уважаемый сыщик, сейчас мы будем считать убытки, которые нам принесла твоя детективная контора! — голос был преисполнен наглой и обличающей иронии. — Ты оглох, пьянчуга? — меня больно пнули.

Я испустил тихий стон, походивший на сипение мёртвой чайки. Впору думать, будто я выкурил дюжину пачек сигарет или пел в каком-то дрянном кабаке до рассвета.

«Студент? Пьянчуга? Этот болтун явно не дружит с головой. Перепутать мою гордую щетинистую физиономию с молодняком или алкоголиком может только слепой или вусмерть пьяный. Или вусмерть пьяный слепой... Что за глупый каламбур? Неужели я всё-таки пропустил стаканчик за мирное небо над королевством?»

Меня схватили за грудки и приподняли над землёй. Я сразу понял, что получу по лицу. От удара наглого критикана в моей голове вспыхнули искры.

«Судя по чудовищной боли в затылке, я вчера пил водку. Причём самого дрянного качества. Может ли так быть, что Марианна меня отшила?... Чёрт, ничего не помню.»

Я упорно пытался восстановить события вчерашнего вечера, но почему-то вместо этого в памяти мелькал только какой-то смазливый остроухий тип, угрожающий мне строительным инструментом. Он очень меня злил.

— Эй, босс, — в комнате был ещё один человек. — А там на полу не кровь?

Меня отпустили в свободное плавание. Упав на копчик, я логично рассудил, что нахожусь в какой-то дешёвой конуре — половицы скрипели, как позвоночник после дыбы.

— Охренеть! — воскликнул главный говорун. — Сколько ж тут кровящи!

Я валялся в какой-то луже, как спокойный поросёнок, и очень боялся, что создателем этой лужи мог оказаться Ричард Донаван: стоит коллегам прознать, что я обмочился в каком-то кабаке, и меня сразу же заклемят, как человека, не умеющего пить, а это в нашей работе смерти подобно.

«Человек с острыми ушами что-то с упорством мне втолковывает. Что-то про несправедливость, про распределение преступлений между детективными агентствами, про каких-то де Вилларе и де Ребер. Я в ответ кричу, что сделаю из матери этого человека эльфскую колбасу... Боги, что вчера произошло?»

— Эй, — меня вновь пнули сапогом. — Ты тут какого-то убил или у твоей новой бляди пошла месячные?

«Я ведь дознаватель. Если вы нашли кровь, то это значит, что я с стопроцентной вероятностью отправил кого-то на тот свет — к гадалке не ходи... Стоп, он что-то сказал про женщин лёгкого поведения? Намекает на Марианну?»

— Всех вас перевешаю... — я лениво открыл глаза, и в лицо мне ударил яркий солнечный свет.

«Звон в ушах. Хочется блевать. Кружится голова. Это уверенное сотрясение. Хотя, если судить по замёрзшим пальцам и онемевшим ногам, это далеко не обычная травма головы...»

Пришло осознание. Жгучий ком резко подступил к горлу, и мне вдруг захотелось издать пронзительный вопль, убежать далеко-далеко, чтобы кто-то невидимый и очень опасный не смог меня рассмотреть. Я задрожал, даже начал трястись, и этот мой жуткий страх сковал меня, как тюремная цепь — не шевельнуться.

«...Я умер»

В мою голову влили раскалённый свинец. Он зашипел, как вырезка, брошенная в кипящее масло, и навечно прожёт во мне дыру.

«Вечер. Публичный дом. Марианна. Внезапное предательство. Три болта в груди. Пробито лёгкое. Нечем дышать. Разорванное сердце.»

Я вскрикнул и резко подорвался с места. Меня шатало, как только сошедшего на берег моряка. За всем этим озадаченно наблюдало двое вышибал. Один из них держал в руке смятую записку.

«Бред! Я не умер, иначе бы не мог ощущать боль! Глупость!»

Я сразу понял, что произошло: девушка опоила меня каким-то наркотиком, от которого у меня свело горло и поднялось давление, и увезла куда-то за город, в маленький трактир, где никто не будет задавать лишних вопросов. Лишь одна тайна оставалась неразгаданной: Даже затупленный болт на расстоянии пяти шагов с лёгкостью пробивает доспех, что уж говорить об обычной коже и горстке костей...

Со всеми этими догадками я уже и позабыл, что нахожусь в какой-то конуре рядом с двумя подозрительными субъектами.

— Молодые люди, — дуболомы удивлённо переглянулись. — Если вы решили похитить меня и потребовать выкуп, то уверяю, это гиблое дело — лучше сразу убейте. Меня не жалуют при дворе. Возможно, даже хотят избавиться не меньше вашего. Кстати, Марианна всё ещё с вами или уже уехала из города? Сколько вам заплатила эта шлюха? Я заплачу в два раза больше...

— Лойд, ты чего? — хозяин записки насупился. — Опять эту водку с портового района хлестал? Скажи честно, бить не буду.

От изумления мой лоб превратился в гармошку.

— Я дознаватель его королевского величества Августа Третьего и требую... — я потянулся в задний карман куртки, чтобы достать удостоверение, но нащупал лишь вьющиеся волосы на груди.

«Что за...»

Я опустил голову — на мне был южный халат в полоску и дырявые тапочки. От стыда мои щёки превратились в спелые помидоры.

— Извиняюсь за столь непристойное одеяние...

— Да не извиняйся, мы привыкли! — хмыкнул один из громил, тот, что поменьше, и медленно двинулся в мою сторону.

— Граждане, — я с опаской взглянул на мощные кулаки моих собеседников и потихоньку начал пятиться. — За нападение на дознавателя его королевского величества вам грозит десять плетей и три года каторги. Лучше семь раз подумайте, прежде чем решитесь на столь ужасное преступление.

Великаны по-плотницки засучили рукава.

— Хорошо, Лойд, мы взвесим все возможные риски и придём к наилучшему решению

для нашей торговой компании. — мужчина с запиской захохотал. Его друг лукаво мне подмигнул.

Поняв, что дуболомы скрутят меня за здорово живёшь, я сделал обманное движение влево и затем резко рванул к окну. Мой идеальный план спасения нарушило лишь одно незаметное обстоятельство — лужа вина на полу. Я поскользнулся на ней, как танцор на ледовом покрытии, и с треском влетел в маленький шкафчик. Там-то меня и взяли в оборот.

— Что вы делаете, остолопы! Пустите меня! — я сражался, как раненый лев, но силёнок в моих мускулах явно не хватало. Мышцы словно атрофировались.

Вышибалы открыли дверь, в которой не доставало половины досок, и на выдохе закинули меня в большой тазик. Какой-нибудь бедняк мог бы назвать это ванной.

— А вы знали, что расчленить тело весьма непросто... — я так и не успел договорить, почему им нельзя меня убивать, потому что в моё лицо резко врезалась холодная струя воды.

— Вот нажрался. — мужчина с запиской с укором покачал головой. — Я обещал твоему отцу, что буду помогать тебе, пока сам не лягу в гроб, но, как видишь, помогать такому, как ты — гиблое дело.

«Что он несёт? Моего первого отца повесили на ближайшем суку, как и всех его друзей, а у второго из товарищей были только инвалиды и циничные инфантилы, которым самим нужна помощь...»

Напор воды увеличился. Оказывается, холод и вправду приводит в чувство. По крайней мере, туман в голове немного рассеивается.

— Сынок, — громила хлопнул товарища по плечу и тот выключил холодный душ. — Так больше продолжаться не может. — похититель взглянул на меня жалостливым взглядом. Обычно я никогда не был подвержен смертельной болезни под названием сентиментальность, но от этих участливых глаз у меня защемило сердце. Я словно знал этого человека всю жизнь, и мне очень не хотелось разочаровывать его.

— Когда ты взял академический отпуск, что я тебе сказал? — добряк умолк и стал ждать моего ответа.

«Возможно ли, что меня с кем-то спутали?.. Но как же я тогда сбежал из публичного дома?»

— Я сказал тебе, — снова начал громила, поняв, что заставить меня что-то вспомнить — дохлый номер. — «Сынок, делай, что хочешь, если считаешь, что это приведёт тебя к мечте». Помнишь?

Я решил кивнуть: уж больно пристально на меня смотрел тот парень, держащий душевую лейку.

— И что ты? — обиженно спросил душегуб, взглянув на меня исподлобья. — Веселишься на мои деньги, прожигаешь жизнь за карточным столом и барной стойкой, а своё любимое предприятие, о котором мечтал с самого детства, так и вовсе забросил в дальний ящик. Когда ты последний раз расследовал дело? Или хотя бы смог раскрыть его, а не взять аванс и спустя неделю стыдливо развести руками?

«Позорище! Гробовщика спутали с юнцом-детективом, бросившим институт. Только вот в начале нашего диалога этот болтун упомянул, что университет является магическим... Очередная ирония? Магия ведь давно ушла из мира.»

— Не хочешь говорить, понимаю. — собеседник смурно кивнул. — Просто нечего отвечать...

Когда по лицу бугая потекла одинокая слезинка, я задумался, что надо мной, должно

быть, шутят.

— Гражданин, — я аккуратно вылез из тазика, после чего взял юмориста за плечо. — Пошутили и хватит. Я и студент? Тут даже ребёнок не поверит... — договорить у меня не получилось: я увидел на стене криво висящее зеркало.

Я нерешительно подошёл к нему и чуть поддел ногтем. В отражении на меня уставился какой-то худощавый паренёк с чуть удлинёнными русыми волосами.

— А как вы это провернули? — я наигранно усмехнулся и ткнул в зеркало большим пальцем.

Громилы непонимающе на меня уставились.

— Если ты про разбитый затылок, то это у тебя надо спрашивать. — ответил хозяин записки, а затем вдруг хлопнул себя по лбу. — Точно! — мужчина развернул смятый лист бумаги и зачитал: — Пусть это жалкое преступление будет уроком каждому, кто решит, будто может самостоятельно вести дела, не поделившись с товарищами. Собаке — собачья смерть... — громила хмыкнул и утёр пот со лба этой же писулькой.

— Босс, — маленький крепыш наконец сложил душевую лейку в тазик. — Это что ж получается, кто-то решил, что убил Лойда?

— Выходит, что так, Гастон. — мужчина задумчиво взялся за подбородок. — Лойд, что ты помнишь со вчерашнего вечера?.. Лойд?

Я наконец сумел вытереть зеркало дочиста и взглянуть в своё отражение, не отвлекаясь на разводы и капли. От увиденного по моей спине прошёл холод.

«Это точно не я. Не тот нос, не те уши, не тот лоб, не то выражение лица. Может, это маска?»

Я принялся скрывать по щекам ногтями. На них оставались отчётливые красные следы.

— Не маска... — чтобы не упасть, я схватился за раковину и сжал её до побелевших костяшек. — Не может быть... Что с тобой стало, старина?

Я заплакал. Первый раз за десять лет. Слезы текли по моим исцарапанным щекам, и я никак не мог их остановить.

— Ну, мальчик, — громила подошёл к зеркалу и неловко меня обнял. — Дядя Джим всегда рядом. — он похлопал меня по спине и затем, чтобы переключить моё внимание, кивнул в отражение. — А ты стал выше. Небось, уже шесть футов?

«Футы... Что эта за странная мера измерений? Что это за странные люди? Кто это в зеркале, неужели и вправду я?!»

— Ну, пошли, — Джим перестал меня обнимать. — Выпьем чайку, побеседуем.

Теперь мне очень хотелось побеседовать. Хотелось настолько, что я опередил этих двоих на шаг и со скоростью профессионального официанта расставил стулья, после чего мигом бросился к чайнику и в одно движение заварил гремучую смесь трав.

— Ловко. — оценил Гастон и присел на треножный стульчик. — Раньше ты так не умел.

«Конечно не умел, дубина, потому что я никакой не Лойд! Я Ричард Донаван, и этого никто не изменит, даже моя новая морда!»

— Когда ты уже переедешь. — Джим окинул помещение осуждающим взглядом. — Тут даже гоблины бы не жили, а уж эти гастарбайтеры на определении квартирных сортов говна собаку съели.

Мы находились в берлоге какого-то нищего холостяка: одна большая комната, в углу валяется пожелтевший матрас с мокрой наволочкой, на гладильной доске сплошь мятые, а то

и вовсе грязные вещи, а в кухонной зоне свалено с десятков грязных кастрюль и столько жен тарелок. Венцом всего интерьера была огромное красное пятно на полу. Оно уже настолько въелось в половицы, что оттереть его не представлялось возможным. Только от одного его вида мне хотелось схватиться за затылок.

Когда чай был готов, я быстро разлил его по кружкам и, захватив с полки какие-то чёрствые пряники, присел на третий стул. Он так скрипел, что я сразу догадался — одно неверное движение и он скинет меня на пол.

— А вкусно. — Джим всосал в себя половину чашки, умудрившись не обмакнуть в чае густые чёрные усы. — Но перейдём к делу: налоги на твою детективную деятельность составили целых шесть золотых.

По смущённому виду Гастона я понял, что сумма для этих мест весьма большая.

— А налог за то, что ты записался в гильдию детективов и они посылают тебе оттуда работу, — продолжил Джим, испугав бедного помощника ещё больше. — Пять золотых и три серебряшки. Ни сказать, что большие деньги, — от этих слов Гастону стало плохо. — Но есть одна проблема: совсем недавно я вложил в игорный бизнес и денег у меня нет. Кто ж знал, что мой названный сын не заплатил за собственное предприятие ни гроша.

— Я могу заработать.

«Враньё. Мой примерный план действий: найти в этом странном сказочном мире какого-нибудь колдуна и потребовать, чтобы он отправил меня домой. Только вот для этого нужны деньги.»

В дверь неожиданно постучали. За мутным стеклом, за которым виднелся порог, я углядел какого-то напыщенного гражданина в цветастом одеянии. На плече его куртки был вышит чёрный лев.

— Мистер де Салес, я знаю, что вы здесь! Попрошу вас соблюдать договорённости гильдии и наконец выйти на работу, иначе я подам на вас жалобу вашему начальству!

— Лойд, ты связался де Вилларе? — Джим сурово нахмурил брови. Это особенно комично смотрелось в купе с маленькой чашкой в его руках.

«Отрицательный ответ приводит к новым вопросам. Я выучил это уже в первый год обучения.»

— Ну да, связался. А что такого?

Джим злобно засопел. Не надо иметь семь пядей во лбу, чтобы понять, что связываться с де Вилларе в этом месте непозволительно.

— Откройте! — завопил обиженный бедняга за стеклом. — Ваша мышкин союз частных сыщиков дал мне этот адрес, поэтому я непременно добьюсь ответа, пусть даже мне придётся простоять под этим крыльцом весь день!

«Какой упёртый малый.»

— Ты хоть понимаешь, что наделал?.. — усач помрачнел, как грозовая туча. — ...Это ведь новое дело, сынок! — вся угроза с лица шутника мигом улетучилась, и он бросился обнимать меня, как плюшевого медведя.

Я успокоился и на секунду перевёл дух.

«Де Вилларе... Остроухий человек предупреждал меня о них. Только вот что конкретно он сказал?»

— Мистер де Салес, вы слышите меня?! — надоедливый слуга забил по двери, как по южным барабанам.

— Болтают, что у них де Вилларе дочка недавно пропала, прямо перед свадьбой. —

заговорил Гастон. — Журналисты как с цепи сорвались: пишут, самое громкое преступление этого лета...

— И это значит, — Джим до хруста схватил меня за плечи. — Что Лойд де Салес снова в игре! Зрители, занимайте лучшие места, ведь этот непревзойдённый сыщик не раскрыл ещё ни одного дела! — громила заржал, как скаковая лошадь. Его смех подхватил и Гастон, всем своим видом олицетворяющий фразеологизм «рубаша-парень».

— Вы ещё и смеётесь! — человек за окном смешно завизжал. — Да я подам на вас в суд!

Здоровячки подошли к окну, тихо прыскавая в ладошки.

— Не будем вам мешать. — сказал Гастон на прощание и закрыл за собой ставни.

«Я в теле юного детектива-профана и повесы, мой дом неизвестно где, а под моим окном стоит красный как помидор представитель какого-то знатного рода и требует, чтобы я приступил к работе. Отлично же я отдохнул прошлым вечером.»

Я работал над многими убийствами, терпеливо ожидая тот день, когда я смогу воскликнуть: это сделал дворецкий!

Касл (Castle)

Ричард «Рик» Касл

Когда напротив вас сидит какой-то незнакомый тип в дорогой одежде, то вам обязательно надо что-то ему сказать. «Какая сегодня хорошая погода, сэр!», или «этот костюм так прекрасно подходит к вашим туфлям, милорд!». После такой лести, как правило, даже самый чёрствый человек немного оттаивает и сменяет гнев на милость... Так я думал до сегодняшнего дня.

Впустив старичка в парадной ливрее в мою новую конуру, я никак не ожидал, что он будет настолько молчалив и угрюм. Всё, что делал этот наглый седой крикун — с отвращением рассматривал комнату, в частности, жёлтый матрас, которому он уделил даже больше внимания, чем бурому пятну на половицах. Будь у меня время, я бы выпытал из этого лаконичного гостя всю необходимую мне информацию и попросту бы сбежал, но вот незадача — времени как раз-таки и не было. Меня ждало королевство.

— Вы не знаете, в какой стране мы находимся? — спросил я после минутной паузы и затем лениво отпил зелёного чая, будто бы мой вопрос входил в категорию вполне обычных.

Лицо гостя вытянулось, как у приведения, которое под воздействием сквозняка начало стремительно улетать в дымовую трубу.

— Мне говорили, что жребий в детективном агентстве может сыграть с клиентами злую шутку, — дедок сжал кулаки до хруста в суставах. — Но чтобы так — ни разу.

— А мне кажется, что я задал вполне логичный вопрос, мистер... как вас там?

— Броуди. Броуди де Вис. — выщедил старикан, чуть не плюнув в меня. — Вчера мы с вами уже общались. Вы обещали прийти в наше поместье к десяти утра.

— Тогда я и вовсе не понимаю вашего негодования. Пока мы идеально укладываемся. — я указал на настенные часы, висящие прямо у старика за спиной. Они остановились ровно на девятке.

— Сейчас уже половина двенадцатого. — пробурчал старик, нахмутив орлиные брови.

Возникла неловкая пауза. Я ещё никогда не опаздывал, поэтому не знал, что надо говорить в таких случаях. Наверное, простым «извини» тут не отделаешься: надо как минимум заняться тем, о чём вас просят, чего я делать решительно не хотел.

— Слушайте, — сорвал я вуаль тишины спустя чашку чая. — Вы не знаете, поблизости нет никакого... скажем так, колдуна? — я вопросительно поднял бровь.

— Юноша! — гость вскипел. — Вчера вы божились мне, что раскроете дело за три дня, и что же я вижу теперь? Вы валяетесь в смердящем вином халате, сладко попиваете чай и задаёте мне самые глупые вопросы на свете! — грубиян закашлялся, но его было уже не остановить: он продолжал кричать даже сквозь больное горло. — Есть ли у нас колдуны?! Да вы и сам маг! Кстати, ещё и профессионал, если судить по вашей анкете! — дедок язвительно усмехнулся. — Только вот на профессионала вы не очень-то тянете. Мне кажется, ваш максимум — подпалить волосы в носу.

«В словах этого негодяя есть доля правды: если прошлый хозяин тела обещал ему золотые горы, то он имеет право требовать от меня хотя бы встать с дивана.»

— Что ж, Броуди, вы хотите, чтобы я взялся за дело?

— Это я-то хочу?! — бедняга просто взбесился. Будь он чайником, из его ушей повалил бы пар. — Расследовать дела — ваша прямая обязанность! Нечего было заносить свою контору в реестр детективного агентства, если вам так не нравится работать детективом!

— Ну что ж вы так кричите. — я сделал миролюбивый жест руками. — Возьмусь я за ваше дело, не переживайте...

— И как тут, спрашивается, не переживать? — хрыч испустил грустный вздох. — Вы читали, что пишут в газетах?

Я отрицательно кивнул головой.

— Да уж, и на что я надеюсь. — мухомор неодобрительно отпил чая. — Молодёжь и газеты несовместимы.

«Я никогда не брал в руки газету, потому что всегда был уверен, что слова, выходящие из-под пера журналиста — преувеличение, перевираание фактов или и вовсе плод его бурных фантазий. Эта моя непоколебимая уверенность обусловлена многими факторами, и самый простой из них лежит на поверхности: когда человек что-то пишет, пусть даже и рапорт, он забывается, и из-под его руки выходит далеко не то, что ему первоначально хотелось бы написать. Да и верить тому, кто всегда субъективен и обладает точно такими же чувствами, как и у тебя — непозволительная роскошь.»

— И что пишут в газетах? — спросил я с напускным любопытством.

— Что Адель сбежала из-под венца. — неохотно ответил собеседник, впрочем, сразу добавив: — Разумеется, в этих сплетнях нет и доли правды!

— А зачем тогда вы их читаете? — вновь задал я вопрос, для проформы подозрительно прищурившись.

Старик немного сконфузился. Не найдя достойного ответа, он обозлённо выпалил:

— Ваше дело — расследовать преступление, а не задавать мне глупые вопросы! — и был таков.

Я оказался весьма доволен тем, что подловил глупца на противоречивых взглядах, но этого по-прежнему было крайне мало: мне хотелось ответов. И, как я уже давно понял, от дедка их не дождёшься. Чтобы спросить элементарные вещи — год, страну, форму правления и местонахождение хорошего колдуна, мне придётся воспользоваться услугами улиц. Как в молодости. На ностальгию пробирает.

— Ну ладно. — я встал из-за стола. — Мы, конечно, хорошо посидели, но мне уже пора. Я подошёл к двери и приветственно её открыл.

«Надеюсь, намёк понят...»

— Ах вы сволочь!.. — разгневанный старик выкинул чашку с цветочками в дверной проём. — Сначала возвращайте деньги, а потом уже катитесь на четыре стороны!

— Какие деньги? — я сдвинул брови к переносице. — Вы не давали мне никаких денег. Дед схватился за сердце и упал на пол.

— Чтоб вас, проклятый тунеядец! — уже на половицах бедняга достал из-за пазухи какой-то синий флакончик и выпил его залпом.

Я не стал обращать внимания на актёрскую игру надоедливой гостя и подошёл к шкафу с одеждой. Кое-как найдя нормальные брюки и достойную рубашку (всего-то без пары пуговиц), я вышел на порог и обулся в замечательные военные ботинки, явно кем-то украденные. Догадаться об этом было не сложно: надпись «Эйвариллиан» на внутренней стороне обуви весьма прозрачно намекала на статус собственности.

Заметив, что я не планирую ему помогать, дедуля перестал корчиться и самостоятельно поднялся с пола.

— Верните аванс, мошенник! — седой клещ вцепился в меня, как мать казнённого в прошлом году контрабандиста.

— Отстань, прилипала! — я толкнул де Виса в сторону кухни и выпорхнул из душевой комнаты. — У меня нет времени, я спешу на встречу... а это ещё кто?

На пороге меня поджидало двое каких-то подозрительных личностей. Повезло, что крыльцо было на втором этаже, и, чтобы добраться к нему, приходилось для начала пройти узкую деревянную лестницу.

— Лойд, какая встреча! — низенький мужчина залез на первую ступеньку. На нём был чёрный костюм не по размеру. — А мы всё думали, когда к нам заглянешь!

За моей спиной показался тяжело дышащий Броуди.

— Кто эти люди? — спросил он с дворянской наглостью, сразу прибавив пару сантиметров в росте.

— Кто мы такие? — передразнил старикана новый гость, приподымая низко висящие брюки. — Мы, дедуля, обманутые букмекеры.

Громила позади коротышки ехидно усмехнулся. Его бицепсы были готовы порвать кожаную куртку.

Я понял, что дело пахнет жареным. Букмекеры никогда не приходят к друзьям, чтобы попить чай, потому что и друзей-то у них нет. Если грязный ставочник оказался на моём пороге и называет себя обиженным, то это значит, что я, а ещё вернее — Лойд де Салес, задолжал ему денег.

— Парень, — обратился я к маленькому кредитору, попутно затолкав ворчащего старика обратно в комнату. — Ты знаешь, что ставки — противозаконная деятельность?

— Неужели? — малыш нагло ослабилась. Ещё два шага, и он окажется прямо у моего носа. — А я-то думал, что парламент давно отменил этот закон, а тут, оказывается, какой-то задрипанный студентик знает больше, чем я. Грустно.

Ироничный болтун подошёл ко мне вплотную и достал маленький раскладной ножик. Холодное оружие вынудило меня прижаться к ограждению.

— Лойд, ты знаешь, почему Гарри прозвали красным? — ростовщик указал в сторону громилы, еле уместящего свои шарообразные плечи на крыльце.

— Не имею понятия. — ответил я, сглотнув ком в горле. В своё время мне приходилось много тренироваться, чтобы добиться такого эффекта: пугаться я попросту не умел.

«Такие, как этот букмекер, любят замечать, что люди их боятся. Уверен, от радости он предоставит нерадивому должнику ещё пару дней, а там уже проблемы Лойда де Салеса перестанут быть моими проблемами: я вернусь в своё тело.»

— Гарри прозвали красным, — моя игра понравилась букмекеру: он противно заулыбался, обнажив гнилой ряд зубов. — Потому что когда он выбивает долги, его лицо приобретает алый цвет. Довольно пугающая особенность, ты согласен?

Я робко кивнул.

— И вот, ты вынуждаешь Гарри вновь стать красным. — букмекер оскалился. — Верно, Гарри?

— Угу. — ответил гигант, умело засучив рукав на правой руке.

«Чтобы соблюсти необходимые дворовые формальности, мне отвесят пару пощёчин и пинков, а затем наконец отпустят домой — собирать деньги. Очередная победа, Ричард...»

Маленький ставочник отошёл в сторону и спрятал ножик. Я недоумённо на него покосился.

— А на что ты надеялся, Лойд? — малыш гнусно захихикал. — Ты кормишь меня завтраками уже с месяц. Уж извини, но придётся тебя хорошенько избить и выкинуть голым где-нибудь в пригороде...

Кулак красного Гарри впечатался в мою физиономию. Я и не успел понять, как это произошло — вышибала был чертовски быстр. От удара я с треском врезался в гнилое ограждение и, сломав его, вместе с досками выпал на улицу, в какую-то грязную канаву.

— Шикарно, Гарри! — букмекер захлопал в ладоши. — Не зря тренировал удар на той старушке!

Я валялся на заднем дворе парочки доходных домов. Они окружили меня, как друзья Марианны, и предоставили единственный выход — через узкий проулок, ведущий к двери с надписью «золотой утёнок».

Я неловко встал, и, чуть шатаясь, направился к спасительному проходу. Коротышка захныкал.

— Ну, Лойд, ну трусишка! Ты сам хоть раз дрался или всегда звал папашу? — мужчина язвительно фыркнул. — А теперь нет его больше, старшего де Салеса, в петлю засунули и скинули в яму, даже без могилки. Теперь ты сам по себе, гад!

За ярким представлением пришли понаблюдать все соседи — они украдкой повыглядывали из окон, словно боялись, что Гарри может прийти и за ними, и с нетерпением стали ждать, когда какого-то зарвавшегося детектива размажут по стенке. От их голодных взглядов мне становилось не по себе. Неужели во всех мирах люди так хотят жестоких зрелищ?..

Я почти добрался до двери золотого утёнка, но ловкач-Гарри успел схватить меня за плечо и развернуть.

«Не хотел я этого делать, но выбора нет — убей или будь убитым.»

Когда громила уже готовился нанести свой сокрушительный удар по челюсти, я сделал одно простое движение, от которого все люди на земле буквально теряют способность дышать — удар двумя согнутыми пальцами под дых. От простенького приёма лицо Гарри приобрело приятные пунцовые оттенки: чтобы таскать такую гору мяса, ему приходится прикладывать немало усилий, и стоит перекрыть такому гиганту кислород — он труп.

— Что ты там замялся, тролль! — вскрикнул букмекер, сердито топнув ногой.

Обескураженный вышибала попытался пнуть меня в пах, но я резво отпрыгнул от его подлого взмаха и контратаковал прямым ударом ноги в колено.

Что-то хрустнуло. Гарри закричал, как плаксивая баба, и с жалким видом свалился на землю. Я подобрал доску из бывшего ограждения моего крыльца и с превеликим удовольствием опустил её на голову противника. Красный Гарри перестал двигаться. Букмекер завизжал.

Я опустился на колени и прощупал пульс бедного вышибалы. Он еле прослеживался, но всё же был — это радовало. Не хотелось начинать день в новом мире с трупа.

— Ты чего наделал! — конторщик спустился с крыльца, не подымая волочащихся по земле штанов, и достал сверкающий ножик. — Я думал зря не мучать тебя, но теперь так изуродую, что мать родная не узнает! Кстати, где это шлюшка? — наглец противно улыбнулся. — Сейчас в спелом яблочке, ведь так?

— Наверно. — я неопределённо пожал плечами. — Трахается с каким-то забулдыгой.

От удивления букмекер раскрыл рот.

— Ты чего... — мужчина неверяще замахал головой. — Нельзя так о матери говорить!

Вот гад, ничего святого!

«Знал бы ты, насколько мне плевать на мать какого-то Лойда де Салеса, ты бы заплакал...»

Разгневанный букмекер бросился ко мне с ножом и получил, что хотел — в бубен. Первым же ударом локтя я отправил мальчика считать звёзды. Бедняга даже не успел воспользоваться оружием — наверное, носил его, чтобы яблоки резать.

— Это я изымаю. — я поднял блестяшку с земли и спрятал её в карман брюк. — А ты, — я ткнул в хорька пальцем, и он смешно затрясся. — Ещё раз здесь увижу, сдам властям. Понял?

Мальш поднял руки в молящем жесте.

— Ладно, вали отсюда. — я махнул на мелкого вредителя рукой и направился к своей комнате, чтобы переодеться.

Люди на балконах расстроено повздыхали и быстро разошлись по своим делам. Вскоре задний двор опустел, и лишь парочка ребятишек продолжила качаться на тарзанке, подвешенной к старому почерневшему дереву.

«Интересный город» — я внимательно посмотрел на дом, в котором жил де Салес — трёхэтажное здание, примыкающее к золотому утёнку, как старший брат. «Сплошь малоэтажный. С крыльца, должно быть, открывается шикарный вид, а я даже не удосужился на него посмотреть...»

Поднявшись на навесную конструкцию, я мельком взглянул на открывшуюся панораму города — ровные ряды каменных домов, медленно спускающихся к линии моря... Ах, это подлое море! Оно было не таким, как на юге моего королевства — светло-голубое, сверкающее на дневном палящем солнце, как гора кианитов. Его лёгкие волны гнали белопарусные корабли в огромную бухту, окружённую полуостровом, а на краю этого полуострова стоял высокий маяк. Белый, без всяких уродливых полосок. Сейчас он был выключен, но ночью, я больше чем уверен, его желтоватый свет прекрасно освещал всю бухту.

— Красиво... — старик тихонько встал напротив меня и уставился на водную гладь.

— Вы правы. Но люди не ценят красоту вокруг себя, — я кивнул на широкий проспект, с которого точно так же открывался вид на бухту. Прохожие даже не подымали лиц. — Они привыкли, что прекрасное неизменно ходит рядом с ними, как тень, и даже и не думают, что это великолепие может когда-нибудь исчезнуть. А оно ведь может — исчезнуть. На моей родине давно нет такого моря: его испортили фабрики, заводы и трубы с отходами. Циники и глупцы гордо называли это прогрессом, а люди им долго верили. Слишком долго.

Старик понимающе хмыкнул.

— А где вы жили? Де Салес — южная фамилия. Родились на юге империи?

Я издал грустный вздох.

— Нет. Я родился в Реордане — королевстве, раскинувшемся почти на всём континенте. На севере там добывают сверкающие изумруды и топазы, столь большие, что и в руку не умещаются, а на юге делают вино такого вкуса, что только от одного его запаха можно захмелеть...

— Должно быть, это где-то далеко-далеко. — высказал предположение старик, и сам не зная, насколько был прав.

«Интересно, что с моим телом? Лойд де Салес занял его, как паразит?.. Тяжко ему придётся, с болтами в груди и с такой-то работой. Это не всякую хрень расследовать...»

Вспомнив о следствии, я сконфуженно уставился на старичка. Он, по-видимому, всё понял, потому что издал глупый смешок и успокаивающе хлопнул меня по спине.

— Здорово ты расправился с этими дуболомами. Я уж думал, скинут нашего детектива в море... Ты ведь наш, верно? — старичок крепко сжал моё плечо своими опухшими от боли в суставах пальцами. — Пойми, я бы так не приставал, будь у нас иной выбор. Но сам знаешь, что случится, если откажешься: нам выпишут нового детектива только спустя неделю, а то и две...

— А если пропал человек, то вероятность его найти кратно снижается с каждым днём... — я понимающе кивнул.

— А мне говорили, что в следствии ты ни черта не понимаешь, и что жребий давно уже пора отменять. Наврали, скоты! — дедуля радостно засмеялся.

«Отказать ему?.. Я ничего не потеряю, если откажусь. Правда, Лойд уже взял аванс, и я всё никак не могу вспомнить, где он находится.»

— Броуди, — я убрал руку старика с своего плеча и придал грустное выражение лицу. — Я взял у вас аванс, ведь так?

Дед согласно закивал. Я испугался, как бы от таких активных действий у него не свело шею.

«Ричард Донаван никогда не бросает человека в беде и не нарушает данных обещаний. Если я хочу остаться собой, то должен держать марку. От меня не убудет, если я схожу и осмотрюсь в имении де Вилларе...»

— Куда надо топать?

Лицо старика засияло, как божественный нимб.

— Так я вас проведу, детектив!

Вообще-то я против миллионеров, но если бы мне предложили им стать...

Марк Твен

«Сенсация! Дочь знаменитой светской львицы сбежала из-под венца! Официальная сторона пока не даёт комментариев, но ради вас, дорогие читатели Столичной лилии, мы сумели узнать, кто же ведёт это непростое дело — человеком, перед которым теперь стоит непростая задача по поиску сбежавшей Адель де Вилларе, оказался некий Лойд де Салес. О нём почти ничего неизвестно, кроме того, что его родственники нажили состояние на торговле людьми...»

Я споткнулся об брусчатку и чуть не выронил газету.

— В вашем городе везде такие плохие дороги? — я со злостью пнул какой-то мелкий камешек, и он с обиженным бульканьем упал в дождевую канализацию.

— И вовсе нет, — коротко ответил старик и затем как бы невзначай спросил: — А вы же говорили, что газет не читаете? — и невинно улыбнулся.

«Вот хрыч. Думает, что подловил Ричарда Донавана на лжи? Как бы не так!»

— Да, вы правы — не читаю. Но этот случай, — я развернул кусок противной жёлтой бумаги и ткнул в картинку на первой полосе. — Особенный.

На картинке была изображена Жозефина де Вилларе. Эта дама оказалась весьма популярной в народе, и, проходя мимо очередного кафе или бистро, мы нет-нет да и слышали, как о ней говорят окружающие.

— А вы умеете ужалить побольнее. — пожаловался дедуля и немного сбавил ход, чтобы пропустить стайку студентов.

Молодые люди шли поперёк дороги, к какому-то дрянному бару, и редким каретам или телегам приходилось покорно ждать, пока эта шумная компания не освободит проезжую часть. Транспорта в городе было много — намного больше, чем в столице королевства: тут разъезжали и синие вытянутые телеги, вмещающие до двадцати пассажиров, и сверкающие серебром кареты с откидным верхом, и даже развалюхи с худыми клячами, еле тащившимися по дороге. От количества средств передвижения у меня буквально рябило в глазах.

— Вы осматриваете всё с таким любопытством, будто первый раз проходите по улице святого Клавдия. — дедуля хрюкнул.

— Просто я давненько не выходил на улицу...

Знакомая седая макушка неожиданно скрылась в густой толпе. Я не успел даже пискнуть — раз, и нет её. Зато, словно по волшебству, вокруг появилось с десятков других голов, совершенно разного качества — тут тебе и рыжий парик, и странные дреды, и...

— Что, орка никогда не видел?

От изумления я раскрыл рот.

— Вот же. — зелёное существо плюнуло мне под ноги и, грубо оттолкнув в сторону, скрылось в потоке прохожих, приговаривая: — Понаехали!

«Показалось?» — я замахал головой, отгоняя странное наваждение. «Наверное, так бывает, когда переносишься в другое тело — видишь всякое...»

Постоянно оборачиваясь, я побрёл в сторону громадного медного памятника и столкнулся с какой-то остроухой дамой. Её волосы имели соломенный цвет.

— Простите, мисс...

— Аккуратней, морячок. — ответила мне мужицким басом милая кокетка и затем шустро скрылась в толпе.

«Что за...» — я крайне активно замахал головой, но странные личности так и не захотели уходить с улицы, и даже хуже — начали коситься на меня. Хрупкие девушки с крыльями, низкие бородачи с топорами, уже знакомые зелёные громилы с оголённой грудью или их смазливые коллеги, меняющие пол по мановению волшебной палочки — все они насмешливо окидывали мою персону уничижительными взглядами и как ни в чём не бывало проходили мимо.

— Эй, ты чего, вина перебрал?

Я внимательно стал смотреть по сторонам, но так и не заметил того, кто же задал мне вопрос. Говоривший словно надел мантию-невидимку.

— Голову опусти, олух.

Я последовал грубому совету и увидел, как под моими ногами трётся какой-то мелкий мужичок с оголёнными ступнями. Он доходил мне до пояса.

— Что, малорослика никогда не видел?

Я принялся протирать глаза.

— Тьфу! — маленькое создание махнуло на меня рукой и мгновенно пропало. От него остались только маленькие следы на пыльной брусчатке.

«Что это за загадочные существа? Неужели... Быть такого не может. А если... Нет, нет, глупости... На секунду представить, что... Я попал не в свой мир?»

Захотелось закричать и что-нибудь сильно пнуть. Для этого я остановился посреди улицы и, вдохнув побольше воздуха, врезал по пустоте с воинственным воплем.

— Су-у-у-у-ука! — какая-то пузатая мелочь взмыла в небо, выронив из рук позолоченную трость.

— Что вы делаете! — внезапно появившийся Бродди резко схватил меня за руку и стремительно увёл куда-то за угол. — Это же главный банкир в городе! — старик неодобрительно покачал головой.

Я с сомнением взглянул на мелкого чудика в носатых ботинках: на банкира он не походил. На идиота, вырядившегося в летнюю жару — да, но вот на богача — вряд ли. Бедняга свалился в огороженную клумбу и теперь никак не мог перелезть через низенький заборчик.

— Не знал, что вы расист... — де Вис робко огляделся по сторонам и затем пожал мне руку. — Не скажу, что такие методы мне по вкусу, но вынужден признать, что они наиболее эффективны: эти уродцы-мигранты заполнили все рыбные места в городе, вынудив людей плясать под их дудку. Праздник орков — у дворца императора перекрывают дороги. Священный пост у эльфов — магазины перестают работать по выходным в течение месяца. А эти, — дедуля кивнул в сторону разъярённого существа, которого я только что отправил в экскурсию по городу. — Заняли все бухгалтерские должности, «благородно» оставив наших женщин работать у них на побегушках. Сволочи! — старик враждебно плюнул в сторону лилипута и забавно пригрозил ему кулаком. Когда же коротышка повернулся, хитрец быстренько поднял голову к небу и простодушно засвистел.

«Ничего не понимаю. Какие ещё орки? Я попал в сказку?..»

— А вы случайно не записаны в партию националистов? — дедок вопросительно поднял бровь. — Мне кажется, вы бы добились там немалого успеха.

— Как-то... времени не было. — я неловко развёл плечами. — Туда-сюда... дела. — и

вздохнул.

«Ощущаю себя идиотом»

— Ну ладно, ладно, — старик как-то догадался, что разговоры об орках и эльфах плохо влияют на мои умственные способности. — Защитили страну и хватит.

Седой герой, что храбро служит миру, снял крепкий щит и... поправил напудренный парик. Затем он не менее храбро вывел меня в узкий проулок, соединяющий две большие улицы, и принялся невоспитанно кривиться от окружающей нас бедности.

«Всё, как и в любом городе — за красивым фасадом больших улиц прячутся уродливые домишки бедняков, с облупленной краской, ржавыми петлями и замутнёнными окнами...»

Я встретился взглядом с клыкастым мальчишкой, выглянувшим в окно, и неуверенно поднял руку в знак приветствия. Зашуганный ребёнок не успел ответить: зеленоватая мамаша схватила его за ухо и утянула в дом, заодно закрыв ставни. Я услышал щёлкающий звук висящего замка.

— Всё не привыкли к нелюдям? — дедок хмыкнул. — Признаюсь, я тоже. Во времена моей молодости, — начинается... — Город был широк и просторен, люди жили в мире и согласии, а императорская семья каждый сезон устраивала праздники для народа. Но всё хорошее, как известно, рано или поздно заканчивается: дед нынешнего императора начал программу по привлечению иностранных специалистов и всё пошло по одному месту. Вскоре Арвиде разросся, как поставленный на хлебное место чиновник, и заполнился всякой нечистью. Теперь надо аккуратнее ходить по улицам.

Подтверждая слова старого меланхолика, из проулка появилась троица юных остроухих дев.

— Эй, обмудки. — заговорила одна из них ломанным подростковым голосом. — Отдавайте кошельки и валите отсюда! — красавица вытащила блестящий на солнце стилет.

Дедуля приобрёл мёртвенно-бледный цвет лица и потянулся к пузатому кошельку.

— Дамы, — я успокаивающе поднял ладони. — Мы не ищем неприятностей...

— Они сами тебя найдут, — весьма остроумно ответила одна из барышень. — Кстати, как ты нас назвал, деревенщина? Дамы?

— Ага, Чарли! — подружка шутницы язвительно фыркнула. — Я королева зелёных лесов, и не смотрите, что у меня растёт борода!

Троица весело заржала.

«Грабители обыкновенные. Водятся на полутёмных улицах и в злчных местах. Контактв желательно избегать: они крайне глупы и не понимают, что его действия могут привести к летальному исходу. Как правило, в грабители идут садисты, наркоманы, дети из неблагополучных семей и... Мигранты.»

— Ну всё, похлопал глазками и хватит! — мадмуазель со стилетом двинулась в нашу сторону с явным намерением что-нибудь мне подправить, хоть бы и длину носа.

— Посмотрите на их плечевые знаки! — бедный лакей пришёл в ужас при виде нашитых на рубашках преступников вишенках. — Это банда Черри Висельника!

Мне это обстоятельство совершенно ничего не говорило.

— Думаешь, мы с тобой шутки шутим? — чтобы показать свою крутость, подошедшая бандюга широко развела руками. Тут-то она и ошиблась: Ричард Донаван никогда не прощает преступников, которые пренебрежительно относятся к правилам уличной безопасности.

Я пнул негодяйку в грудь: как всем известно, у девушек это самая уязвимая часть тела...

— Ах ты сука! — противник не пошатнулся, и тогда в моей голове закралось смутное сомнение насчёт пола наших длинноволосых грабителей.

Бандиты повытаскивали оружие и бросились на меня с злобными криками. Мне пришлось доставать личный-украденный-справедливо-отобранный раскладной ножик, чтобы дать зарвавшемуся молодняку достойный отпор.

Для начала я опрокинул стоящий сбоку от меня ящик: первый подбежавший враг влетел в него, как арбалетный болт в грудь дознавателя, и с матерным криком упал, и тогда-то я сплясал на его затылке восточный танец.

— Мразь, я тебе уши отрежу! — подоспевший главарь банды полоснул воздух стилетом. Напрасно: я уже был за его спиной и приготовился к броску через прогиб.

Мальчишка упал в позе собаки, и я принялся пинать его, как спортивный мячик. От моих выверенных ударов слабак заблевал себе всю одежду. Последнему противнику ничего не оставалось, кроме как молить о пощаде, но он был слишком самонадеян:

— Ты что творишь! — зато его напускной бас резко пропал: бандит завизжал, как младенец, у которого только-только начали резаться зубы. — Да Висельник тебя...

Я пнул пыльную дорогу, и вылетевший из-под моих ног песок закрыл крикуну видимость. Когда же он разлепил слезящиеся глаза, мой кулак уже оказался около его плаксивой морды. Послышался хруст.

— И победу в вечном споре улицы и государства как всегда одержал Ричард... — спрятавшийся под порогом старик с любопытством высунул голову. — ...Лloyd де Салес.

Я подошёл к слуге семейства де Вилларе, поднял его за посеребренную куртку и чуть ли не пинками погнал на залитый солнцем проспект. До самого выхода из проулка дедуля странно на меня пялился.

— Одного не пойму, — сказал он, когда мы уже вышли на тротуар. — Почему вы назвали эльфов мужского пола женщинами?

Я закашлялся.

— Ну... Долго там ещё до вашего домика?

Старик расплылся в улыбке.

— Скоро подойдём.

По прошествии пары минут мы действительно оказались в другой части города — она разительно отличалась от первой, и этот контраст был особенно заметен днём, когда ни одна пылинка не может укрыться от внимательного взора. В новом районе города убирали. Более того, даже поливали тротуары и дорогу чистой водой, из-за чего они долгое время сохраняли приятную влажность и свежесть.

На меня упала огромная тень. Я с интересом поднял голову — над макушкой стояли огромные позолоченные ворота. За этими дверьми, напоминающими вход в Рай, виднелись грандиозные по красоте и замыслу постройки, отливающие всеми цветами богатства.

— Эй, — беззаботного слугу де Вилларе остановил рыцарь в красном плаще. Несчастному было столь жарко, что можно было подумать, будто он только вышел из ванной — настолько с него текло. — Кто это с тобой?

— С каких пор частная охрана проверяет уважаемых гостей? — Де Вис гордо поднял острый нос.

— С тех пор, когда содружество соседей королевского района наняло частное охранное предприятие. — безапелляционно ответил мужчина и аккуратно утёр лоб платком. Это действие ему несколько не помогло. — Так что это за хрен?

— Лойд де Салес. Детектив. — Броуди очень не понравился его новый собеседник.

— Детектив, говоришь? — рыцарь цинично ощерился, всем своим видом показывая, что он знает о ситуации с де Вилларе больше, чем мы сами. — Ладно, проходите, пока я добрый. — хозяин красного плаща кивнул, и его крупногабаритные коллеги с алебардами отошли в стороны, открывая нам проход.

— Уж спасибо! — брякнул разъярённый де Вис и, чтобы показать своё недовольство, громко забарабанил своими лакированными туфлями по дорожному покрытию.

Мне не оставалось ничего иного, кроме как пойти за рассерженным лакеем, попутно собирая на себе недружелюбные взгляды частной охраны. Их грозный вид так и говорил, что они, бравые спасители богачей, пускают исключительно важных гостей, а я — в данный момент наглый шалопай-студент, в это число ну никак не вхожу.

— Ишь, моду выискали, проверять слуг семьи де Вилларе! — выпалил старик, как только мы прошли пару кварталов и те, к кому он мысленно обращался, не могли нас услышать. — Кого попало на вход понаберут, а потом сиди, мучайся. Одни проблемы, юноша, одни проблемы! — видимо, это стариковское — жаловаться на жизнь, когда тебя никто не слушает...

— Броуди, — моё обращение прервало тираду старика на корню. — А здесь всё такое... — я окинул наше новое окружение выразительным взглядом и для большей убедительности экспрессивно взмахнул рукой — так делают, когда мешают вино в бокале. — ...Громоздкое?

Седой хрыч ослабил.

— Что, чужой успех на плечи давит?

Вокруг нас не было ни единого дома высотой менее трёх этажей, и каждый из них, без всякого преувеличения, стремился возвыситься над приусадебным ограждением, как любопытный зритель над стадионом.

Крыши этих величественных зданий соревновались, чья же краска сверкает ярче, окна ожесточённо спорили, какое же из них открывает лучший вид на территорию соседа, а задние дворы любезно интересовались, у кого же бьёт самый большой, элегантный и, что несомненно является самым главным — эффектный фонтан.

Всё в королевском районе излучало неуловимую ауру богатства, и не такого, что позволит купить лишней домик на юге, а такого, что даёт право отрезать всем неудобным головы и насаживать их на свои вытянутые, впивающиеся в само небо башни. Местные жители словно хотели произвести друг на друга убийственное впечатление, но, к радости или к сожалению, не обговорили правила заранее, из-за чего пустились строить пятый флигель около десятой дорожки для прогулки.

Завидовал ли я хозяевам этих усадеб? Определённо. А кто бы на моём месте поступил иначе? Я всю жизнь мечтал построить уютный райский уголок и так и не смог этого сделать, а тут какой-то вор, прикарманивший выделенные на сиротские приюты деньги, шикует в неизвестной мне империи, попивая все сорта вин.

— Давит? — я наигранно хрюкнул, и, обойдя высокое тёмное дерево, облагороженное не одним десятком садовников, ответил: — А они так могут?

— Что «могут»? — непонимающе спросил старик.

— Увидеть красоту собственной аллеи сквозь золотые шторы?

Лакей издал колючий смешок.

— Так говорят только сентиментальные завистники, что пытаются отыскать толику

счастья в своей униженной бедности. Могут ли графы рассмотреть какое-то там дерево? — спорщик язвительно фыркнул. — Да всем плевать на это дерево. И на лужайки, и на общественные парки, в которых весело и с переливами стрекочут сверчки, и даже на часовую башню над императорским дворцом — плевать. Важно лишь то, что приносит удовольствие, а это, открою вам страшную тайну, никак не глупые ветки! — с полным сознанием собственной победы, старик подошёл к кусту и беспечно сорвал горсть опаловых листьев.

До того вполне терпимый к чужому мнению, я неожиданно испытал злость: ещё ни разу в жизни мне не доводилось видеть таких кустов — ярких, испускающих аромат разнотравья, в котором удивительно сочетаются и горечь, и пряность, и даже нотка кислой вишни. То, как старик расправился с ним и его лепестками, показалось мне актом вандализма.

— Знавал я одного богатого мужчину, примерно ваших лет. Он всё божился, что мечтает заработать как можно больше денег, чтобы объехать весь мир. Только представьте: горячие пески, холодные тундры, густые леса и все виды овощей и фруктов, какие только есть — счастливчик, не иначе.

— Дайте угадаю, он умер? — дедуля хмыкнул.

«Пожалуй, Броуди де Вис не так глуп, как я думал...»

— А вы быстро уловили суть притчи.

Старичок зарделся от удовольствия.

— Только тот, кто стремится к богатству, может понять всю его бессмысленность для других. Но вот, что я вам скажу: все эти «гении», воспевающие благородную бедность и любовь к духу, а не плоской материи, сидят здесь. В прямом смысле. Вон, — мой собеседник указал на пятиэтажный особняк. — Первый философ империи. Настоящий аскет. — и иронично добавил: — Говорят, у него всего три ванны!

— Что, даже без пенки? — я наигранно закатил глазки от удивления.

— Да что там, даже без увлажняющей маски!

Наш нищий смех был слышен на всю округу...

Это аристократы, мальчик. Они собаку съели на том, чтобы не видеть и не замечать того, что у них под самым носом.

Терри Пратчетт

Мы подходили к усадьбе де Вилларе. Уже издали я заметил, что жилище знаменитой светской львицы весьма отличалось от своих соседей: например, забор, окружавший усадьбу, не был покрашен, а крыша примыкающего к улице флигеля скопила на себе остатки прошлогодней листвы.

Уловив моё любопытство, старик неловко прокашлялся и как бы невзначай уточнил:

— В этом году на ленных владениях госпожи случился неурожай.

— Угу. — отозвался я и взглянул на ржавого льва над воротами. Бедняга видал лучшие времена.

Лакей подошёл к калитке и зазвенел дверным колокольчиком. Вскоре на его зов вышел веснушчатый парнишка в куртке не по размеру. Завидев меня сквозь щель между колонной и дверью, он выпучил глаза и потянулся к поясу.

— Дурачина, это детектив! — де Вис отвесил юноше мощный подзатыльник и затем вырвал из его рук оббитую гвоздями дубинку.

«Повезло, что старик успел предупредить мальчишку до того, как тот на меня накинулся: неизвестно, куда я попаду, если умру в теле вульгарного детектива...»

Я неуклюже подобрался ко входу и представился:

— Рич... Лойд Дона... Де Салес. Лойд де Салес. — и протянул мальчишке руку.

Тот потёр ушибленный затылок и поднял перевязанную ладонь.

— Это где ты так порезался, боец? — я посмотрел на окровавленную повязку. Хитрец быстро спрятал руку за спину.

— Опять вместо Беатрис кусты резал! — воскликнул дедуля и с лязгом закрыл дверь. С неё посыпалась пыль и ржавчина. — Сколько раз я тебе говорил: твоя работа — помогать мне по дому, а не строить глазки толстозадым красавицам!

Юный садовник залился краской. Я бы на его месте тоже засмутился — судя по всему, старику он вообще не помогал: главный предмет гордости любого поместья — хозяйский дом, заметно просел на левый угол, сторожевая будка упала на забор, а прекрасный сад зарос сорняком. О кустах вокруг дома я и вовсе молчу — столь уродливых созданий бог бы никогда не сделал, если бы следил за миром.

Всё внутреннее убранство двора красноречиво просило денег. Даже тропинка из гравия, на которой я сейчас стоял, требовала обновления: в ней не хватало камней и кое-где виднелись проплешины чёрной земли...

— Ну что, так и будешь стоять? — неожиданно спросил лакей, введя меня в ступор.

Я суетливо поправил воротник рубашки и огляделся в поисках прохода к дому.

— Ты, с-собака сугулая, возмёмься наконец за дело, или мне за тебя поработать?

Моё лицо вытянулось, как у груши.

— Симон, я с кем разговариваю?!

Поняв, что обращались не ко мне, я облегчённо вздохнул. А вот Симону пришлось не сладко: его отправили на тропинку пинком под зад. Только пятки сверкали.

— Я вас догоню, когда переоденусь в рабочее. — обратился ко мне старик и устало

направился к сторожевой будке.

— Погодите, а...

— Я занят! — дед хлопнул дверью с другой стороны.

Мне ничего не оставалось, кроме как догнать того доходягу со странным именем. Шёл он крайне быстро — видимо, привык всюду поспевать за энергичным Броуди, и настичь его у меня получилось только ближе к фонтану. Сие дивное строение, по-видимому, являлось центральным элементом композиции, должной приковывать к себе всё внимание, и поэтому было сделано в лучших традициях фанфаронов — из белого мрамора, с едва заметными прожилками.

— Хороший фонтан. — сболтнул я и так очевидную вещь, чтобы хоть как-то завязать разговор. — И рыбки плавают... — я присел на край мраморного ободка и зачерпнул горсть воды. — Тёплая.

— Ты пришёл о фонтане поболтать или работать?

От выставленной напоказ грубости моё лицо приобрело выражение скисшего помидора.

— Знаешь, нам тут не нужны всякие тунеядцы и иждивенцы. — продолжил мальчишка, смешно скрестив руки-веточки. — А твоя персона напоминает мне именно кого-то из этой братии.

— Не слишком ли вы молоды, чтобы говорить со мной на ты? — я щёлкнул по водной глади пальцем, и капли с вызовом упали на лакейскую куртку.

— Ты кого тут из себя строишь, палка! — раззадоренный юноша поднял руки в стойку. Любой бы понял, что боец из него никудышный: правый бок открыт, передняя рука находится в расслабленном положении, ноги поставлены слишком широко. В драке с профессионалом его бы быстро отправили считать пролетающих мимо воробьёв. — Ты младше меня, какой из тебя мистер!

«Точно!» — я мысленно хлопнул себя по лбу. «Я ведь вернул себе юность и теперь выгляжу, как смазливый хлыщ. Куда уж мне требовать к своей персоне уважительного обращения...»

— Вставай, гадёныш! — садовник дерзко замахал руками. — Сейчас я научу тебя умному! И не думай, что если работаешь на госпожу, то тебе будут поблажки: наоборот, с таких, как ты, двойной спрос!

«Вспыльчив. Нагловат. Жилистый. Наверняка часто дрался с соседскими мальчишками и привык побеждать из-за более крепкого тела... Или у него сегодня просто плохое настроение. В таком случае моими догадками запросто можно подтереть зад...»

Храбрец бросился на меня с кулаками. В его движениях даже и не пахло какой-либо техникой, но животная агрессия с лёгкостью заменяла поставленный удар... Ну, почти.

Я перевернул садовника через бедро и выкинул в фонтан. Брызги разлетелись по всей площадке.

— Нюхач поганый! — обескураженный мальчишка попытался вылезти из воды. Тщетно: я затолкал его обратно. — Уж погоди, вылезу и...

Я схватил веснушчатого драчуна за волосы и потянул на дно. От его бестолковых попыток вырваться по воде пошла пена.

— Засекай!.. — радостно воскликнул я и тут же хлопнул себя по лбу: засекал было некому.

«Тут, как на кухне: главное, не передержать... Ну, и иногда проверять готовность ножичком»

Бедняга забился в конвульсиях. Ещё чуть-чуть, и он бы выплескал всю воду из фонтана, поэтому я поднял его со дна и выкинул на обогретую солнцем плитку. Негодяй закашлялся и униженно начал поправлять патлы.

— А теперь послушай, что я скажу, мелкий свинтус. — чтобы подросток обратил на меня внимание, я загородил ему солнце. Это произвело весьма неплохой эффект: нырлящик задрожал. Хотя, буду честен, скорее всего тому виной был лёгкий морской бриз, а никак не мой угрожающий вид. — Сегодня у меня выдался крайне неудачный день: я чуть не умер, оказался в непонятном месте и забыл, кто я такой. И мне очень не хочется, чтобы всякие мелкие жулики мешали мне вести дела. Скажу больше: я согласился вам помочь исключительно по доброте душевной, потому как с утра идти никуда не собирался...

— Как ты меня опрокинул? — перебил мой поток словоблудства озадаченный юноша и прищурился: моего роста не хватало, чтобы полностью загородить солнечный свет, поэтому лучи светили прямо в его раздражённые от воды глаза.

«И это всё, что ты хочешь спросить? Воистину, главный грех юности — самолюбие»

— Я детектив. В мои таланты должен входить рукопашный бой, иначе бы меня давно кто-нибудь убил... — при слове «убил» мне почему-то очень захотелось взяться за затылок. — В общем, веди меня к госпоже де Вилларе и помалкивай, пока я не спрошу. Усёк?

Драчун кивнул.

— Вот и чудненько. — я протянул ему руку. Мальчишка встал и, чтобы хоть как-то загладить неловкость, возникшую после досадного поражения, брякнул:

— Тут недалеко.

Я издал саркастический смешок.

— Вижу. — напротив нас уже чернел силуэт двухэтажного дома, прячущегося под тенью лип. — Что, совсем нет денег, раз даже ветки не обрезаете?

Лакей стыдливо зарделся. С минуту мы шли молча.

— Чтоб ты знал, — сказал он мне, когда решил, что всё же готов поспорить. — Счастье не в деньгах.

— А вот твой наставник так не считает. — подколот я мальчика, отчего тот покраснел ещё сильнее. — Броуди полагает, что богатство — лучшая добродетель.

— Мистер де Вис не прав. — юноша пугливо оглянулся по сторонам и, когда понял, что опасность ему не угрожает, добавил: — Он вообще редко оказывается правым. Старость делает людей глупыми.

«Сильное заявление»

— Как по мне, в старости человек просто приближается к ребёнку. Становится более наивным, что ли. — я неопределённо пожал плечами. — Поэтому нельзя сказать, что время делает людей идиотами, так же как и нельзя сказать, что ребёнок не понимает, кто рядом с ним находится...

Симон уважительно закивал.

— Должно быть, ты много читаешь, раз думаешь о таких вещах.

«В этом месте признаки бесхитростной мещанской философии принимают за эрудированность. Теперь я точно знаю, что это не тот мир, где находится моё королевство: в обществе себе подобных я никогда не слыл бог весть каким умником...»

На лесть мне было совершенно нечего ответить, поэтому я сразу же умолк. Лишь на подходе к дому, когда перед нами уже показались каменные ступени крыльца, я вновь завёл

разговор. И начал его, как это обычно бывает, с вопроса:

— А что ты думаешь по поводу пропажи Адель де Вилларе?

Садовник пропустил ступеньку. Ему повезло, что я был рядом и спас его от разбитого носа.

— А что я могу думать? — мальчик вырвался из моих объятий и неуклюже отряхнулся. — Мне Броуди так говорит: «наше дело маленькое — исправно служить семье де Вилларе и лишний раз не думать, потому что если часто размышлять об устройстве вещей, то можно до такого додуматься, что волосы на спине дыбом встанут...»

— Твой наставник очень мудрый человек. — слукавил я, разочарованно вздохнув.

— Согласен. Хоть и старый, а ума на нас двоих хватает.

«Ещё с минуту назад ты слёзно жаловался, что Броуди де Вис непроходимый глупец, а уже сейчас утверждаешь, будто он голыми руками хватает звёзды с неба и чуть ли не поёт сопрано. Будь у меня время, я бы выбил из тебя всю информацию мира, противоречивый ты лицемер, и даже то, какие трусы носит твоя загадочная соседка...»

Мы ступили на порог особняка. Путь в дом преграждала дубовая двухстворчатая дверь. Уж что-что, а она внушала доверие — петли из чистой стали.

— А вы не любите гостей. — я притронулся к мощному дверному карнизу и с уважением цокнул: качество двери было превосходным.

— Нет, гостей мы любим. — возразил мальчишка. — Мы лишь не любим сумасбродов, детективов и воров. — шутник улыбнулся, взялся за круглую ручку в форме львиного хвоста и с силой стукнул по двери.

За стеной раздался гул. Вскоре мы услышали торопливые шаги.

— Наверное, это Анна. — Симон по-доброму усмехнулся. — Она у нас хромает.

Я понятливо кивнул. Через пару секунд на высоте дверного замка зазвенела связка ключей. Я во всех красках представил, как хромая Анна перекладывает тазик с тестом и пальцами-сосисками пытается разобраться в маленьких ключиках. От любопытства я даже притопнул ногой, чего со мной давненько не бывало.

Одна из дверей тяжело отворилась, открыв моему взору... маленькую принцесску в белом переднике.

— Добрый день! — пропищал карапуз. — Извините за задержку, мистер детектив!

Моему разочарованию не было предела — вместо колоритной домработницы с наливными грудями и смешными анекдотами мне подсунили куклу со шваброй. Заметив моё негодование, девушка решила задобрить меня излишней учтивостью:

— Простите! Ещё раз простите! — щёки домработницы покрылись румянцем. — Я наверняка оскорбила вас своим поздним приходом, но обещаю — больше этого не повторится!

— Успокойся, Анна, — заговорил мой юный спутник. — Детектив...

— Хорошо, если так. — перебил я садовника, для острастки ткнув его локтем в бок. — Я крайне не люблю подобных эксцессов и очень надеюсь, что в будущем их количество сведётся к минимуму, а то и вовсе исчезнет.

— Обещаю! — дюймовочка мастерски отдала честь.

— Вы клянётесь? — угрожающе спросил я и для пущего эффекта навис над домработницей, как приведение.

— Клянусь могилой матери! — принцесса сурово топнула, и расшатанная дверь чуть не врезала ей по лбу. Конечно же, мастер-детектив не позволил этому случиться: он галантно

придержал дверь, отдал даме упавшую швабру и легонько поцеловал ей ручку.

— Меня зовут Лойд де Салес, мисс. — дамочка незаметно поправила прядь белокурых волос. — Надеюсь на ваше сотрудничество со следствием.

— Есть сотрудничать со следствием!

— Просто прекрасно...

Дальше беседа не пошла, и мы намертво застряли в проходе. Остроумный художник мог бы назвать эту картину «бедные родственники». Не зная этикета, я даже не мог намекнуть, что нам уже давно пора бы пройти к хозяйке дома и хлебнуть чаю.

«Ситуация патовая...»

— Вы чего здесь забыли! — голос этого человека вновь привёл меня в доброе расположение духа.

Я радостно повернулся и увидел, как знакомый старик тяжело подымается по ступенькам.

— Вы уже должны беседовать с госпожой! — воскликнул он, чуть ли не плача. — Симон, это твоих рук дело?!

Юноша отрицательно закивал, но лакей даже и не думал ему верить.

— Не лги! Знаю, заболтал детектива своими прибаутками...

«Ах, если бы!»

— Мистер де Вис, это всё детекти... — я вновь применил хитрую тактику «локоть в бок», и веснушчатый врунишка жалко засопел, прислонившись к столбу.

«Ричард Донаван — один. Симон — ноль...»

Поняв, что в нашем застое виновата лишь её персона, девушка чуть не упала в обморок.

— Простите! Я сегодня такая невнимательная!

«Дурдом...»

Мне нравится говорить ни о чём — это единственное, в чём я разбираюсь.

Оскар Уайльд

Я сидел в просторной столовой и пил чай. Компанию мне составляли лишь оббитые бархатом стулья. Они были не очень-то разговорчивы, впрочем, этим мне и нравились. А вот что мне категорически не нравилось, так это излишнее любопытство: за дверью непрерывно доносились шепчущие голоса слуг, и выгнать этих хамоватых негодяев, к моему глубокому сожалению, не представлялось возможным, ровно как и заставить их замолчать.

Мне прислуживала горничная в строгом платье. Ничем интересным или примечательным она не выделялась, кроме, пожалуй, небольшой ранки на лбу — так, царапина от маленьких коготков.

— Не подскажите, когда придёт хозяйка? — я добросердечно улыбнулся и отпил немного чая.

— Мисс де Вилларе придёт тогда, когда посчитает нужным. — ответила невежа, взглянув на меня, как на врага народа.

«Похоже, я ей не нравлюсь»

Дамочка отошла в сторону и с превеликим неудовольствием поставила на стол вазу с песочным печеньем. И всё бы ничего, да только вот этот волшебный горшок со сладостями оказался так далеко, что я даже не смог до него дотянуться.

— Можете подать печенье? — я указал на недоступный десерт пальцем.

— Сами встаньте и возьмите. — проворчала служанка и принялась расставлять напротив меня столовые приборы. Она делала это столь быстро и виртуозно, что я не мог не отметить — такое мастерство является признаком первоклассного слуги. Правда вот, хвалить её не было резона: дамочка не собиралась подносить мне десерт.

— Носить гостям печенье — ваша прямая обязанность. — произнёс я, сердито надувшись.

— Да-а? — тётя подтащила тележку с посудой и поставила на стол старенькую, почерневшую изнутри кружку. Из такой посуды пьют или нищие, или больше знатоки чая. — А мне кажется, что молодые лодыри, опаздывающие на встречу на несколько часов, могут и помогать старым женщинам...

— Не преувеличивайте, чтобы напроситься на комплимент. Это некрасиво.

Служанка уже готовилась ответить на мой выпад очередной колкостью, но тут в комнату неожиданно вошла женщина в чёрном. От неё исходил аромат ванили, сандалового дерева и белого кедра. Она сразу приковала мой взгляд.

— Добрый день, мистер де Салес. — аппетитно поздоровалась таинственная незнакомка и села в кресло.

— Добрый... мисс. — я кинулся поправлять галстук, которого не было.

«Ричард, не верь ей! Ты легко поддаёшься женским чарам, но знай — она опасна...»

— Как добрались, без эксцессов? — её слова звучали, как загадочная музыка.

— Кхм. Бес... Без! — я неловко засмеялся. — Конечно же без! Как может быть иначе. Ведь ваш слуга так расторопен...

Женщина мило улыбнулась.

— Да, Броуди никогда меня не подводит. Он работает с моей семьёй, сколько я себя

помню, и всегда исполняет порученные ему приказы.

Старикашка издал удовлетворённый звук, похожий на хрюканье, и хозяйка дома с подозрением на меня посмотрела: вероятно, она решила, что это я посмел так нагло и цинично высказать своё мнение о способностях её слуги... Но стоит отдать женщине должное, она не придала этому казусу большого значения и продолжила разговор как ни в чём не бывало:

— Позвольте спросить, почему вы так припозднились? — и прильнула к чашечке пухлыми, чувственными губами.

— Обстоятельства оказались сильнее меня. — я немного расслабился и позволил себе горестно закачать головой. — Видите ли, я попал в иной мир и теперь совершенно не понимаю, как из него выбраться.

— Рано или поздно это происходит со всеми, мистер де Салес. — успокоила меня хозяйка дома. — В своё время я тоже попала в другой мир. Незнакомый.

«Но не так, как я...»

— И не выбраться, — из груди женщины невольно вырвался томный вздох. — Жизнь сменяет помаду на чёрный, мистер де Салес, и больше никогда не возвращается к старым ярким оттенкам. Кажется, проще умереть, чем и дальше продолжать истязать себя...

Столь неприятное откровение изрядно смутило мою чувственную детективную натуру.

— Вы слишком драматизируете. — я поднял руки в успокаивающем жесте и неуклюже улыбнулся. — В чём-то вы безусловно правы: новый мир враждебен, друзей в нём мало, а перспектив и того меньше...

Женщина вопросительно вздёрнула брови.

— ...Ну да, всё не слишком радужно. — был вынужден согласиться я. — Но у человека есть то, что почти невозможно отнять — сознание.

Хозяйка дома цинично усмехнулась.

— Сознание. Восприятие и понимание окружающей действительности, свойственное лишь человеку. По-вашему, оно поможет в другом мире? — отвечая на свой же вопрос, женщина отрицательно закачала головой. — Нет, в другом мире человеку никто не поможет. Он — лишний. Паразит. И его участь — быть съеденным самим миром. Но мы то с вами сильные, так, мистер де Салес? Обществу не съесть нас лишь по той причине, что мы тут лишние.

— Вы очень быстро перешли от незнакомого мира к злему обществу. — подловил я хозяйку, доливая себе чай.

— Я не разделяю мир и общество, детектив. Если вы проживёте столько же, как и я, то поймёте, что не мир делает людей людьми, а люди делают мир миром.

— Зачем вы мне врётё?.. — спросил я с игривой ноткой.

Женщина немного смутилась. Мой вопрос завёл её в тупик.

— ...Вы ведь чуть старше меня, откуда в вас такой цинизм?

Хозяйка дома приятно усмехнулась и сложила ногу на ногу. Я жалел, что не мог прямо сейчас забраться под стол и рассмотреть её гладкую кожу под увеличительным стеклом.

— А вы умеете радовать женщин, мистер де Салес, — аристократка мягко подалась корпусом вперёд, открыв моему взору соблазнительное декольте. — Я бы так и слушала вас до тех пор, пока бы у меня не заболела голова, но есть одна маленькая проблема...

«Как волшебным образом произносит слово «проблема». Должно быть, её красные губки обучались этому всю жизнь...»

— Проблема? — я перешёл на шёпот. — И какая же?

«Ричард Донаван, ты поплыл! Умер из-за женщины, и опять туда же?»

— ...У меня украли дочь!!! — женщина внезапно схватила кружку и швырнула её в стену.

Я вздрогнул. Ярость собеседницы стала для меня изрядной неожиданностью.

— Не нервни...

— Я не могу, — поняв, что позволила себе лишнее, женщина сбавила тон. — Я не могу не нервничать. Вы бы не волновались, если бы ваша родственница неожиданно провалилась под землю?

— Так уж и неожиданно...

Хозяйка жома прожгла меня взглядом.

— Кхм, — я легонько поправил ворот рубашки. — Я не в том смысле, что ваша дочка могла сбежать...

«Ричард, мы горим!»

— ...Просто решил рассмотреть все варианты. — всё же закончил я и был таков.

— Моя дочка не могла сбежать накануне свадьбы. — чётко и с расстановкой выщедила хозяйка дома, прихватив новую чашку. Зная её способности к метанию, я немного заволновался. — Мою Адель жестоко и кровожадно украли.

— Почему вы так решили?

— Как вас понимать? — раздражительно спросила собеседница, постукивая ложкой с сахаром по новенькой кружке.

«Если бы мне платили за косые взгляды, я бы уже стал местным миллионером...»

— Чтобы утверждать, что вашу дочь похитили, у вас должны быть весомые основания: следы борьбы в комнате, угрозы расправой, попытки нападения, шантаж, сопровождающийся запиской и отрезанным пальцем, и прочие неприятные детали следствия. У вас есть что-то из этого списка?

— Лучше, — ответила женщина, доверительно склонившись в мою сторону. — У меня есть подозреваемые. Вам всего лишь-то нужно вывести кого-то из них на чистую воду и, как говорят детективы, дело в шляпе.

«Никто так не говорит»

— Знаете, я бы хотел провести следствие самостоятельно. Не то что бы я сомневаюсь в ваших способностях как детектива...

Хозяйка огрела меня тяжёлым взглядом.

— Просто для меня это дело принципа. — всё же закончил я, невзирая на враждебность.

«А ещё я вам ни черта не верю. Ну да это так, лирика»

— А ещё вчера вы говорили мне совсем иное. — Жозефина поймала меня на горячем. — Мол, не хотите марать руки элементарщиной и поручаете это дело мне, потому как верите в мои способности.

— Прямо так и сказал?

— Да, прямо так и сказали. Дословно. — дама обиженно насупилась.

Я грустно вздохнул.

«Ладно, от меня не убудет, если я один раз послушаю догадки клиента. В принципе, вся детективная деятельность и строится вокруг догадок клиента, этим-то она отличается от дознавательской, так что я совершу ошибку, если не прислушаюсь к мнению де Вилларе»

— Что ж, и кто у вас на примете?

Лицо женщины оживилось.

— У меня есть всего два кандидата, мистер де Салес, — дама подозрительно огляделась по сторонам. — И оба — отъявленный негодяи.

Я согласно кивнул, чтобы поскорее услышать продолжение.

— Первый, по слухам, одалживает деньги половине золотой молодёжи города. И он очень не любит, когда ему не возвращают долги. Броуди слышал, что у этого парня есть личный список тех, кого он скоро отправит в могилу... Мистер де Салес!

— а? — я растерянно огляделся по сторонам.

— Вы уснули!

— Вовсе нет.

Дама мне не поверила, поэтому пришлось соврать:

— Во сне я всегда храплю. Вам повезло, что вы не услышали этот благородный рёв.

Женщина коротко хихикнула и продолжила:

— Этого бессовестного процентщика зовут... Джейми Пастушок.

— Пастушок? — переспросил я, удивлённо нахмутив брови.

— Да, пастушок. — отбила все сомнения рассказчица, попутно куснув печенье. — Поначалу я тоже смеялась, но когда поняла, что этот человек может быть ответственным за пропажу моей дочери — задрожала, как от ванны со льдом. К тому же, у этого преступника со смешной кличкой есть очень пугающий слуга — Красный Гарри... Чем вы так удивлены?

Я поставил челюсть на место и для профилактики хорошенько протёр лицо.

— Похоже, я знаю, о ком вы говорите.

— Как тесен мир. — ожидаемо молвила дама, закачав головой. — Но так даже лучше: вы быстрее найдёте этого негодяя и выбьете из него всю правду, какая найдётся.

«Ага. Прошлый раз я выбил из него только дерьмо, а в этот раз — ещё и правду. Главное, не спутать...»

— Хорошо. А кто же второй подозреваемый?

— О-о, о нём вы тоже наверняка слышали. Большой любитель ходить по бабам, мерзкий извращенец и писатель бульварного чтива, Антуан де Барнуа.

— Не слышал о таком.

— Ещё он картёжник. — добавила собеседница с явным намёком.

— По-прежнему ничего не говорит. Он был другом вашей дочери?

— Боже упаси! — женщина засмеялась. — Если бы «это» гуляло с моей дочерью, я бы спустила на него псов!

«Если они у вас ещё остались»

— Антуан — враг Гауэйна. — наконец решила прояснить ситуацию Жозефина, впрочем...

Я с немым вопросом посмотрел на хозяйку дома. Все эти имена совершенно ничего мне говорили.

— Вы как с луны свалились. Я же ещё вчера говорила вам, что Гауэйн — жених Адель.

— Вылетело из памяти. — брякнул я, не имея больше никаких отговорок, и продолжил опрос: — А почему Антуан поссорился с Гауэйном?

— Вам рассказать длинную историю или маленькую? — в голосе Жозефины появились игривые нотки.

— А ещё короче есть?

Старшая де Вилларе еле заметно улыбнулась.

— И почему никто не любит длинных историй? Тем более, про занимательное имперское право наследования?

— Ума не приложу. — иронично ответил я и вылил последний чай из заварника. На двоих мы выдули пару литров.

— Если говорить вкратце, то у молодых людей есть общая двоюродная тётя, по счастливому стечению обстоятельств не имеющая детей. На старости лет она кинулась переделывать наследство, и так вышло, что теперь для обретения имени кому-то из молодых людей надо первым обзавестись семьей. Старая карга.

«В королевстве не позволялось изменять наследство нелепыми пунктами. В этом мы ушли гораздо дальше, чем местные...»

— Выходит, Антуану не выгодно, чтобы его родственник женился первым?

— Вы верно поняли. — собеседница грустно вздохнула. — От этих де Ребер одни хлопоты. Вот, например, де Ребер старший не хочет надевать синий смокинг, подходящий к моему новому платью, да ещё и так упирается, как будто я заставляю его выйти голым!

— Какая наглость! — для убедительности я стукнул по столу. Женщина немного испугалась, но если судить по её расцветшему лицу, то моё мужланистое поведение пришло ей по вкусу.

— Ах, мистер де Салес, вчера вы не были таким убедительным. Что же с вами случилось, вас околдовали? — ведьма игриво засмеялась.

— Возможно, это были вы...

«Молодая кровь играет со мной злую шутку»

Хозяйка дома мило хмыкнула.

— Значит, если я вас околдовала, вам не составит труда сделать мне... — бестия провела язычком по алым губам.

— И что же я должен для вас сделать...

Дама привстала, выждала актёрскую паузу и нежно прошептала:

— ...Скидку?

Я встал из-за стола, резко опрокинув кресло. От неожиданности хозяйка вжалась в бархатный стул.

— Должен вам сказать, что мне необходимо немедленно преступить к расследованию!

Старшая де Вилларе вылезла из кресла, словно пантера, и лениво подошла к моей персоне.

— Мистер де Салес, — дама обняла меня за плечи. — Похвально, что вы с таким рвением рвётесь раскрыть дело, но... Вы ведь не оставите девочку без средств к существованию? — шаловливые пальцы заиграли по хилой юношеской груди.

— Конечно же, — ласково ответил я и приобнял хозяйку в ответ. — Я лишь... возьму деньги, причитающиеся мне по контракту.

Соблазнительница отпрянула от меня, как от огня, и злобно топнула каблучком.

«Не знал, что любовь женщины может так быстро исчезнуть: из привлекательного жиголо я вмиг превратился в скучного детектива»

— Что ж, не буду вам больше мешать. — Жозефина обиженно поджала губы и направилась к выходу.

— Стойте!

И тут же резко обернулась, готовая в любой момент броситься на меня с поцелуями.

— А как же опрос слуг и ближайших родственников?

Обрадованное лицо красотки вмиг сменилось кислой миной.

— Броуди соберёт для вас всех моих слуг. Что же касается родственников, — дама задумчиво погладила подбородок. — Кто вам нужен?

— Жених, сестра, свёкор и, — я сделал едва заметный акцент. — Конечно же, вы.

— Хорошо. — холодно ответила хозяйка дома. — С Вивьен можете поговорить прямо сейчас, а семью де Реберов я приведу завтра в полдень.

Я благодарно кивнул. Женщина подошла к двери, ненадолго там задержалась, и сказала напоследок:

— И не опаздывайте. Даже из-за другого мира. — и резко распахнула дверь.

— Ай! — Броуди схватился за лоб, на котором моментально вздулась шишка.

— Он вам всех и соберёт. — раздраженно проскрипела женщина и затем стрелой вылетела из комнаты.

«Вы действовали довольно профессионально, мисс де Вилларе, вот только не учли одного маленького факта: в теле зелёного юнца сидит кое-кто другой, и его не заманишь большой грудью и узкой талией... Почти не заманишь» — был вынужден добавить я, почувствовав румянец на своих щеках.

— Броуди, — обратился я к раненому шпиону, добросердечно хлопнув его по спине. — Мне нужны все слуги, какие найдутся. И не бойся, мне не впервой болтать без умолку десять часов кряду. Когда-то я даже вёл одновременный допрос тридцати шести человек...

— Дык, — де Вис вновь распрямылся и встал в позу павлина. — Нас всего четверо.

— Что? — я с непониманием уставился на собеседника.

«Похоже, старик не умеет считать...»

— А, погодите! — дедуля хлопнул себя по лбу и больно застонал. — Нас побольше будет.

— Ну вот! — радостно воскликнул я. — А то я уж подумал...

— Пять.

— Что, пять?! — я так рассердился, что прихватил старика за шкуру.

— Ну, — неловко начал Броуди, разводя руками. — с пропавшей Беатрис нас будет пять.

— Ох, горе мне, горе...

Я выпустил лакея из рук и схватился за голову.

«О пропаже девушки я могу поговорить только с четвёркой слуг и с её младшей сестрой. Не то чтобы это мало, но... С-собака, этого и вправду мало для такого большого имения. Девушка сутками могла быть совсем одна, а в случае чего ещё и незаметно скрыться из виду...»

— Мистер детектив? — обратилась ко мне маленькая горничная, покусывая губки. — А нужно ли звать госпожу Вивьен? Просто она всё ещё спит...

Любой допрос — это парный танец. И если ты попадаешь в ритм... Это кто еще кого допросит.

Галина Гончарова. Средневековая история. Изнанка королевского дворца

Допрос — это процесс получения показаний от лица, обладающего сведениями, имеющими значение для расследуемого дела. Это самое распространенное, но и самое сложное следственное действие. И дело не только в том, что следователю нередко противостоит человек, не желающий говорить правду или вообще давать показания; заблуждаться может и искренне стремящийся сообщить все известное по делу субъект. Именно поэтому допрос всегда поручат профессионалу, как правило — Ричарду Донавану. Безусловно, как и всякий человек, я подвержен различного рода слабостям и дефектам, но за время моей работы дознавателем я свёл их количество к минимуму.

Кому-то может показаться, что я слишком хвастлив и самонадеян, но уверяю вас, что это далеко не так: я лишь трезво оцениваю свои способности.

— Кем вы приходитесь Адель де Вилларе?

— Сестрой. — девица широко зевнула. — Разве не видно?

Моя собеседница выглядела весьма привлекательно, даже несмотря на то, что ей не доставало животного магнетизма матери... Пожалуй, дамы и вовсе не походили друг на друга, и если бы я вдруг встретил их на улице, то никогда бы не подумал, что они являются родственниками. Единственное, что сближало два поколения де Вилларе — глаза: у обеих представительниц знатного семейства они были с поволокой — обладали затуманенным, томным взглядом, и длинными, пушистыми ресницами. Ко всему прочему, у красавиц была одинаковая тушь — с металлическим блеском.

— Вы так пристально меня рассматриваете. — красавица развязно улыбнулась. — Вам не кажется, что это слишком, детектив? — в речи девушки сквозила ничем не прикрытая ирония. Она явно не воспринимала своего ровесника как хорошего специалиста и наверняка полагала, что я просто играюсь в детектива.

— Не кажется. — угрюмо ответил я. — Это нужно для составления портрета.

— Вы рисуете?

— Нет. — я отрицательно закивал головой. — Портрет — запоминание мелких деталей о собеседнике, подчёркивание его индивидуальных качеств. Помогает при розыске.

— Ух ты, а я это знаю! — внезапно воскликнул юноша, сбив темп беседы. За это Броуди схватил его за ухо.

— Будешь мешать мастеру-детективу, отправлю чистить навоз!

Мальчишка сразу притих. Впрочем, это мне не сильно помогло: при свидетелях собеседник никогда не скажет ничего секретного, как бы ты не старался.

— Слушайте, — я устало протёр лицо. — Может, вы всё же выйдете отсюда?

Броуди бестолково огляделся по сторонам. Заметив это, Вивьен прыснула в ладошку и показала мне язык.

— Я не имею права, мистер де Салес. — старикашка беспомощно развёл руками. — По этикету девушек нельзя оставлять один на один с юношами, чей возраст не превышает возраст дамы более чем на три года...

— Уже слышал, — тихо буркнул я и неохотно продолжил: — Ладно, мисс, давайте по

порядку: ваш возраст...

— Уже семнадцать. — избалованная принцесска шаловливо подмигнула.

Заметив у воспитанницы проявление распушенности, лакей забормотал под нос всякие проклятия. Стараясь не обращать на это должного внимания, я пробирался дальше:

— Возраст вашей сестры?

— Вы нас не в рабство хотите отдать?

Я сердито вздохнул и сложил руки домиком.

— Мисс, если бы у меня пропала сестра, я бы не травил её возможному спасителю анекдоты. — и взглянул на шутницу исподлобья.

— Какой серьёзный! — девица решила поиграться со мной, как с младенцем. — Ух, индюк!..

Я прожёл клоунессу взглядом.

— ...Ладно. — дворянка выпрямилась, сложила ногу на ногу и достала из сумки пачку сигарет.

— Мисс! — лакей потерял дар речи.

— Броуди, представь, что это соломинки из теста и отстань... Есть прикурить?

Я отрицательно замахал головой.

— Ну да, конечно, — девица оскорбительно фыркнула. — Откуда у скучного планктона есть волшебная зажигалка.

«Волшебная... Что?»

Дама достала красивую металлическую конструкцию, нажала на выпирающую кнопку, и из прибора неожиданно полился маленький огонёк. Комната моментально наполнилась горьким запахом курева.

— Моей сестре совсем недавно исполнилось 19 лет. — начала бунтарка, смакуя папироску. — Последний раз я видела её с неделю назад, на званном ужине с семейством де Ребер. Ничего не предвещало беды: она как обычно грустно смотрела в окно и ковырялась в тарелке с трюфелем. — неплохая ирония. Убитый проституткой дознаватель ставит ей семь баллов. — Из дома Адель почти выходила, так что и странных знакомств, пожалуй, не вела...

— Молодая энергичная девушка сидит дома и шьёт крестиком? — с подозрением спросил я. — Весьма странно, вы не находите?

«Как говорят в народе — яблоко от яблоньки...»

— Бывает. — девушка легкомысленно махнула рукой. — Мы не любим больших компаний...

— Тогда зачем «тихой» Адель ди Вилларе был нужен ростовщик? — я постепенно загонял собеседницу в угол. — На трюфель и вид из окна?

Поняв, что её обман вскрылся, девушка беспокойно забегала глазками по комнате и, покусывая папироску, некоторое время молчала, думая, с чего бы начать.

— А я откуда знаю? — наконец ответила она после затяжной паузы. — Наверное, Адель на что-то копила, поэтому и искала лёгких денег.

«Мать знает, что старшая дочь пользовалась услугами процентщика, но явно не догадывается насчёт младшей, или же догадывается, но не подаёт виду. Поэтому Вивьен не хочет раскрываться перед Броуди. Интересно. Также, судя по всему, в этом мире преобладает атрофированное равноправие полов — это значит, что женщины вполне вольны в выборе досуга. Куда обычно направляются молодые, охочие до веселья женщины? В клуб,

паб, кабаре или ресторан. А для всего этого нужны деньги...»

— На что-то копила, значит... — я задумчиво почесал подбородок. — Броуди, не могли бы заварить нам чаю? Чувствую, беседа будет долгой.

— Но...

— Да, Броуди, метнись за кофейком. — неожиданно поддержала просьбу младшая де Вилларе, заговорщицки подмигнув. — И возьми нам замороженных эклеров.

— Тех, что в дальнем подвале? — спросил лакей, мнительно накручивая ус.

— Ага. Их самых. — согласно забормотал я и для пушного эффекта добавил: — Очень люблю эклеры.

Слуга нервно затопал ножкой и принялся задумчиво чесать парик. В тот миг в его голове происходили такие мыслительные процессы, что я только диву давался, как он остался жив.

— Что ж, быть посему! — в конце концов вымолвил лакей и бойко зашагал на выход. — А ты, — обратился он напоследок к Симону, внимательно на него посмотрев. — Ни в коем случае не выходи из комнаты...

Дедок скрылся во тьме коридора. Это было его роковой ошибкой: не прошло и минуты, как я вывел вопящего о несправедливости Симона за дверь.

— Что ж, мы остались одни. — девушка встала и прикрыла окно шторами. — Чем займёмся?

— Кхм, — я изобразил на лице бурю эмоций. — Может... Допрос?

— С пристрастием? — уточнила кокетка, смешно нахмутив носик.

— Как иначе.

Мы сели на прежние места и вновь завели шарманку.

— Я так понимаю, вы мне солгали?

Красавица усмехнулась.

— А вы догадлив, детектив. — и соблазнительно прикусила нижнюю губу. — Признаюсь, я боюсь умных парней. А вот мою сестрёнку они никогда не пугали, и даже больше — они ей нравились.

— Значит, Гауэйн де Ребер очень умён? — пришёл я к логичному выводу...

— Нет. — собеседница без сомнений опровергла мою догадку. — Он туп, как осёл, и выглядит точно так же... Ну да это неважно, ведь так?

— Конечно. — я наигранно засмеялся. — Кому есть до него дело?

«Теперь версия о побеге становится первой в моём длинном списке...»

— Вы спрашивали меня о знакомствах, — Вивьен самую малость покраснела. Похоже, ей не нравилось признаваться во лжи... С другой стороны, кому это вообще может понравиться. — Так вот, у нас с сестрой было очень много знакомых.

— Вы вели... активный образ жизни? — я еле нашёл, как извернуться. Как ни крути, а тут подходило именно «разгульный».

— Весьма. — на лице девушки появилась застенчивая и одновременно развратная улыбка. Столь очевидное противоречие сбивало с толку.

— Ведь не секрет, какие заведения вы посещали? — я старался выразиться как можно более мягко. — Расскажите мне.

Клубная дива не упустила шанса поизмываться надо мной:

— И зачем вам эта информация? Хотите потанцевать?

Моё терпение лопнуло.

«Собака! Я уже полчаса торчу в этой пропахшей табаком комнате, а так и не успел ничего спросить! Без бочки, пилы и молотка я стал бессильным овощем! Не бывать этому...»

— С кем пропавшая поддерживала дружеские отношения? Не жаловалась ли она, что за ней следят? Не поступали ли в её адрес угрозы? Не приставали ли вам в клубах одни и те же лица? Не было ли у Адель врагов? Какие у девушки хобби? — я бил вопросами, как из скорострельной пушки.

— Полегче! — шутница притворилась, что у неё кружится голова. — Неужели вы держите этот ворох вопросов в памяти?

— Прошу ответить. — я был неприступным, как скала. — У нас осталось мало времени до появления Броуди.

— Ладно, ладно, — поддалась младшая де Вилларе и зевнула. — Моя любимая сестрёнка дружила с половиной города. Сложно выделить кого-то особенного.

— Вот же...

— Вы что-то сказали? — дамочка хищно осклабилась.

— Вам показалось, — чтобы отвести подозрения, я легкомысленно махнул рукой. — Прошу, продолжайте.

— И что же у нас далее по списку, уважаемые коллеги? — актриска внимательно оглядела пустую комнату и, втянув голову, чтобы был виден второй подбородок, по-судейски кивнула. — Итак, Адель жаловалась, что за ней следят!

Я почти что захлопал в ладоши.

— И это был... виконт Реймонд и его друзья. — заметив, что это мне нисколько не помогло, девушка добавила: — Богатый сынок графа. Он часто платил за наши шалости, потому что хотел переспать с моей сестрой.

«Хотел бы я посмеяться над этим парнем, но не могу: я сам принадлежу к такому же типу мужчин, что и он...»

— Когда он узнал о свадьбе Адель, то так расстроился, что неделю не приходил в Серебряную Ложку.

— Это какой-то клуб?

— Какой-то?! — дама разъярённо сжала кулачки, и только чудо сдержало её от того, чтобы наброситься на меня с оскорблениями. — Это лучший клуб в городе, и в нём постоянно отдыхают самые известные люди в столице! Да что там, — оценщица питейных заведений уважительно подняла палец к небу. — Даже моя дражайшая мама очень любила этот клуб, а она, да будет вам известно, в молодости была очень привередлива: говорят, великая Жозефина де Вилларе однажды вышла из клуба только из-за того, что там был плохой «Секс на пляже»!

«В её стиле. Правда, я почему-то искренне убеждён, что у великой Жозефины де Вилларе просто не хватило денег, чтобы расплатиться за коктейль...»

Пришло время высказывать притянутые за уши догадки:

— Вы часто отдыхали в «Серебряной ложке» вместе с богатым виконтом, а когда у сестры нарисовалась свадьба, оскорблённый любовник перестал оплачивать ваши шалости...

— Не совсем. — собеседница стыдливо провела ножкой по полу. — Когда он вернулся, то по-прежнему продолжал закрывать счёт...

Я состроил удивлённую мину.

— Вам хватило наглости и дальше продолжать лезть в его кошелёк?

— А что такого? — оторопело спросила красотка. — Кто мы такие, чтобы мешать

мужчине проявлять свои врождённые качества?

— Ох, — я с силой надавил на виски, чтобы прийти в себя. Мысли всё никак не хотели складываться в общую картину. — Больше за вами никто не следил?

— Нет, не следил. Да и скажу честно, Реймонд не особо-то и старался: так, «незаметно» провождал нас до дома, чтобы никто вдруг не напал на его любимиц.

«Один граф на двух красоток. Маловато. Уверен, у дам было намного больше кавалеров, но Вивьен стыдится об этом сказать...»

Я попытался надавить на хрупкое женское эго:

— Неужто в клубе не было никого, кого бы вы могли заинтересовать?

И у меня получилось — дама обиженно насупилась. Вот только последующие слова я не предугадал:

— Ах, детектив, если бы вы только знали, сколько мужчин предлагали сделать нам грязного Джони... Если вы понимаете, о чём я. — извращенка противно облизнулась.

Я закашлялся.

— Ладно, опустим эту щекочущую... щекотливую тему. — не то мой консервативный мозг лопнет. — Что там с врагами и хобби?

— Умоляю, какие враги бывают у сексапильных красоток?

«Женщина, которая знает, что она хороша — опасна»

— А как же... Джейми Пастушок?

Собеседница вжалась в кресло.

— Как вы узнали? — и пугливо огляделась по сторонам.

— У меня свои информаторы. — наконец я смог сказать эту фразу. — Так что, он вам угрожал?

— Нет. — дама отрицательно кивнула головой. — Но он навязчиво намекал, чтобы мы заплатили по счетам. Видите ли, молодым девушкам, чей род несколько... ограничен в средствах, — как извернулась. — Очень сложно поддерживать имидж: дорогая косметика, лучшие платья, сверкающие кареты, самые дорогие сигары и нижнее бельё... Это всё требует денег. И мы их у него брали.

— И что же, Пастушок не боялся, что вы не заплатите по счетам?

— У него слишком крутая репутация, поэтому он знает, что рано или поздно заплатит каждый.

«Неудачно я сегодня подрался...»

— Но Адель не успела заплатить, — окутанная флёром тайны девушка чуть наклонилась и доверительно прошептала: — Негодница пропала вместе с нашими деньгами. — Впрочем, серьёзность не долго царила в её голове: — А я ради этой суммы продала коллекцию своих постеров с группой «имперские мальчишки»!

— Сочувствую. Должно быть, это большая потеря.

— Спасибо. — любительница музыки подняла заспанные глаза и одарила меня милой улыбкой.

«Наверное, после такого мне следует угостить её коктейлем...»

— А что там с хобби? Адель любила...

— Читать. — неожиданно заявила негодница, вогнав меня в ступор.

— А? — я изобразил на лице удивление.

— А что тут такого? Моя сестра была очень умной и в перерывах между вечеринками любила читать книги по философии и любовные романы...

«Убойная смесь»

— Это всё, что вы хотели спросить? — аристократка в очередной раз зевнула.

Я и не заметил, как подошёл к концу этой долгой пытки.

«Больше никогда не возьмусь за допрос без парочки гвоздей в кармане...»

— Подытожим. — чтобы негодяйка проснулась, я хлопнул в ладоши. — Вы с сестрой были не разлей вода и регулярно ходили по различным питейным заведениям. Обычно с вами присутствовал Реймонд, но иногда встречались и другие мужчины, готовые оплатить ужин двух красоток.

Дамочка кивнула.

— В каких заведениях вы обычно отдыхали?

— Так, — дама начала загибать пальцы. — Серебряная ложка, Милая Роза, Чёрный принц, Рубин, ну и куда уж без Эйвариллиана...

— Есть бумажка и ручка?

Я записал все названия клубов, все важные имена, которые могут встретиться мне на пути (знакомые, друзья, товарищи и денежные мешки), а также улицы, где находятся клубы. Моей первой целью была Серебряная ложка на имперском проспекте, в которой отдыхал Реймонд и работал... Джейми Пастушок.

— Я так устала. — бедняжка вылезла из мягкого кресла и упала на кровать. — Все допросы такие надоедливые и длинные?

— По большей части. — я пожал плечами. — А что? Хотите стать детективом?

— А вы научите меня? — Вивьен зачем-то подняла ножку... Ах, вот зачем.

— Видите ли, — я неловко встал и отвернулся: негоже тридцатилетнему мужику пялится на прелести юных дев. — Я только приехал в город и мне рано заводить такие знакомства...

Сонную соблазнительницу мои слова нисколько не успокоили.

— Что вас так смущает детектив? Неужели эти кружевные...

В комнату ворвался Броуди де Вис. В одной руке он нёс клеры, а в другой чай.

— Госпожа...

Послышался звон — упал чайник.

— А я доверял вам, мистер де Салес! — произнёс старик, словно имел на меня какие-то планы.

— Постойте, Броуди, это маленькое недоразумение! — я резко встал с кресла, чуть не запутавшись об лежащее на полу одеяло, и от безысходности воскликнул: — У неё ногу судорогой свело!

— Я вам покажу судорогу! Я вам покажу!

Лакей попытался броситься на меня с кулаками, поэтому я спрятался по ту сторону кровати. Вивьен ухохатывалась.

— А я, дурак, и чай хороший сделал, и лучший чайник взял! А вы... развратник!

Наблюдавший за всем из дверного прохода Симон ехидно посмеивался. Старик бросился загонять меня в угол.

— Стойте, я ещё не поговорил со слугами и не осмотрел комнату Адель!

Седой герой резко остановился.

— Резонно. — и поправил мундир.

Говорят, что интерьер комнаты — зеркало души. Трудно с этим не согласиться, если у тебя шикарный пентхаус... А если же тебе не повезло, и всё твоё имущество — коммунальная квартира, то смело можно назваться скептиком, не верящим в глупые поговорки, пословицы и прочую народную мудрость; не идущим за серыми массами, так сказать. Как ни посмотри, а везде сплошные плюсы.

— Когда осмотрите комнату, Симон выведет вас на улицу. — предупредил старик, злобно косясь на меня из-под хмурых бровей. Похоже, он всё ещё дулся на меня из-за нелепого стечения обстоятельств.

— Меня не проведут до дома? — я на секунду отвлёкся и чуть не врезался в отливающие серебром доспехи. Весь коридор состоял исключительно из различного рода бесполезного металла.

— И зачем, позвольте спросить, мы будем сопровождать взрослого человека на другой край города? — старая вешалка издала ироничный скрип.

«И что же ответить?» — я задумчиво взялся за подбородок и остановился посреди коридора. «Я никак не могу сказать, что совершенно не знаю города и потеряюсь, как только выйду за пределы поместья — меня тут же сочтут идиотом и отправят в ближайшую больницу...»

— Видите ли, — мягко начал я, стараясь избегать режущих слух выражений. — У меня очень болит голова! — ох, и ловко же я выкрутился...

— Надо меньше пить. — пробурчал торговец бесполезными мудростями. — От вас несёт, как от прожжённого алкоголика!

— И что же вы раньше об этом молчали? — я подозрительно сощурился. — Боялись, что не возьмусь за дело?

Симон крайне внимательно наблюдал за развитием конфликта, но ещё не решался принять чью-либо позицию. Это не ускользнуло от внимания его старшего товарища, и, чтобы переманить садовника на свою сторону, старик рискнул прибегнуть к пошлой браваде:

— Я? Боялся? — старый лакей громко фыркнул. — Да от вас толку, как от козла молока.

Я гневно насупился и потребовал немедленных объяснений. Моя скисшая рожа изрядно подняла юному садовнику настроение и вынудила его переметнуться в стан врага. Соперник почувствовал вкус победы.

— Объяснений? Извольте. — дедуля подбоченился и выдал: — Вы совершенно не умеете вести допрос.

Заслышав такую глупость, я неприлично захохотал, вызвав на лице лакея выражение обиженного непонимания. Он-то, щедрая душа, явно не понимал, с кем на самом деле толкует о методах дознания, и наивно полагал, будто его советы чего-то да стоят.

— А я согласен с мистер де Висом! — ляпнул юнец, вызвав у обоих спорщиков, то бишь у нас, головные боли.

Как приятно наблюдать за губами старика, скривившимися в адской гиперболе!

— Хоть ты не говори ерунды, — проворчал седой хрыч. — Откуда тебе знать о правильном проведении следствия?

Парень набычился.

— А я книги по следствию читал! И не одну, а целых три!

«Весомый аргумент»

— И чем же вам двоим не угодил мой допрос? Есть конкретные советы?

Упрямая парочка вмиг замолкла и невинно подняла глаза к потолку, словно их вдруг очень заинтересовала позолоченная лепнина.

— То-то же. — я выпятил грудь и приказал проводить меня в покои госпожи Адель.

Да самого конца нашего пути старик молчал, как партизан. Я же размышлял о превратностях судьбы, нелёгкой доле детектива и, в частности, о допросе: после беседы с госпожой Вивьен я разговаривал со слугами. Пожалуй, они и вовсе не сказали ничего путного, и лишь навели меня на мысль, что хозяева очень неумело что-то скрывают...

* * *

— Добрый день, мисс. — я уже было потянулся к кружке чая, но вовремя вспомнил, что чая в этом доме мне больше не наливают.

— Мы уже с вами здоровались. — горничная печально вздохнула.

Наблюдавший за разговором Броуди де Вис еле сдерживался, чтобы не наброситься на меня с кулаками: после минутного происшествия он был очень зол и его так и тянуло на рукоприкладство. Именно поэтому его подопечный стоял за дверью с красным ухом.

— Итак, — я достал украденный... одолженный на время следствия блокнот. — Вы являетесь личной служанкой мисс Адель де Вилларе, то бишь второй матерью?

— У госпожи лишь одна мать, и это...

— Но-но-но! — я пригрозил даме пальцем. — Мы здесь не в этикет играем. Отвечайте честно, иначе следствие зайдёт в тупик!

— Хорошо. — женщина сдержанно кивнула.

— Меня интересуют классические вопросы. — и желание поскорее отсюда убраться. — Какой образ жизни вела Адель?

— Разгульный. — без тени смущения ответила служанка. — Из-за этого постоянно возникали проблемы с подсчётом бюджета на месяц.

— Вы ещё и экономка?

— Ну да. — дама пожала плечами. — У нас все выполняют по несколько служебных обязанностей...

Я одобрительно цокнул и продолжил:

— Теперь о круге общения вашей подопечной. Не водила ли она в дом друзей?

— Хм, — собеседница призадумалась. — Не водила. Но я помню, что она рассказывала о каком-то там виконте...

— Случаем, имя этого виконта не Реймонд?

— Да, да, это он! — воскликнула собеседница, на миг потеряв самообладание. Сие прискорбное обстоятельство не могло остаться незамеченным: извечный блюститель этикета, неподражаемый Броуди де Вис, нервно затопал носком туфли.

«Этот старик как кость в горле...»

— Что ж, — я откинулся на спинку кресла и поправил мои длинные пряди. — Мы плавно приближаемся к главному вопросу... Были у нашей милой леди враги,

недоброжелатели, завистники, переживания юности, от которых хотелось вить, лезть на стенку и вскрыть вены? — кажется, я перегнул палку...

— Нет, не было. Адель — идеальная в этом плане барышня. Со всеми дружила и никого не обижала... Лишь изредка подшучивала. Да что там — все соседи знали её в лицо и часто довозили до дома!.. Безусловно, в женском обществе часто происходят склоки, но все они, как и у обычных девушек из низшего общества, решались хорошим разговором. Глупые обиды никогда не доходили до угроз. Что же касается переживаний... Были, как и у всех. Обычные. «В этом платье я слишком толстая, тот мальчик мне не очень нравится, вчера услышала в туалете клуба, как меня обзывают падшей женщиной, и всё в таком духе...»

Спустя три минуты:

— Не было, и быть не могло! — де Вис покрепче взялся за кресло. — Какие враги могли быть у нашей Адель?.. Ну да, она часто перегибала палку и могла довести очередного кавалера до дрожи в коленках, но это ведь не повод, чтобы красть её из дома! А переживания... Классические! Сугубо классические. «Как бы не показаться нищей в старой карете, какие серьги арендовать на вечер выпускников, что делать с запачканным вине ковром...»

Спустя три минуты и два оскорбления:

— Ну как сказать, — малышка-горничная зарделась и мило сложила ручки. Я был готов жениться на ней прямо сейчас, невзирая на последствия. — Недоброжелателей было много... Нет, вы не подумайте! — испугавшись, что брякнула что-то лишнее, красавица подпрыгнула в кресле. — Просто госпожа часто затыкала за пояс всяких там... Хамов, в общем! — явно вспомнив что-то весёлое, девушка хихикнула. — Вот, например, приставал ко мне в прошлом году один щёголь. Буквально поджидал около выхода каждый день! Один раз госпожа заметила это, подошла к нему и сказала, — дама поманила меня ручкой, приложила ладошку к моему уху и мило прошептала: — Если ещё раз тебя тут увижу, Себастьян, то всей округе растреплю, какой у тебя маленький...

Спустя две минуты удивлённых покашливаний:

— В общем, врагов уйма! — заключила горничная с чувством выполненного долга. — А с переживаниями... Да не было их, переживаний! — карапузик деланно засмеялся.

Спустя три минуты безуспешных попыток вывести малышку на чистую воду с помощью щекотки:

— Да я откуда знаю, — Симон пожал плечами. — Много всяких уродов было. Лезли к ней, как будто заговорённые. Ублюдки. Но одно хорошо — всех их она благополучно отшивала... Переживала, конечно, по всяким там женским мелочам: «не та причёска, что обо мне подумают какие-то там сестры, какой парфюм выбрать...»

— А ты довольно хорошо знаешь о её переживаниях.

Мальчишка оборвался на полуслове, не успев сказать мне «пока».

— Ну так... Одного возраста. Общались, постольку-поскольку.

— Понятно, — я сопровождал юношу на выход и крикнул: — Следующий!

— Так нет следующего. — внезапно ответил спрятавшийся за комодом старик. От неожиданности я чуть не схватился за сердце.

— Как это «нет»? А Беатрис?

— Уже неделю на связь не выходит. Честное слово, как сквозь землю провалилась!

«Совпадение?.. Слишком уж подозрительно. Два человека не пропадают в одно и то же время, только если не устроили маленький заговор...»

— Где мне найти её дом?

— Сейчас посмотрим, — лакей достал из кармана маленький блокнотик и принялся его листать. — Так... Улица каменщиков, переулок молотка, дом 14.

«Местные довольно креативно подходят к городским названиям. Интересно, если тут улица красных фонарей? А если и есть, то какие переулки там прячутся? Так и вижу: переулок чулок, порванных бюстгалтеров, падшего достоинства и мерзких рыночных отношений... И кто это говорит, а, Донаван?»

— Что ж, — выдал я классическую фразу и захлопнул блокнот. — На этом, пожалуй, мы сегодня закончим...

Старик буквально засиял.

— ...Осталось осмотреть комнату пропавшей.

Старик перестал сиять. Буквально.

* * *

— Пришли. — без особого энтузиазма объявил Броуди де Вис, и отдал мне маленький ключик. — Думаю, не надо объяснять, что после того, как осмотрите комнату, вы должны вернуть ключ.

Я забрал кусок тёплого металла и успокаивающе похлопал старика по плечу.

— Не бойся, ворчун, не в моих правилах делать дубликаты в комнаты красивых клиентов.

Лакей вспыхнул, как сигнальный огонь, и, кажется, даже на пару секунд задумался о том, чтобы отобрать у меня ключик, но здравомыслие всё же взяло верх: он просто пожелал мне удачи и скрылся во тьме коридора. Преодолев порядочное расстояние, дедок отозвался откуда-то из глубины особняка:

— Меня не будет до самого вечера! Ко всем вопросам обращайтесь к Симону!

Заслышав слова учителя, юноша радостно заулыбался: наконец, праздник показался и на его обмазанной фекалиями улице.

— Слышал, де-тек-тив? — нагло бросил юнец. — Я тут главный. И ко всем вопросам...

Послышался щелчок дверного замка. Я мигом забыл о надоедливом оболтусе, приоткрыл дверь и вошёл в покои госпожи Адель де Вилларе.

В комнате было душно и пахло тяжёлыми духами. Окон давно не открывали, и они были занавешены шторами, но солнечный свет всё же проникал в помещение сквозь щели между портьерами: он весьма выразительно подсвечивал летающую по комнате пыль.

— Эй, — мальчишка постучал по дверному косяку. — Ты тут больно не хозяйничай: сам понимаешь, это комната девушки. — и назойливо стал в дверном проходе.

— Пошёл вон.

Не успел мальчишка и набрать в грудь побольше воздуха, чтобы дать достойный ответ, как я выдворил его из помещения и приказал следить за выходом.

— Но...

— у тебя важная миссия, паренёк. — перебил я надоедливого собеседника. — Ты охраняешь меня от всяких гадов, в любой момент готовых ворваться и помешать следствию. Усёк?

По лицу Симона было видно, что он крайне недоволен сложившейся ситуацией.

— ...Усёк. — поняв, что и выбора по большому счёту у него нет, согласился младший лакей и стал посреди коридора. — Я защищу тебя от любой напасти!

Я довольно хмыкнул и закрыл дверь с обратной стороны. Не то чтобы я действительно боялся каких-то идиотов, вознамерившихся пройти в комнату: просто мне не хотелось, чтобы садовник видел меня за работой. Так уж вышло, что я совершенно не выношу, когда за мной наблюдают посторонние... Да и не только посторонние, если так подумать — даже подчинённые или коллеги. Может, мне не хотелось раскрывать перед ними свои маленькие приёмы и секреты, а может, не хотелось раскрываться самому: когда ведёшь допрос, твоё нутро, гнилое или не очень, всегда прорывается наружу, и ты раскрываешься перед человеком полностью, почти как во время секса, и всё, что тебе остаётся — надеяться, что твоя новая сторона придётся наблюдателю по вкусу. Моя сторона никогда никому не нравилась, и я привык работать под осуждающими взглядами.

— Комната чисто убрана, беспорядка ни в чём не наблюдается... — я подошёл к портьерам и раскрыл их настёжь. В залу забил солнечный свет, благодаря чему у меня возникло полное представление о помещении: — В центре комнаты большой ковёр. По левую руку от входа, если смотреть со стороны вошедшего, большая двухместная кровать. Застлана. По разные стороны от кровати две маленькие тумбы, с подсвечниками. Над кроватью потрет. Судя по всему, это хозяйка комнаты. По правую руку от входа большой шкаф для хранения вещей и длинный буфетный столик с прикрученным зеркалом и множеством разнообразной косметики. — записав данные в блокнот, я прошёлся по помещению и поверхностно осмотрел все углы. В одном из них, за портьерой, я заметил стеллаж, заставленный плюшевыми игрушками: медведи, единороги, кошечки и прочие отбросы детских мечтаний.

Я присел на корточки и провёл указательным пальцем по полу — слой пыли был тонким, хотя жертва пропала уже как неделю назад. Это означало ровно одно: в комнате уже убрали, и, скорее всего, если здесь и было что-то интересное, то оно давно спрятано от моих глаз служанкой.

— Ничего. Допрос никогда не делается в один день: дознаватель лишь разогревается и прощупывает почву под ногами...

Я подошёл к шкафу и отворил дверцу. На меня посыпалось множество женских блузок и рубашек. Одну из них, в чёрно-белую полоску, я поднял с пола и понюхал.

«Будь здесь Броуди де Вис, он бы открутил мне голову...» — я усмехнулся. Но, справедливости ради, стоит уточнить, что в моём порыве не было ничего извращённого: я лишь хотел почувствовать запах духов, а рубашка подходила для этого лучше всего — она неплохо держит аромат.

— Ваниль. Карамель. Тягучая. Дикая ягода...

Я очень хорошо разбираюсь в духах: мать и её подружки обожали различного рода ароматы. А ещё они любили выходить ночью на улицу и брать за ночь большие деньги. Ну да это так, скромное дополнение к жизни настоящей девушки.

Я прощупал один из отсеков шкафа на предмет двойного дна и, не заметив подвоха, закинул выпавшие вещи обратно и с треском захлопнул дверцу. Затем я подошёл к кровати, снял обувь и залез на матрас. Вид сверху открывался весьма посредственный: на шкафу не скрывали ничего интересного, а на потолке даже не высматривались подозрительные бреши, из которых бы открывался хороший вид на комнату. Я уж было решил, что помял нежные пуховые перины зря, но тут в мои глаза бросился портрет хозяйки.

Адель де Вилларе совершенно не походила на мать, впрочем, как и её сестра. Только если у Вивьен в глазах сквозила напускная игривость и лёгкость, которую так любят невнимательные мужчины с ущемлённым комплексом защитника, то у Адель, наоборот, во взгляде ясно читался строгий характер и какая-то странная, затаившаяся в уголках глаз печаль.

При виде человека, как правило, я могу уверенно сказать, что он за фрукт, но при просмотре этого портрета всё, что я мог высказать, так это, что девушке явно не нравилась её жизнь... А также то, что она обладала определённой долей красоты и обаяния: длинные шелковые волосы, почти до пояса, выразительные голубые глаза, эта ледяная гордость...

Я составил полный портрет и, обувшись, вновь вернулся к шкафу. Я осмотрел почти все отсеки, досконально проверил каждый из них, даже самый простой и скучный, и уже было отчаялся найти что-то интересное, как вдруг наткнулся на отдел с нижним бельём... Прозвучало весьма скверно.

— Одежда говорит о женщине лучше всего, но только, когда ей за тридцать: в двадцать вкусы так же переменчивы, как и настроение.

Надеясь непонятно на что, я принялся рыться в кружевных стрингах и бюстгалтерах, и был вознаграждён: под отсеком самых открытых и бесстыжих трусов я нашёл намёк на двойное дно.

— Конечно же, где хранить свои тайны, как ни в том месте, куда боятся совать нос все порядочные личности? — я выскреб всё нижнее бельё и без зазрения совести скинул его на пол. — Одно радует — я весьма непорядочная личность...

Дверь скрипнула, и я моментально повернулся на звук.

— Открыта. — констатировал я и так общеизвестный факт и затем добавил: — А вот окно закрыто, и сквозняка нет...

Я двинулся в коридор маленькими шагами.

— Симон!.. Симон? — когда я заметил торчащие из дверного прохода ботинки, было уже слишком поздно: что-то вошло в мою шею, и я отключился...

— Откуда у одного человека столько врагов?

— Общительный я... и пьющий.

Симпсоны (The Simpsons)

Передо мной сидел эльф: острые уши, странная форма челюсти, зелёная накидка. Даже среди толпы праздных выпивох он... выделялся.

— Ещё по одной, мальчики? — мужчина в кухонном фартуке постучал по бутылке.

— Плесни! — ответил я писклявым голоском с примесью рома, после чего продолжил активно что-то вытолковывать: — Эх, Эйвариллиан, славная ты душа, как же сложно учиться магии, если у тебя нет связей!

Некто со странным именем согласно икнул и принялся помешивать дрянной коктейль с торчащей из бокала пальмой.

— И дело даже не в занижении твоих результатов, хотя это и так, — пояснил я, особо не ударяясь в детали. — Вся проблема в том, что ты не можешь показать свои способности: влиятельные сынки и дочери крутых курв никогда не простят, если ты перетянешь одеяло на себя.

— А я думал, что ты просто неумеха, вот и взял академический, чтобы на взятки преподавателям накопить. — без обиняков признался остроухий. — Сам знаешь, какая дрянная слава о тебе ходит у товарищей по цеху: и дела ты бросаешь, и образования детектива у тебя нет, и вообще — в агентство ты попал, потому что рук у нас не достаёт...

— Что за вздор! — я вмазал по столу и чуть не сломал тоненькие пальцы. Из глаз потекли вечные спутники боли: слёзы. — Я тебе так скажу, Эйвариллиан: все работники в нашем агентстве — грёбаные взяточники.

Собеседник изрядно обозлился, но виду не подал.

— Не веришь? — я опрокинул рюмку водки и поднёс к носу петрушечку. — Вот возьмём нашего начальника — Сержио де Кампастелло. Как он заработал деньги на открытие агентства? Способностей к магии у него нет, в армии он никогда не служил и наследство от богатых родственников точно не получал.

— Как-то да заработал, раз сидит в кожаном кресле и подписывает бумажки. — с раздражением произнёс остроухий. — Впрочем, а наше какое дело? Есть такая поговорка: «победителей не судят». Она применима ко всем случаям в жизни.

— По-твоему, если человек чего-то добился, то он теперь обладает правом неприкосновенности? — полюбопытствовал я, всем своим видом показывая, что мнение собеседника претит моему крутому кодексу. — Если мудака совершил мудацкий поступок, то мне всё равно, кто он там: герой, богач или бедняк в прожжённых трусах. Всё едино — я буду почитать его за гада и плюну ему под ноги при первой же возможности.

Собеседник был готов наброситься на меня прямо там, невзирая на толпу завсегдатаев «Золотой утки», и лишь чудо сдерживало его от моей наглой щетинистой физиономии.

— Но ты ведь согласишься с тем, что всё можно купить? В том числе и неприкосновенность. — спустя какое-то время спросил остроухий и тихонько забарабанил по столу. У него были длинные, кровожадные пальцы: как у убийц и пианистов.

— Пожалуй, соглашусь. Деньги в нашем мире решают всё. — я осилил ещё одну порцию водки и кинулся заедать её нарезкой солёных огурцов.

Эльф успокоился и вновь запил бурду с декоративной пальмой.

— Это значит...

— Но, — внезапно добавил я, самую малость отдышавшись. — Всё зависит исключительно от суммы.

Собеседник сокрушённо вздохнул.

— И сколько ты хочешь?

— За что? — я притворился, что совершенно не понимаю, о чём мы толкуем.

— Не прикидывайся, — остроухий допил коктейль и теперь ничто не сдерживало его руки: паучьи пальцы потянулись к цветастым склянкам на зеленоватом поясе. — Ты ведь знаешь, что выхватил счастливый лотерейный билет, о котором многие мечтают годами... И можешь дорого его продать. Очень дорого.

— А если я откажусь?

— Зачем слепому дураку стеклянный глаз? — в свою очередь спросил взяточник.

Я непонятливо хлопнул глазками.

— Хорошая поговорка, хоть и бессмысленная. Я позаимствую.

Остроухий усмехнулся.

— Скажу честно: я изначально не хотел, чтобы тебе давали эти деньги. Большие деньги. Но раз уж так вышло, — болтун незаметно положил в ладонь одну из склянок. — То престань кормить меня байками и хлестать водку. Просто ответь на предложение, и я пойду по своим делам.

Не без удовольствия, мне пришлось ещё немного поморозить собеседника с ответом: я допивал последний шот. И только после этого, войдя в нужные кондиции, я вдохнул побольше воздуха и уверенно выдал:

— Нет.

Мой ответ не стал для незнакомца неожиданностью; более того, мне показалось, что именно такого развития событий он и ждал: за считанные мгновения пройдоха поднёс к моему носу какое-то противное снадобье и ввёл меня в странный сон, похожий на транс, — я всё ощущал, но не мог пошевелиться, — и удержал моё деревянное тело от падения со стула.

— Что, Лойд опять перебрал? — спросил бармен, с недоверием смотря на моего собутыльника.

— Похоже. — остроухий криво улыбнулся и слез с барного стула. — Не бойтесь, я донесу его до комнаты в целости и сохранности.

— Хорошо бы, — фыркнул бармен. — А то кто за квартиру платить будет?

Остроухий взвалил меня на плечо и потащил на верхний этаж. Как только мы скрылись от посторонних глаз, он скинул меня на пол и хорошенько пнул по рёбрам. Я начал блевать.

— И где ты спрятал ключ, паршивец? — урод принялся рыться по моим карманам и вскоре отыскал маленький медный презент. — Удачно, что ты отказался. Нет, правда. — красавчик захихикал. — Кто знает, вдруг бы ты и вправду раскрыл пропажу той богатенькой сучки? Тогда пиши пропало: самые крутые детективы сидят без дела, а у какого-то идиота появляется повод для открытия собственной конторы, без посредников и заёмов.

Выродок поднял меня на третий этаж и, оперев моё тело об стену, принялся открывать дверь, ведущую в квартиру. Как только послышался щелчок дверного замка, взяточник закинул меня в комнату и пошёл принимать ванну: я успел облевать и его.

— Так, Лойд, спокойно, — я поглубже вздохнул, и мои мысли немного прояснились. —

Легенды не умирают.

Я пополз к матрасу. Где-то там валялась хорошая магическая бурда от отравления. Я приготовил её ещё в то время, когда для меня была доступна университетская лаборатория.

Добравшись до желаемого, я схватил элексир зубами и выдернул крышку. Смесь пролилась на пол, поэтому пришлось слизывать её, как последней скотине. Но это дало свои результаты: мышцы перестали упорствовать, и я смог подняться и взяться за оружие. Для пущей уверенности пришлось спрятаться близ двери в ванную комнату.

— Раз-два-три-четыре-пять, я иду тебя иск...

Дубинка врезалась в лицо эльфа и сломала ему нос.

— Ах ты, сука!

Я ворвался в ванную комнату и бросился на противника. Мне удалось захватить одну из его ног и опрокинуть сволочь на плитку. Бедная керамика треснула.

— Мразь! — я согнул руку в локте и впечатал её в наглуую смазливую рожу, надеясь сломать вражине челюсть.

Второй удар сделать не получилось: остроухий брыкнул меня ногой, и я вылетел в комнату.

— Даже умереть нормально не можешь! — с гневом воскликнул эльф и достал из-за спины молоток.

Я неловко встал с пола и поднял дубинку. Она упёрлась противнику в грудь.

— Какая тебе разница, эльф, кто будет вести дело?

— А тебе? — в свою очередь спросил гад, после чего бросился на меня, держа в руке строительный инструмент.

Мне удалось уклониться от удара противника и отбить ему рабочую руку. Одна беда: пройдёт ещё пара минут, и я свалюсь от алкогольного отравления.

— Скотина! Мало вас, эльфов, зашугали, — я собрал побольше слюны и плюнул животному на новый дублет. — Мать твоя, остроухая шлюха, должно быть сказочно рада, что её сын убивает честных людей!

— Утырок! — ловкач попытался достать меня молотком. — Ты и честный человек — не смеши! два года назад Лойд де Салес торговал наркотиками в трущобах и искал детей на продажу в Халифат!

— Всё-то ты знаешь, шлюхин сын! — я махнул дубинкой и чуть не проломил элфу голову. — Но ты так и не понял главного: мне нужно это дело, чтобы начать новую жизнь. И уверяю: ты мне никогда не поме...

В глазах вспыхнули пьяные искорки, и я на секунду потерял равновесие. Остроухий не мог этим не воспользоваться: он подлетел, как фурия, и проломил мне голову молотком...

* * *

Я проснулся от того, что кто-то хорошенько ударил меня по голове.

— Прости, пожалуйста, — прозвучал до боли знакомый голос, отдающий ехидством. — Кто ж знал, что таскать людей так трудно?

«Какой дурной сон посетил меня этой ночью! Предательство любимой женщины, безумный город, похищение знатной особы... бывает же такое!»

— Рубиус, я опять заснул в кабинете и забыл закрыть за собой дверь? — мне очень

хотелось продлить состояние сладкого беспамтства до того момента, пока в комнату, с помпой и оркестром, не ворвётся майор, — как всегда, — с очередным требованием заполнить бесполезный, но нужный для «галочки» отчёт.

— Э-э, — младший дознаватель замялся и, если судить по звуку удаляющихся шагов, спешно направился в угол комнаты.

— Сколько раз повторять, Рубиус, — с удовольствием заговорил я, почти не скрывая радости. — Мужчина не должен мямлить перед коллегами, а в особенности — перед начальством: это делает из него мальчика на побегу...

Меня неожиданно облили холодной водой.

— Рубиус! — я разомкнул слипшиеся веки и уже приготовился к самой выразительной речи в истории наставничества, как вдруг, чуть не лишившись кончика языка, резко сомкнул челюсть с выражением самой глупой на свете обезьяны: открывшийся вид навсегда убил во мне красноречие и склонность к анализу.

— Стой, Симон! — всё, на что мне хватило сил: поднять ладони вверх, покорно ожидая заготовленной участи. — Ты ведь этого не хочешь, верно?

— Прости. У меня нет выбора. — и поднял садовник жестокую руку, что в страхе держала много горячих голов, и облил меня из графина с цветами, и хрюкнул сердечно, вот гад, вот урод!

От постигшего меня разочарования я был готов незамедлительно броситься в окно. И лишь одна потаённая мысль сдерживала мою оскорблённую натуру от этого желания — я находился на втором этаже, и если бы свалился, то лишь сломал бы ногу.

— Собака! — я сомкнул пальцы в кулак и обозлённо ударил по полу. Рука онемела.

— Ты так хотел увидеть какого-то Рубиуса? — юноша хмыкнул. — Хорошо ж тебе вмазали, детектив. Имя-то хоть не позабыл?

— Конечно же не забыл! — уязвлённо воскликнул я, вставая с пола. — Ричар...

Малец приготовил новый графин.

— Стой, стой! — я отпрыгнул к кровати и закрылся подушкой. — Что, уже и пошутить нельзя? Я Лойд де Салес!

«Ничего не скажешь: звучит!»

— Что ж, Лойд де Салес, вынужден тебя обрадовать: вашу уважаемую персону вырубил в первом раунде.

Сначала я не понял, о чём говорит юноша, вероятно, упражняющийся в остроумии, но как только заметил под его глазом хорошенький фингал, то события последнего дня мигом всплыли в моей голове, как тело должника в речке.

Пожалуй, самым интересным было то, что на нас обоих не было сапог. У парня — ещё и носков.

— И как это понимать? — я обвёл свои дырявые чулки красноречивым взглядом.

— И на что это ты намекаешь? — с прищуром спросил юноша и сложил руки домиком. — Я не порчу носки плохим людям, даже такому, как ты!

«Следствие зашло в тупик»

— Нет, ты не понял. Где мои... Наши сапоги?

— Украли.

В тот момент моё лицо, должно быть, напоминало каменное изваяние.

— Зачем вору лезть в дворянский дом ради кражи сапогов... — и тут я внезапно вспомнил о тайнике под женскими трусиками. — ...Твою мать.

Я бросился к интимной тумбочке. Вопреки логике и здравому смыслу, мальчишка не стал меня останавливать и дал вдоволь порыться в кружевном белье своей хозяйки. Более того, садовник явно насмеялся надо мной и думал, что я какой-то недоманьяк-идиот: презрительное выражение не покидало его лица до тех пор, пока я не перестал рыться в шкафчиках.

— Ну что, выбрал?

Я прекратил бессмысленное созерцание двойного дна и взглянул на собеседника.

— Советую эти, — мальчишка поднял с пола красные шёлковые стринги. — Как всем давно известно: красный — цвет страсти.

— И с кем я разговариваю...

Осуждение в моём голосе не помешало собеседнику и, — если судить по тому, чем мы занимаемся, — подельнику, бросить глупое занятие. Юнец выкинул красные трусы в угол и достал голубоватые, из батиста. Я начал закипать. Это не скрылось от глупого извращенца...

— Ты прав, чёрный всегда в моде!

...Только вот причины моего гнева он не понял.

«С детства не люблю похотливых животных, хотя со временем и сам стал таким же. Парадокс, как и во всей моей жизни: не любил палачей — стал дознавателем, ненавидел шлюх — влюбился в проститутку. Одно радует: я совершенно не понимаю тех, кто роется в чужом грязном белье... Или чистом»

Я подошёл к негодюю, отобрал у него трусы и вернул их на прежнее место с полным сознанием своей бесполезности как детектива.

«Какой-то хрен с горы ворвался в особняк, похитил улики, которые я так долго искал, и заодно опозорил меня перед слугой заказчика»

Надо ли говорить, что я был зол. А когда Ричард Донаван злится — жди беды.

— Я упал около входа, — отодвинув статую под именем Симон, я присели на корточки и провёл рукой полу. — На полу не видно грязи. Или наш с тобой преступник завидный чистюля и после попадания в дом первым делом бросился мыть обувь, или же он прошел по дорожке до главного входа...

— С чего вы взяли? — напряжённо спросил мальчик, пытаясь высмотреть из-за моего плеча какие-либо следы.

— Вокруг вашего дома — клумбы с только посаженными цветами, а следов земли и грязи на полу не видно... Надо будет опросить слуг.

— Пустая трата времени. — со знанием дела ответил юноша. — У нас так мало людей, что никто не следит за входом. Мы просто запираем калитку.

Мальчишка прав: выследить вора не получится.

— Хм, — я задумчиво забарабанил по половицам.

— Что?

— Он забрал дротик. Странно это.

— А что тут странного? — подивился мальчишка. — Сонный яд, должно быть, дорогой, как и дротик. Нападавшего могли бы выследить по поставщику: такого рода товары весьма редки в нашем городе.

— И опять ты прав, Симон. Из тебя бы вышел прекрасный дозна... Детектив.

— Спасибо!

«А вот я уже позабыл это ремесло, да ещё и с похмелья, есть судить по замечательному

сну, в котором моему новому телу пробрили голову»

— Но не стоит забывать: даже самые умные преступники оставляют следы. Совершать ошибки — неотъемлемое свойство человеческой природы.

— Мне кажется, что этот преступник слишком умён, чтобы раскрыть себя. — уверенно заявил Симон.

— Посмотрим. — слова мальчишки пробудили во мне охотничий азарт.

Я принялся думать, что же я могу сделать прямо сейчас, чтобы хоть на шаг приблизиться к разгадке, и вскоре нашёл пару интересных соломинок:

— Что может храниться в тумбочке с двойным дном, Симон?

Мальчишка оторопел.

— Украшения?

— Неверно.

Собеседник призадумался, или хотя бы сделал вид, что думает.

— Оружие?

Мне показалось весьма странным, что обычно догадливый юноша не додумался до разгадки, но я не придавал этому должного внимания и сам ответил на вопрос:

— Письма, Рубиус, письма и дневник... Прости, Симон. Я опять тебя кое с кем спутал.

— Ничего. — юноша легкомысленно махнул рукой. — Но с чего вы взяли, что преступник выкрал именно письма?

Я этого не говорил...

— Это простая логика. Двойное дно нужно только затем, чтобы что-то скрыть. А что можно скрыть юной леди, любящей ходить по клубам? Конечно же, кавалеров и свои похождения, а никак не стайку взятых в кредит побрякушек и кусок холодного железа...

— А если тумбочка и вовсе была пуста, и там не было ничего, кроме кружевных трусов?

— Нажав на поддон, я почувствовал, что он во что-то упирается. После того, как мне дали по голове, это ощущение пропало. Следовательно, простой вывод — в тумбочке непременно что-то лежало... Кстати, Симон, как думаешь, почему в меня выстрелили дротиком, а тебе дали по голове?

Юноша побледнел, и его лицо приобрело мёртвый цвет, которым всегда так отличались любезные отравители и подлые обманщики.

Кроме того, в клубе слишком громко, чтобы разговаривать, так что после пары рюмок каждый чувствует себя центром внимания, и при этом полностью отрезан от окружающих.

Чак Паланик

Многие люди, — как бы плохо это не звучало, — и не подозревают, что их в чём-то подозревают. Такой вот парадокс, состоящий из кольцевых, указывающих друг на друга подозрений. Это наблюдение, сделанное мной в годы работы дознавателем, подтверждается весьма тривиальным фактом: если человека ловят, то первое мгновение, следующие за обвинением, он никогда не признает, что его поражение — есть плод чей-то удивительной умственной способности: нет, преступник скорее поверит, что раскрытие его подлого преступления есть ни что иное, как роковая случайность, и что дознаватель, этот хитрец с ворохом вопросов, просто бьёт наугад. Бандит будет стоять перед судом, смотреть на уверенное лицо прокурора и не догадываться, что его действительно поймали, и лишь когда огласят приговор, а судьи, глубоко убеждённые, что совершили праведное дело, дружно встанут с мягких кресел и пойдут пить самый редкий в мире чай, обвиняемый наконец падёт на ноги и вскрикнет: «я — убийца!»

Почему так происходит? Почему люди так уверены в своей непогрешимости и готовы поставить на карту собственную жизнь, зная, что она у них, какова божественная ирония, всего-то одна и второй не представится? Наверное, дело во врождённой мании величия. Я глубоко убеждён, что она есть у каждого человека хотя бы потому, что каждый индивид считает себя лучше другого индивида. И дело тут не в здоровой самооценке, которой, как утверждают врачи, обладает уравновешенный человек: даже самый трусливый и неуверенный тьюфак в королевстве, если завидит короля, воскликнет: «А у меня волосы длиннее!». Безусловно, ради приличия, если его спросят друзья или знакомые, он всё-таки скажет: «Я такой жалкий!», но внутри, обуреваемый несогласным гневом и противоречивыми эмоциями, он будет жутко кричать, даже вопить: «Пусть у этого короля лучшая жена на свете, пусть у него каждый день обедает по министру, но зато я, уродливый и глупый бедняк, обладаю тем, чем этот надутый фанфарон никогда не сможет обладать — свободой!».

Уверяю, выберите любого, самого несчастного гада, коего и человеком-то не назовёшь, и подойдите к нему вплотную. Если бы вы могли читать мысли, то услышали бы, как это подобие человека сравнивает вас с собой и, что ещё более удивительно, находит, что он куда как привлекательней, чем вы, кем бы вы там ни были — таким же уродом или писанным красавцем с густыми золотистыми кудрями. Люди любят себя и не любят, когда другие занимаются тем же самым, поэтому они скрываются ото всех, некоторые — даже от себя любимого. Только храбрецы могут с уверенностью сказать: «Да, я считаю, что я самый лучший, и это несмотря на то, что я решительно хуже всех в этой зале!»

Безусловно, как и во всякой радикальной философии, есть исключения, но они, повинаясь поговорке, лишь подтверждают правило. Эти исключения, считающие себя рабами, слугами, помощниками, блаженными и прочими героями, каких никто и никогда взаправду и не видел, почтут за честь повысить чужую самооценку и назвать себя червяком, агнцем, смиренным обожателем или и тем и другим вместе, но эти люди сошли с ума, не

стоит принимать их убитую самооценку и странный взгляд на веру...

Так вот, мы отделились от самого интересного: преступник, которого я ловко поймал на горячем, сумел побороть волнение и сказал:

— Наверное, негодяй посчитал детектива более опасным и использовал духовую трубку. Что же касается писем: наверное, ты прав, письма и вправду были. Я неоднократно видел, как госпожа рисует или что-то тщательно конспектирует в розовой книжке. Жаль, что она пропала, и ты не сможешь пролить свет на тайну её исчезновения...

«Я не могу обвинить мальчика в преступлении, пока у меня на руках нет вещественных доказательств. Что я скажу, если меня спросят, как я догадался о личности преступника? Что мальчишка потеет, когда я говорю с ним о его милой госпоже, что ему дали по морде, а мне пробили шею дротиком, или что я не слышал звука падающего тела? Всё это лишь мои домыслы, даже то, что мальчик много знает о цене ядов и догадался о письмах раньше меня самого...»

Симон счёл моё молчание за победу, поэтому окончательно успокоился и даже поторопил меня, намекнув, что уже очень поздно и мне пора покинуть дом.

— Ты прав, Симон. Я засиделся. — окинув комнату настороженным взглядом, я пришёл к выводу, что больше мне в покоях госпожи Адель делать нечего: я осмотрел решительно всё, и кто-то очень остроумный мог бы даже сказать, что я осмотрел намного больше необходимого...

— Ты будешь выходить? — Симон уже вставил ключ в дверной замок и с любопытством на меня посматривал. Я читал его мысли: «думаешь, раскусил меня? Я надругался над Адель в доках, скинул её труп крысам и теперь ты ни за что меня не поймаешь. Можешь искать где угодно и ставить меня в тупик любыми вопросами, но в конечном счёте всё, что тебе останется — закрыть дело за неимением улики»

Я молча вышел из комнаты и предоставил садовнику запереть дверь на ключ. В это время в моей голове вспыхнул фигуральный пожар.

«Слуга влюбляется в госпожу и, узнав, что она выходит замуж, решается на отчаянный шаг. Классика. Я раскрыл пять подобных дел, и в четырёх из них преступник был предварительно отвергнут и знатно унижен. Наверняка в дневнике имя Симона значило больше, чем имя простого слуги... И я выведу этого гада на чистую воду»

Я направился вслед за молодым человеком и уже спустя пару минут жадно вдыхал воздух за стенами поместья. Стоял тёплый летний вечер: рыжее солнце спустилось к морю, и его лучи почти не проникали на улицу из-за огромной высоты местных домов. Квартал богачей погрузился в тень.

Я совершенно не представлял, что мне делать и куда теперь идти. Стоял посреди неизвестной улицы, в одолженной обуви, в неизвестном городе, с непонятными и сумбурными мыслями, которым никак не помогал блокнот, и судорожно хватался за голову, чтобы заставить себя вспомнить хоть что-то из жизни Лойда де Салеса... Надо ли говорить, что это был заведомодохлый номер.

Вскоре на меня начали коситься: проходящие мимо франты, в широкополых шляпах и с тростью под белыми перчатками, милые дамы с затянутым корсетом на сверкающем шёлком и жемчугом платье, спесивые слуги в парадных ливреях, носящие в дома господ только что купленные мундштуки, золотистые сливы и живых крабов. Некоторые кучера и вовсе старались невзначай задеть меня плетью. Тогда я отбегал на край тротуара, поближе к ограждению очередной Виллы, и матерился, что было мочи. Пребывание в районе

миллионеров, звёзд и аристократов стало для меня настоящей пыткой. Поэтому, когда на горизонте мелькнула кисточка шляпы охранника, вышагивающего по мостовой, как хозяин жизни, я даже обрадовался.

— Гм, сэр, — боец выразительно посмотрел на моё дешёвое одеяние и, очевидно, понял, с кем имеет дело, но всё же поступил осторожно и решил обращаться с незнакомцем вежливо: — К нам поступили жалобы, что какой-то странный мужчина ходит вдоль улиц и непристойно выражается. Не могли бы вы прояснить ситуацию?

— Да, конечно. — я подбоченился и попытался придать себе гордый вид растерянного вельможи. — Видите ли, я иностранец и нахожусь тут проездом...

— Ах, это значит, что вы пришли посмотреть окрестности и заблудились? — догадливый вояка просиял.

— Да, вы решительно правы! Мой друг, Рубиус, все уши прожужжал мне о том, как прекрасен королевский район.

— И ваш друг не ошибся. — охранник гордо задрал нос. — Королевский район — жемчужина Гарновера!

«Значит, столицу империи называют Гарновером...»

— Позвольте, — мужчина взял меня за руку и повёл за собой. Я не сопротивлялся.

Вскоре мы вышли к грандиозному фонтану, стоящему в центре круглой площади. Он являлся пересечением четырёх улиц и состоял из прекрасных, тянущихся к небу мускулистых атлантов из мрамора, удерживающих узорчатую, огромную чашу, в которой, журча и переливаясь, брызгала тёплая вода. Вокруг фонтана по всей дуге были расположены удобные лавки. На них сидели исключительно уважаемые персоны.

— Это фонтан Брандемарка, самого известного градостроителя среди императоров. По легенде, он заплатил за этот фонтан около двухсот тысяч ланистров.

— А кто такие, эти ланистры?

Мой личный гид улыбнулся.

— В широком смысле ланистры называются золотыми. Большинство предпочитает это вариант, потому что ланистры весьма устарели... Кстати, я не просто так привёл вас на эту площадь.

— Неужели? — благодушно спросил я, надеясь, что собеседник не заметит за прячущейся добросердечностью моей злобной иронии. — Тогда позвольте спросить, каков же ваш подлинный интерес?

— Я хотел бы, чтобы вы поскорее добрались до гостиницы. Видите, — охранник непринужденно указал на великолепный фонтан. — Это чудо идеально указывает направление. Каждый из восьми атлантов обозначит сторону света. К примеру этот, Преймон, — гид указал в сторону атланта, внимательно смотрящего на закат. — Направлен на запад. Как называется ваша гостиница?

Вопрос ненадолго поставил меня в тупик, но, как следует подумав, я быстро нашёлся с ответом:

— Серебряная ложка.

Охранник недоуменно на меня посмотрел, из чего я сделал немедленный вывод, что совершил непоправимую ошибку и лишился доверия моего спутника. Но отступить было поздно.

— Да, у меня там превосходная комната. С туалетом, кухней и прочими... излишествами.

Если бы я долго не работал над чувством стыда, то тотчас бы стал бордовым. Но на счастье Лойда де Салеса, я имел более чем убедительный вид.

— Не знал, что в Ложке стали сдавать комнаты. — гид сокрушённо закачал головой. — Похоже, у владельца совсем туго с финансами, раз он решился на такой отчаянный шаг.

— Похоже. — согласился я, совершенно не зная ни хозяина заведения, ни того, что там раньше никогда не сдавали комнат.

— Если хотите попасть в серебряную ложку, — мужчина наконец вспомнил о своём намерении проводить меня до отеля. — То идите по улице, которую сторожит Преймон.

Я взглянул на проспект, на котором умещалось четыре полосы для транспорта и два широких бордюра. По мостовой величественно выхаживали важные персоны. Были среди них и нелюди, но их было так мало, что мне не хотелось о них думать.

— Когда упрётесь в здание судостроительной верфи, свернёте налево и спуститесь до посольства Тулоне. Об этом вас известит висящий над зданием флаг с изображением винограда. Как только пройдёте посольство, свернёте направо и попадёте на улицу Феавира. Там уж вам каждый укажет на серебряную ложку.

— Благодарю.

Я откланялся и медленным шагом направился по указанному маршруту. До тех пор, пока я не скрылся из виду, добрый страж не спускал с меня глаз. Наверное, он опасался, что глупый иностранец, говорящий на имперском без малейшего акцента, посмеет вернуться и нарушить покой милых дам. Стоял рыцарь, конечно же, зря: я не стал гневить судьбу и до самой Серебряной ложки не поворачивал головы.

Клуб представлял из себя большое трёхэтажное строение с основательным каменным фундаментом. Из его окон уже во всю играла дивная музыка, хотя часы только-только пробили восемь. Впрочем, это время явно было знаком для местных разгильдяев: стоило им лишь слышать звон, как они тут же повыходили из укрытий, словно вампиры, с голодом ожидающие ночи, надели лучшие костюмы и приказали кучеру править к Серебряной ложке.

Не прошло и пяти минут, как вход в клуб преградила длинная, тянущаяся до конца улицы очередь. Охрана внимательно осматривала каждого посетителя и, если он им нравился, то приветливо улыбалась и торжественно приотворяла двери, ну а если нет — выдворяла несчастного под дружный смех толпы.

Но не все посетители клуба проходили столь нудную процедуру: многие подъезжали на каретах с, должно быть, крайне известным родовым гербом, и их сразу же пропускали за ограждение. Некоторые, впрочем, подъезжали в дилижансе, и в таком количестве, что их и вовсе могли не пропустить дальше ограждения, но тогда из дилижанса обязательно вылезала какой-нибудь известная шишка и сотрудники заведения приветливо расступались перед новыми посетителями. Третьими счастливыми были местные звёзды: ещё за пару улиц до Серебряной ложки за ними гнались ушлые журналисты и докучливые фанаты, так что можно было загодя сказать, кого сегодня ожидают на танцполе или за игрой в покер.

Я видел круглые столики с крупье через витражное окно, выходящее на уже упомянутую улицу Феавира. За столами уже играли, но это обстоятельство меня несколько не касалось.

Я обогнул очередь и вошёл в проулок между «Серебряной ложкой» и соседним заведением под названием «Спелые яблочки». Там уже столпилось порядочно таких, как я — умников, наивно полагающих, что кто-то пустит их с заднего входа. Один из них, молодой человек в дорогом фраке, прямо сейчас боролся с несправедливостью охраны.

— Я чиновник третьего класса, мистер! — губы юного денди оскорблённо

подрагивали. — И если вы сейчас же не пустите меня в это прелестное заведение, то я буду вынужден направиться к вашим более приветливым коллегам!

Задний вход «Спелых яблочек» разразился девичьим смехом. Я с любопытством взглянул на примыкающее к Серебряной ложке заведение и поначалу спутал его с борделем, но как только из полуоткрытой двери заиграла весёлая музыка, то я убедился — передо мной стояло кабаре. Туда и вправду пускали всех желающих. Наверное, от недостатка клиентов: соседство с известным клубом накладывает на владельца определённые ограничения.

— Ну так и вали в яблочки, щёголь! — нагло ответил громила, преградивший вход, и оттолкнул юношу прочь от двери.

Мальчишка надулся и уже было потянулся снимать перчатку, но, заметив на лице охранника выражение уверенного превосходства, закусил губу и скрылся в толпе. На его место стал очередной умник, только уже четвёртого класса, и тоже потребовал пустить его в клуб. Ему, ясное дело, в просьбе сразу же отказали.

«Гиблое дело» — сделал я окончательный вывод, как только охрана спровадила со ступенек десятого просителя. Они действовали не хуже, чем чиновники, и мне оставалось только позавидовать их мастерству принижать людей.

Решив, что прорываться с боем не самое лучшее из моих решений, я принялся размышлять, как бы потише пробраться в «Серебряную ложку». В этом была и другая, более прозаичная сторона: заметив меня издалека, букмекер мог скрыться... Хотя, если учесть то, как я его отделал, то у него есть причины и вовсе не появляться в клубе.

Вскоре я нашёл, что искал: Серебряная ложка соединялась со Спелыми яблочками какой-то хозяйственной одноэтажной пристройкой.

— Эй, приятель, — я тронул какого-то завсегдатая подозрительных переулков за плечо. — Как думаешь, меня пустят в яблочки?

Пьянчужка хохотнул.

— Сам посмотри, — мужчина ткнул пальцем в какого-то кретина в красных шароварах, которого без зазрения совести провели до самого входа трое миловидных девиц. На них были вызывающие наряды с павлиньими перьями.

— Спасибо. — я хлопнул помощника по плечу, и тот моментально свалился на землю. Ноги его явно не держали. — Прости.

Я скрылся в толпе и вылез только когда перед моим носом показались двери спелых яблочек и... много дынек. Спелых.

— Мистер, вы попали по правильному адресу: у нас лучшее кабаре в городе! — девица, которая в прошлой жизни годилась бы мне в дочери, фамильярно прижалась к моему плечу и зарылась в рубашку.

— Девочки, я... как бы...

— Ничего не говорите! — вторая танцовщица взяла меня за руку и, не принимая никаких отговорок, повела в заведение, ни капли не боясь стеснить подружек, которые в этом самом кабаре переодевались.

Рассадник блудниц встретил меня восторженным ликованием. Я проходил через раздевалку бесстыжих прелестниц с полной уверенностью, что любовь к падшим женщинам никогда не переселит во мне любви к сохранению честного имени.

Лишь одна девушка не проявляла распушенности, которая была свойственна её подругам: вопреки всем предрассудкам о работающих в кабаре женщинах, она краснела каждый раз, когда мимо их закутка проходил мужчина. Никто этого не замечал, возможно,

по той причине, что обнажённая грудь куда интереснее алых щёк. Но я был необычным мужчиной: дознаватель и детектив в одном флаконе требовали ответов. Я уже собрался подойти к этой стыдливой красотке, разносящей напитки, как меня остановила умудрённая возрастом женщина в весьма строгом для подобного места платье. Мановением руки она отогнала моих спутниц обратно ко входу, а сама подошла ко мне и сказала:

— Мистер, к этой девушке лучше не подходить. Она уже двоим посетителям отбила всё, что пониже пояса.

Я с сомнением взгляделся в хрупкую натуру. Ничто не выдавало в ней хорошего драчуна.

— Хорошо, не буду. — я засобирался в залу, но всё же мимоходом успел спросить: — Что, новенькая?

— А вы внимателен, мистер. — маман уважительно поклонилась. — Вы правы, она здесь всего неделю. Так, разносит еду и подшивает девочкам наряды... Но как вы догадались?

Я затеребил ворот рубашки.

— Просто предположил. — и скрылся в Яблочках...

Случайными кажутся события, причины которых мы не знаем.

Демокрит

Мне не хотелось бы надолго останавливаться на описании милого сердцу кабаре; скажу лишь, что это заведение отвечало всем требованиям местного разгильдяя: здесь танцевали обворожительные женщины, играла громкая музыка и присутствовало исключительное алкогольное разнообразие.

За небольшой барной стойкой, как воробьи на жёрдочке, сидели многочисленные лица мужского пола. Они попивали цветные коктейли, подаваемые соблазнительными официантками в коротких юбках, и часто поглядывали на сцену, на которой пели, плясали и разыгрывали комедийные сценки бесстыжие работницы Спелых яблочек. Признаюсь, даже я, — занятой человек, пришедший в кабаре исключительно по делам, — залюбовался восточным танцем под шутовую мелодию.

«И всё же есть в женском танце что-то особое, недоступное посредственному взору наблюдателя. Плавные движения, кипящая страсть и ненависть на весь мир смешиваются в женщине бурным потоком и создают неповторимое произведения искусства. Наглецы могут сказать, что никакого искусства в вилянии тазом и быть не может и что я всё выдумал, чтобы оправдать тот факт, что я паялился на оголённым дамские животы десять минут кряду; но эти циники, вечно подозревающие честных людей, окажутся не правы: искусство слишком многогранно, чтобы ограничиваться скучными рамками уже изобретённых дисциплин. Уверен, когда-нибудь культура этого мира переживёт не одну революцию взглядов и ценностей, в том числе и тех, что непосредственно связаны с искусством...

Я почувствовал толчок и повалился на стол с пивом. Низенькие бородачи с молотками за поясом осыпали меня проклятиями и попросили не мешать им созерцать дивное представление: как раз в этот момент дамы поднимали ноги под аккомпанемент дудки.

Я извинился перед джентльменами и встал. Долго искать того негодяя, что посмел меня толкнуть, не пришлось: этой особой оказалась та самая девица, что разносила напитки в раздевалке и от знакомства с которой меня предостерегала хозяйка заведения.

— Тебя не учили правильно маневрировать между столиками?

— А тебя не учили не стоять в проходе, когда кто-то разносит напитки? — хамка гордо задрала нос. — Тебе не кажется, что ты должен извиниться?

Я вскипел. Грубость официантки настолько вывела меня из себя, что я был готов опрокинуть поднос ей на голову.

— Значит, извиниться? — спросил я с тем особым тоном, что располагает собеседника к соблюдению культуры речи.

— Гм... Да! — не без тени смущения подтвердила негодяйка и попыталась придать себе уверенный вид. Выходило у девушки из рук вон плохо: даже слепой на один глаз старец заметил бы её странное волнение.

«Что ж, она сама подписала себе пиво на голову. И я тут совершенно ни при чём...» — я закатал рукава и направился в сторону официантки. Девушка смешно округлила глаза и попятилась, судорожно сжимая поднос, заполненный кружками. Далеко ей убежать не удалось: я нагнал официантку, когда она врезалась в столик.

— Эй, дурёха, смотри, куда прёшь! — пьяный завсегдатай Спелых яблочек бережно

поправил тарелку с закуской и затем выразительно шлёпнул официантку по заднице. От такого удара у девушки наверняка останется большой синяк.

Растерянная официантка смотрела то на меня, то на развеселившегося от своей дурной выходки пьяного, то на заполненный пивом и снеками поднос, явно не понимая, что же ей предпринять, чтобы ни в коем случае не заплакать и защитить свою честь. По сверкающим от обиды глазам девушки я догадался, что одна из кружек сейчас польётся на самого дрянного обидчика...

— Что ты тут делаешь! — воскликнула подоспевшая коллега юной официантки, так же придерживающая в руках заполненный поднос. — Господа, пожалуйста, простите её, она у нас такая невнимательная!

Злющая официантка уже намеревалась опровергнуть несправедливые, как ей казалось, обвинения коллеги, но её мнения никто не спрашивал: высокая красotka с большим бюстом прижала её к своей пышной душе и умильно засмеялась. Я и мой коллега за столом растаяли, как пломбир под июньским солнцем.

— Ну что вы, — заметив, что пуговицы на рубашке примирительницы планируют лопнуть в мои широко раскрытые от любопытства глаза, я подавился.

— Да, не стоит переживать! — сказал товарищ за подвинутым официанткой столом, уже настолько раздобревший, что при большом желании у него можно было бы спросить всё содержимое его кошелька.

— Спасибо! — заголосила красotka, мило подпрыгивая. — Вы настоящие джентльмены!

— Да ну... — ответили мы одновременно с пьяницей, неловко зачесав голову. — такие уж и джентльмены...

Виновница торжество уже раскрыла рот, чтобы как-нибудь нас оскорбить, но более старшая коллега незаметно показала ей кулак и оттащила девушку в тёмный угол. Я не мог видеть всей картины, но ясно понял, что юную официантку за что-то ругают: из угла доносились оскорбления, перемежающиеся пространными наставлениями. Также грудастая спасительница активно жестикулировала, в то время как молоденькая хамка смиренно качала головой и стыдливо опускала взгляд.

«То-то же» — получив удовлетворение видом поверженного противника, я направился на второй этаж. Путь мне преградил крепкий охранник в костюме-тройке.

— Проход только для тех, кто заказал приват. — сказал он мне, изрядно надувшись.

— Я заказал приват.

— С кем? — в свою очередь спросил страж пьяного порядка, оглядев меня с головы до ног и как-то догадавшись, что никакого привата я не заказывал.

— С... с девушкой с большой грудью.

— Здесь все девушки с большой грудью. — резонно заявил охранник, сурово на меня посмотрев. — Какое у неё имя? Каков номер заказанной тобой комнаты?

— Вы не против, если я прошепчу имя девушки на ухо? Просто эта дама очень переживает, что кто-то может прознать, что она танцует перед мужчинами за деньги.

«Вполне обычная практика среди друзей моей матери. Многим из них было неловко, если кто-то знакомый узнавал их в толпе и подтверждал свою догадку, слышав известный набор букв. Конечно, никто не мешает даме назваться воображаемым именем, но, как правило, это не распространяется на обычных танцовщиц»

— Все наши девушки используют прозвища. Можешь назвать имя дамы без утайки. —

вышибала ослабил. Моё замешательство изрядно его забавило.

Мне пришлось напрячь новую память и попытаться вспомнить самые распространённые женские имена в округе. Ничего не выходило, поэтому я решил выстрелить наугад и с надеждой произнёс:

— Берта.

— Пошёл вон. — охранник засучил рукава и приготовился выкинуть меня из заведения.

Я мельком посмотрел на заполненный зал и обнаружил, что всё внимание зрителей приковано к творящемуся на сцене безобразию; оркестр играл так громко, что даже расслышать голос друга, сидящего подле тебя, не представлялось возможным.

Я сделал вид, что отступаю, и, когда раззадоренный вышибала уже приготовился сворачивать меня в тубус, чтобы развернуть только на улице, вызывающе топнул ногой. Противник на миг опустил взгляд, и тогда я молниеносно пробил ему боковой в бороду. Тело охранника на секунду зависло в воздухе, а затем начало падать. Я подхватил его в полёте всего за мгновение до падения и затем культурно приставил к лестнице и закрыл напольным цветком.

— Отдыхай.

Я хлопнул беднягу по плечу и незаметно поднялся на второй этаж, состоящий из длинного коридора, устланного коврами, и шестёрки комнат, на каждой из которых висела надпись «не беспокоить». За первой же дверью я расслышал стук высоких каблуков и восторженное оханье крупного человека.

«Жестокий бизнес не терпит разборчивости в клиентах. Наверняка этот хряк кучен, глуповат и смердит дешёвыми духами, купленными втайне от жены... Но перед ним крутится самая красивая девушка на свете. Как неприятно сознавать, что красота бывает уродлива»

Я прошёл пару точно таких же комнат и упёрся в помещение, окна которого выходили на одноэтажное строение, соединяющее Яблочки и Ложку. За дверью слышались аплодисменты. Похоже, танцовщица давно принялась за дело.

Я постучал. Хлопать перестали, но дверей так и не открыли.

— Открывайте, полиция! — я стукнул по двери повторно.

За стеной послышался робкий шёпот. Вскоре он превратился в ожесточённый спор и бег с препятствиями.

«Мине низя в тюрьму, у меня пас-пота нема!» — заголосил любитель стриптиза и заметался по всей комнате: видимо, принялся собирать вещи. «Ви говорили, что у вас чесное зави-дение! А тут — разбой!»

Томный женский голос раздражённо отвечал: «Я не знаю, почему нагрянула проверка. Наверное, какой-нибудь идиот опять пожаловался на шум в ночное время...»

— Открывайте, не то выломаю! — сдерживая хохот, я забарабанил по двери. Весь этаж погрузился в могильную тишину.

Преступник воскликнул: «Вай-я, смерть мне! Спрячьте миня под оди-яло и скажите, что я ваш сын!», на что женщина устало ответила: «Не буду я из-за стриптиза подписываться под суд».

— Всё, выламываю!

— Постойте, мистер! Умоляю, не ломайте дверь! — запричитала дамочка, испугавшись, что порчу имущества ей вычтут из зарплаты. — Сейчас открою!

Я услышал стук каблучков. Спустя пару биений сердца дверь наконец отворилась,

открыв моему взору маленькую комнату с серебристым шестом, двухместным диваном и тумбочкой, на которой стоял скошенный подсвечник и валялись какие-то таблетки. Проход внутрь загородила женщина на двадцатисантиметровых каблуках. Она была столь высокой, что я смотрел на неё снизу вверх. Заметив, что перед ней стоит никакой не жандарм, а юноша в мятой рубашке, танцовщица страшно рассердилась.

— Добрый вечер, товарищ жандарм. — иронично сказала она и злобно улыбнулась. На её губах блестела ярко-красная помада. — Вы очень молоды. Можно ваше удостоверение?

Стриптизёрша закрыла вход своим мускулистым телом и образцово сложила руки. Она явно ожидала скорейших объяснений. Тем временем за моей спиной послышался скрип, обозначавший раскрытую дверь: какая-то из девушек решила помочь подруге и позвать на помощь. Чтобы никак не выдать своей осведомлённости, я не стал поворачиваться на звук и медленно потянулся в карман: достать якобы имеющееся у меня удостоверение. Это ненадолго притупило бдительность строгой охранницы, благодаря чему я сумел использовать элемент неожиданности и протолкнул её в комнату.

Закрыв дверь, я бросился к уже раскрытому окну. Даме это не понравилось, и она ткнула меня стрипом в живот. Острый каблук впечатал меня в стену. Я задохнулся от боли и свернулся калачиком. Из глаз брызнули слёзы.

— Никуда ты не уйдёшь, мелочь пузатая: сначала тебя хорошенько выпорют! Будешь знать, как мешать взрослым тётям! — дама схватила меня за шкурку и принялась одевать наручники розового цвета.

— Погодите, это недоразумение! — я принялся изворачиваться, но женщина было слишком умелой наездницей: пригвоздив меня к полу, ей не составило труда связать меня по рукам и ногам и забавы ради пнуть по рёбрам. Я заголосил, как пойманный в клетку фазан.

— А ну не кричи! Не то хуже будет! — стриптизёрша сомкнула руку в кулак и умело дала мне по морде. Я потерял способность ориентироваться в пространстве и рассеяно замотал головой.

В коридоре слышались спешные тяжёлые шаги. Я выпучил глаза и принялся извиваться под тяжёлым женским телом, надеясь перевернуться на бок. Вскоре мне это удалось: я повалил стриптизёршу и оттолкнулся от дивана двумя ногами. Мой затылок больно столкнулся с её челюстью и отбил даме зубы. Раздалось удивлённое клацанье.

— А ну стой, негодник!

Я перевернулся на спину и поднялся с пола одним ловким прыжком. Этому умению я был обязан долгой практике у старшего дознавателя, гонящего меня по утрам в течение нескольких лет. И совсем не важно, новое у тебя тело или старое: важно лишь помнить, как переставлять ноги.

За секунду до того, как дверь открылась нараспашку и в комнату ворвался бугай с дубинкой в руке, я выпорхнул в окно. Ноги мои загибались, дыхание давно спёрло, а наручники как никогда раньше саднили руки, но я не мог остановиться и бежал до тех пор, пока не упёрся в витражные окна Серебряной ложки, из которых лился тёплый, жизнеутверждающий свет...

* * *

Известный иностранец, гоблин Сариио Ватичелли, спрятался за бочкой и придерживал

спадающие с пятой точки штаны. Из раскрытого настежь окна доносились странные, а порой и пугающие звуки, из чего мужчина сделал вывод, что бесстрашная танцовщица билась с полицейским не на жизнь, а на смерть.

«И чего только в империи не увидишь!» — думал гоблин, выглядывая из-за бочки. «Стриптизёрша дерётся с властью имущим! Нонсенс!»

И тут из окна вылетел молодой человек, скованный розовыми наручниками. Не разбирая дороги, на подкошенных ногах, он побежал по плоской крыше и вскоре скрылся за широкой дымовой трубой.

«Ну и Гарновер!» — карлик хмыкнул. «Будет, что друзьям рассказать...»

Из окна показалась изрезанная голова охранника. Гоблин вскрикнул и машинально поднял руки. Штаны с позором упали на поверхность крыши и стали напоминать змеиную кожу. Вышибала усмехнулся.

— Этот?

Очень высокая дама, поглаживая, видимо, больную челюсть, вывесилась на подоконник и посмотрела на полуголового карлика.

— Нет, не этот.

— Убежал, значит. — громила огорчённо цокнул и посмотрел по сторонам. — Эй, ты! — обратился он к карлику, который всё никак не мог натянуть штаны. — Не видел кого?

— Гм-м, — гоблин наконец прикрывшись и смущённо подошёл к окну. — Пробегал один, в наручниках. Куда-то туда погнал. — и указал в сторону известного клуба.

Вышибала покачал головой.

— Не бойся, Нориль, — обратился он к женщине, распластавшейся на диване. — Я не скажу, что ты потеряла инвентарь.

— Спасибо. — стриптизёрша встала, поцеловала охранника в лоб и затем спровадила его в коридор.

Карлик остался стоять у окна.

— Ну заходи, что уж. — работница Спелых яблочек хмыкнула и пригласительно замахала ручкой.

Просить второй раз не пришлось: гоблин просиял и забрался обратно...

— С вашего позволения, представляюсь. Меня зовут...
— На этом и закончим. Не хочу перегружать память.
Укрощение строптивого (Il Bisbetico domato)

Рассмотрение оконного проёма в качестве двери ещё долго будет преследовать туалетные романы и... детективов.

Я неспешно распахнул мозаичное окно, ловко сбил пару цветочных горшков и тихо вернулся в южный ковёр. После падения мне никак не удавалось избавиться от противного щекочущего чувства, поэтому я сразу же огласил своё триумфальное появление мощным и гордым «Апчхи!».

Проходящий мимо слуга наткнулся на меня во время переноски кальяна и, услышав, что кто-то чихнул, испуганно подпрыгнул, задев макушкой низко висящую в коридоре люстру.

— Вы кто такой, мистер?! — лакей опустил раскуренный кальян и, внимательно приглядевшись к моим наручникам, пришёл к выводу, что я, несомненно, являюсь честным госслужащим.

— Немедленно выметайтесь, подлый извращенец, не то я полицию вызову!

Ладно, я солгал: розовые наручники не очень-то помогают прикинуться крутым перцем.

— погоди! Я жертва насилия!

— Вы жертва морального бессилия! — ловко парировал собеседник и принялся заворачивать меня в ковёр. — Охрана! Охрана!..

Я вытянул шею и укусил негодяя за сандалии. Слуга протяжно вскрикнул и отпрыгнул к окну, чтобы «спланировать контрнаступление». Благодаря передышке я сумел встать с ковра.

— Слушай, дружище, — я озарился одной из тех дешёвых улыбок, на какие способны любители доверчивых женщин и праздных незнакомцев. — Я всего лишь ищу старого друга, которому задолжал денег. Это буквально вопрос жизни и смерти: сегодня последний день платы!

Слуга не разжал побелевших пальцев, но что-то в его жалком виде мне подсказало, что он был готов пойти на уступки.

— Теперь ты понимаешь, почему я так силюсь попасть в «Ложку»?

— Ну, — лакей подозрительно на меня посмотрел. — А зачем вам наручники, какими бордельных козлов вяжут?

— Чтобы не кинуться играть в казино. — серьёзно ответил я, внутри, впрочем, содрогаясь от сардонического хохота. — У меня самая настоящая зависимость от пятикарточного покера: стоит мне увидеть стол, как руки сами тянутся к кошельку и выкидывают трудом и потом заработанные монеты.

Лакей расслабился. Моя легкомысленная речь сделал своё дело: теперь мужчина был уверен, что его собеседник — беспросветный идиот.

— И... кому вы задолжали? — сдерживая улыбку, спросил слуга.

— Джейме Пастушку.

Улыбка мигом спала с угодливого лица, сделав его похожим на кладбищенский памятник.

— Что вы сказали? — переспросил лакей, всё более и более бледнея.

— Джейме Пастушок. Маленький такой. С ним ещё обычно ходит красный Гарри. Его-то ты знаешь?

Мой собеседник сглотнул подступивший к горлу ком.

— Да, я знаю красного Гарри. — и, достав узорчатый платок, принялся вытирать пот со лба. — вы найдёте его в пятой комнате. Идите далее по коридору.

Слуга захватил кальян и направился в сторону, обратную той, куда он изначально стремился попасть. О бедолаге напоминал лишь запах табака и кислых яблок.

Я пожал плечами и двинул по указанному адресу. Всё то время, пока я шёл по коридору, до моего нежного слуха доходила громкая танцевальная музыка, доносящаяся с первого этажа.

Когда напротив возникла циферка пять, я остановился, по-солдатски свёл ноги и... Вспомнил о наручниках.

«И что я скажу, если покажусь в таком виде?.. Ух, какая крутая музыка играет сегодня в баре! А вот меня на входе повязали, любезно уточнив, что я грязный мальчик...»

Поняв, как глупо звучит мной же сказанная шутка, мне пришлось растягивать предмет стриптизного декора, чтобы тонкая цепочка, сдерживающая меховые наручи, разломилась пополам и я без стыда смог встретиться с процентщиком.

Признаюсь, сломить ожесточённое сопротивление эротичного устройства было крайне нелегко: когда я насилу справился с задачей и над коридором наконец раздался победный звон падающих цепей, мои руки превратились в раскрасневшиеся от трения сосиски и я не мог и пальцем пошевелить, не вызвав жуткой боли в области кистей. К слову, розовые наручи так и остались на моих руках, поэтому мне пришлось запихнуть их под рубашку.

После проделанной работы по спасению чужой репутации, я вежливо постучал в дверь и приготовился входить. Готовился я, как это обычно бывает, зря: дверей передо мной никто не открыл. Должно быть, в гостевых комнатах клуба было не принято встречать гостей, — какая ироничная тавтология.

Я постучал ещё раз. В кругляшке цифры пять неожиданно возник дверной глазок, из которого на меня уставился подбитый, сиреневого цвета глаз.

— Он нас вычислил! — глазок резко закрылся, и в комнате воцарился непонятный шум.

«Наверное, у них бардак и они стесняются своего беспорядка перед гостями... Или же бандиты очень хорошо меня запомнили, что обычно и бывает с теми, кто когда-то бил их по морде и водил носом по земле»

Я не ждал чуда, отпирающего нерадивым детективам всякие двери, но и сделать что-то полезное для следствия никак не мог: выбивать выпускающе-впускающие преграды не входило в умения Лойда де Салеса. Поэтому я спокойно настраивал себя на благоприятный случай, и он, каково удивление, всё-таки наступил: спустя пару минут после начавшегося за стенкой балагана дверь резко распахнулась и в меня полетел огромный кулачище. Мне не составило труда уклониться от надвигающегося айсберга и контратаковать апперкотом в челюсть.

Красный Гарри упал во второй раз. Его коллега, по-видимому, жёлтый Гарри (я понял это по его «весёлой» рубашке), оторопело прислонился к комоду с цветами и схватился за сердце. Бедняге стало плохо.

— И чего ты стоишь, как хер на свадьбе! — воскликнул спрятавшийся за письменный стол Пастушок, прикрываясь стопкой документов. — Уделай его!

Громила в жёлтой рубашке справился с эмоциями и неуверенно двинулся в мою

сторону. Когда он-таки до меня добрался, мне пришлось любезно сложить его к Красному Гарри. Пастушок был в ярости.

— Ты знаешь, кто я такой, де Салес?! — малыш смешно бегал по комнате, выискивая норку, где бы он мог спрятаться. — Я дальний родственник Черри висельника!

Я прикрыл дверь, чтобы никто не мог нам помешать, и принялся гнать бандита в угол. Это было нехитрым делом: Джейме так боялся, что вскоре и сам загнал себя в ловушку — угол между шкафом и цветком. Поняв, что проиграл, он повалился задницей на дорожку и закрыл лицо ладонями.

— Я больше не буду фальсифицировать скачки и обдирать тебя до нитки, клянусь честью моей мамы!

Я остановился на полпути и недоумённо посмотрел на Джейме. Букмекер задрожал.

— Сам понимаешь, что сейчас в стране кризис! — негодяй встал с разбитого цветочного горшка и, влипнув в стену, как вор, редковато посеменял к противоположному углу, где стояла небольшая тумбочка.

Я догадался о коварных букмекерских планах и так же направился к тумбочке. Заметив это, процентщик зарычал и опрометью кинулся отпирать нижний ярус. Я поймал хитреца в тот момент, когда он уже тянул руку к блестящему в потёмках комнаты кинжалу.

Пастушок отчаянно закричал и притворился мёртвым. Я повалил незадачливого актёра на диван и облил вином из стоящего подле меня графина, после чего враль наконец перестал играть на воображаемую публику и яростно воскликнул, что его рубашка стоит, вероятно, как аренда моей квартиры в Золотой утке. Правда, коварный мужчина тут же опомнился и вновь высунул язык, ведь, как всем давно известно, так делает абсолютное большинство глупых мертвецов, и, ко всему прочему, ещё и прикрыл глаза, как и всякий порядочный покойник.

— Мне не нужна твоя жизнь, идиот! — истошно вскрикнул я, подкрепляя свои слова некультурными жестами. — Просто ответь на мои вопросы и я уйду.

— А раньше нельзя было сказать?! — обиженно спросил Красный Гарри, валяясь под жёлтым. — И всё из-за гребанных вопросов...

Букмекер быстро смекнул, что убивать его сегодня никто не планирует, поэтому неторопливо поднялся с дивана, послушно сложил руки на колени и настроился отвечать, уведомив меня о своей готовности кивком.

— Что ж, — я пододвинул кресло к Пастушку и, — что вполне очевидно, — сел. — Итак, мой дорогой друг. Ты знаешь некую Адель де Вилларе?

— И всё из-за грёбаной бабы! — заплакал жёлтый Гарри, валяясь на красном.

Букмекер велел подчинённому умолкнуть и ответил, что он, конечно же, знал Адель и неоднократно предоставлял ей неограниченный кредит в своём уличном банке.

— У меня много клиентов среди дворян: из-за возрастающего влияния рабочих и пришедшей интеллигенции многие древние кланы лишаются средств к существованию... Хотя, вернее будет сказать, что они лишаются средств для пускания пыли в глаза. — Пастушок ухмыльнулся.

Я сдержанно хмыкнул и продолжил импровизированный допрос. Джейме отвечал по существу, но в тоже время очень развёрнуто и интересно, что навело меня на мысль о том, что процентщик уже неоднократно попадал под такого рода беседы.

Из нашего разговора я узнал, что девушка часто занимала очень внушительные суммы и что отдавать их всегда приходил какой-то худой парнишка, очень смахивающий на слугу, но

пытавшийся казаться кем-то более важным: он выржался, как павлин, но ценность материалов, из которых было сделано его платье, ясно говорила, что он был бедняком, и причём бедняком самого плохого сорта — не желающим признавать правду. Об Адель этот юноша говорил, как о своей давней подруге, хотя было очевидно, что он изрядно её побаивается. Также паренёк иногда щеголял в кожаной куртке не по размеру.

«Значит, Симон носил за госпожу деньги и, похоже, помогал ей в интимных делах, что требовали определённой доли сноровки, показной глупости и молчания. Если Адель достаточно ему доверяла, то он вполне мог воспользоваться её наивностью и попытаться выманить её в какую-то квартиру. А далее: надругательство, труп и новое дело. Был бы я дознавателем, дело уже бы шло в архив, потому как я бы снял с юнца скальп и под пытками выведal точные данные. Но сейчас, какова неудача, я обычный детектив, и стоит мне подвергнуть кого-то пыткам, как меня сразу же заграбастает местная полиция. Действовать надо аккуратно...»

В конце диалога мы с букмекером пожали друг другу руки, я извинился за принесённые телесные повреждения и прочие неудобства и пообещал вернуть не занимаемые лично мной(!) деньги, после чего скрылся в коридоре, напоследок спросив, где мне найти виконта Реймонда. Джейме фыркнул и ответил, что этот кутила сейчас или за игорным столом, или жрёт таблетки на танцполе.

Я поблагодарил процентщика и направился по своим делам.

* * *

Как только детектив вышел из комнаты, Пастушок схватил пустой графин и разбил его об стену. По обоям в стиле барокко поплыли винные пятна.

— Найдите мне этого ублюдка! — процентщик подбежал к красному и жёлтому Гарри и отвесил каждому по оплеухе. — Найдите, отрежьте все пальцы и сбросьте с самой высокой точки в городе!

Громилы понятливо закивали. Падение с часовой башни близ императорской площади являлось одним из самых излюбленных видов наказаний среди преступников. К нему прибегали только если в городе находился самый бессовестный, гнусный и наглый делец в городе. Последняя казнь состоялась в прошлом году и, несмотря на запреты властей и угрозы каторгой, собрала вокруг себя порядочно народу.

— Но босс, — обратился к разъярённому процентщику красный Гарри. — Он же силён, как чёрт, этот де Салес. Наверное, продал душу дьяволу!

— Не носи чепухи! — воскликнул Джейме, топнув ногой. — Это обычный зарвавшийся придурок! Где ты видел, чтобы к авторитету врывался должник и тряс его, как мешок с золотом? — не дожидаясь ответа, Пастушок вскрикнул: — Правильно, нигде! Так что подымайте задницы, идите на первый этаж и проследите за ним до самого дома. Доложите мне всё, в том числе и то, кого он сегодня трахал или кому давал милостыню.

— Есть! — одновременно ответили красный и жёлтый Гарри и затем оба застремились к выходу.

Только вот, попав в коридор, дуболомы остановились и о чём-то задумались.

— Ну, говорите уже! — рявкнул Джейме, как всегда замечающий, когда его подчинённые не понимают указаний.

— А если он того... убёг?

— Чем вы слушали наш разговор, идиоты! — процентщик так разозлился, что не смог удержаться на ногах и вновь повалился на диван. — Он не уйдёт, пока не поговорит с Реймондом! Найдёте этого педика и де Салес ваш.

Громилы переглянулись.

— Босс... а зачем вам педик?

— Найдите мне де Салеса! — букмекер снял ботинок и зарядил красному Гарри по носу.

Жёлтый Гарри понял, что второй ботинок не заставит себя долго ждать, поэтому прихватил недалёкого друга и пошёл с ним на первый этаж...

* * *

Скажу без утайки, что я наблюдал очень много ярких представлений: вполне естественно, что сын проститутки с детства вкушает то, за что обычные мужчины платят внушительные взносы. Но даже я, весьма опытный по части развлекательных заведений зритель, немного удивился, увидев передо собой огромную, прыгающую под музыку толпу.

Я мог рассмотреть её во всех деталях, потому что стоял на возвышении, — лестничном переходе, отделанном мрамором, залитый потом, от ступенек, ведущих в гостевые комнаты и игорный зал, — и, что греха таить, при виде дикой толпы испытал необъяснимый страх. Столпотворение людей, объятых общим безумием, напоминало мне рассвирепевший океан, и Лойд де Салес был в этом океане малюсенькой лодкой, с гребцом без компаса и карты.

На огромном пространстве расположилось всё, что было нужно пьяному человеку: танцовщицы, высокая сцена с оркестром, что своим количеством и качеством превышал даже театральный, и длинная, на тридцать персон барная стойка, у которой находились всевозможные виды существ и, естественно, алкоголя.

Стоило мне только спуститься, как меня уже закрутил безумный вихрь танца и мигом унёс за собой, в неведомые доселе края, наполненные странными лицами, идущим из-под сцены дымом и мерзкими наркотиками.

Казалось, употреблял тут совершенно каждый: и восемнадцатилетняя девочка, скорчившаяся в судорогах, и восьмидесятилетний старик, у которого от того, что он принимает, через полчаса случится инсульт.

За всей этой богадельней внимательно наблюдали несколько разодетых в мантии чудиков, расположившихся на балконе. Высота потолков позволяла вместить и три балкона, так что мне, похоже, повезло их увидеть: благодаря этим бесчестным людям, следящими за оргией с постамента, я вспомнил, что, оказывается, я являюсь их коллегой. Вернее, Лойд де Салес им являлся, а я лишь присвоил его жалкие достижения себе.

«Интересно, что это за купол?» — я внимательней пригляделся к колдунам и понял, что свет, исходящий из их балкона, распространялся на всё помещение и странно успокаивал. Так, будто из него лилась ещё не понятная мне сила...

— Эй, — неожиданно возникшая девчонка больно ткнула меня в плечо. — Ты красивый. Не хочешь развлечься? — и засмеялась, словно я рассказал ей самую уморительную шутку на свете.

Хохотушке было не больше двадцати, может, и изрядно меньше: девушки любят

казаться старше. Она уже забыла, что хотела переспать со мной за углом клуба, и теперь во всю прыгала около какого-то загорелого коротышки в красных мокасинах. Я подошёл к ней, развернул и, крепко взяв за плечи, спросил:

— Не знаешь, где бы я мог найти Реймонда?

Глупышка захлопала глазками. Её новый кавалер уже намеревался прихватить меня за ворот рубахи, как тут...

— Это я. Что тебе нужно?

«У меня такое чувство, что я являюсь героем какого-то любительского романа о детективах...»

Я отпустил наркоманку на свободный выгул и повернулся в сторону, откуда доносился сладостный голос.

На войне как на войне, знаете ли: лучше быть живым параноиком, чем мертвецом, который ждал от жизни только приятных неожиданностей... Одним словом, я не люблю сюрпризы. Зато они меня просто обожают.

Макс Фрай. Болтливый мертвец

Реймонд представлял собой тот самый тип личности, который люди зовут не иначе как джентльменом. Пожалуй, это и вправду был исключительный молодой человек: приятный в общении, источающий нежный аромат древесных духов, облачённый в лучший костюм из тех, что мне доводилось видеть, и к тому же — весьма смазлив. Наверняка виконт обладал крупным состоянием или, по крайней мере, денежным довольствием, и ко всему прочему имел высокую, обусловленную его положением в обществе самооценку.

Как можно понять, молодой человек сразу пришёлся мне по вкусу; хоть бы и из-за того, что он любезно пригласил меня в свою ложу и предложил самые лучшие в мире блюда, напитки и сигары.

— Ну же, мистер детектив, попробуйте хотя бы этих маринованных фиников: уверяю вас, они чудесны!

В огороженном стойками месте, развалившись на глубоких диванах, сидела группа молодых людей. Они смотрели на меня с заметным подозрением и, похоже, были обо мне самого низкого мнения из возможных. Были ли виной тому мои дешёвые вещи, излишняя для детектива молодость или же щегольская наглость, с какой эти особы держались ото всех посетителей клуба — не могу знать, да и не хочу.

Лишь виконт общался со мной любезно, и, уверен, не без веской на то причины.

— Ах, где мои манеры! — красавец поправил золотые кудри, от которых половина зала с завидной регулярностью падала в обморок. — Я не представил вам нашего гостя.

Компания молодых людей, присосавшаяся к кальяну, сделала вид, что внимательно слушает своего благодетеля.

— Друзья, этот человек расследует самое громкое преступление в Гарнovere, и имя ему — Лойд де Салес!

Одна из дамочек прыснула в ладошку. Это не скрылось от внимания виконта.

— Азалия, если тебя так веселит имя благородного человека, то, быть может, повеселит и имя кого-нибудь ещё из персон в этом клубе? Например, Бертрама...

— Замолчи! — пристыжённая девушка залилась краской.

— Напротив, моему новому другу будет очень интересно послушать эту печальную историю! — виконт обернулся, чтобы я мог видеть его прекрасное лицо, и заговорщицки улыбнулся.

Я ответил манипулятору неловкой усмешкой.

— Не мучай Ази, негодяй. — запротестовал юноша с редкой бородкой, притронувшись к кальяну. Подле него сидело двое дам развратного вида. — Тот факт, что ты за нас платишь, пока мой отец перекрыл мне все средства к существованию и отправляет по почте смехотворные десять золотых, не даёт тебе права представлять нам всяких непонятных карапузов... Не видишь, малец, — теперь вросший в диван слизняк обращался ко мне. — Взрослые дяди культурно отдыхают. Не мешайся. Иди уроки поучи, что ли.

Ложа залилась смехом. Куцеголовый понял, что поймал волну, и продолжил:

— Знаешь ли ты Октавиана Зориана? Хотя бы одно из его дивных стихотворений? Этому сейчас вообще обучают?.. Ах, ты ведь наверно окончил только пару классов и затем сразу отправился в одну из тех прибыльных ниш, которые сейчас так быстро заполняются неудачниками, мнящими себя новой вехой истории...

Я двинулся, чтобы набить негодю морду, но виконт меня опередил: с грацией сытого льва он подошёл к своему товарищу и отвесил ему такую пощёчину, что, если бы кто-то иной, более малой комплекции, получил такую, то наверняка бы отправился в нокаут.

Расслабленный хам, упокоенный куревом, повалился на колени одной из своих пассий и смешно застонал. Уверен, по его лицу покатались слёзы, и только заглушённый свет мешал разглядеть их в полной мере.

— Ты что делаешь, ублю...

— Ты оскорбил моего гостя и понёс заслуженное наказание. Сегодня тебе в «Серебряной ложке» больше делать нечего. Встань и выйди отсюда.

Реймонд навис над поверженным острословом. Оскорблённый юноша, запатавшись, встал и, держась за горевшую щёку, на ватных ногах вышел из ложи. Его жалкий обрюзгший силуэт вскоре скрылся среди посетителей клуба.

— А вот теперь мы можем поговорить. — Реймонд предложил мне сесть на место выгнанного товарища и, не принимая никаких отговорок, дал в руки бокал вина.

«Что я люблю в эскортницах, так это, что они быстро меняют планы: подумав, что я являюсь лучшим другом богача-виконта, пассии униженного толстяка облепили меня, словно виноградные лозы стену, и принялись спрашивать, кем же я работаю»

— Ну же, просветите нас. О каком громком деле идёт речь? — спросила одна из них, прижав меня грудью к дивану.

Группа щёголей прильнула к моей персоне. Девушки достали мундштуки, а мужчины запалили сигары. От количества дыма слезились глаза.

— Я ищу Адель де Вилларе.

Ложа наполнилась грустными вздохами.

— Ах, бедняжка Адель! — воскликнула эскортница, повиснувшая на моём плече. — Предстоящий брак с сынком де Ребера так подкосил её!

Присутствующие согласно закивали.

— Этот Гауэйн, не за столом будет сказано, — прояснил один из франтов, блондинчик в сером костюме, — дворянин лишь в третьем поколении: его дед, генерал Ребер, получил право взять приставку «де» за «выдающиеся» заслуги перед отечеством... Какой позор!

— Говори тише, Джастин, — обратился к блондинчику смазливый хлыщ в сиреневой шляпе. — Везде есть уши.

— Меня не беспокоят всякие соглядатаи, Рубенс. Это тебе, сынку полковника полиции, стоит переживать за подпорченную репутацию. Я же могу во всеуслышание заявить, что империя являлась агрессором и бесчестно напала на Вербедер под предлогом защиты королевской власти!

Молодые люди поддержали Джастина и с осуждением взглянули на Рубенса. Оскорблённый юноша гордо задрал нос и показательно отвернулся, всем своим видом показывая, что он в этом разговоре ни капли не участвует.

— Я что-то не понял, — неуверенно сказал я. — А причём тут дедушка де Ребера?

— Уважаемый генерал Ребер, — упоминая уже, должно быть, умершего человека, Джастин словно плевался ядом. — Был главным военачальником в подлой военной

кампании, направленной на подавление власти народа в Вербедере. Благодаря этому герою у нас появилась новая провинция на юге, а у него самого — серебряный рудники, на драгоценности которых можно снарядить собственный флот. Этот человек — кровавый тиран, убийца суверенитета и пастырь несправедливости! — закончив свой недолгий монолог, молодой человек осушил рюмку текилы.

«Этот мир всё больше напоминает милый сердцу Реордан: в моём королевстве тоже были наивные молодые люди, нагло полагающие, что они обладают правом говорить об отчизне, сколько им вздумается и в любом тоне. К сожалению, я не занимался людьми с антипатриотичными настроениями: это делал мой коллега, неумелый по части пыток. Мы называли его „добряк Джек“: вот кто вырывает ногти после того, как сломал пальцы и жертва почти ничего не чувствует? Или зачем использовать холод вместо кипятка? Из-за него морозильные камеры были постоянно забиты всякими дворяшками и купцами. А я там, между прочим, бутерброды хранил! Один раз их даже съели и мне пришлось бить одного из голодранцев по губам, чтобы он понял, что брать чужое — грех... Ладно, это всё шутки, но старина Джек и вправду надоедал»

— О чём задумались, Лойд? — осведомился виконт, приобняв тонкую аристократку.

— О бренности нашего бытия, дорогой Реймонд.

— Я тоже часто об этом думаю, — признался золотокудрый красавец. — Ведь все мы рано или поздно состаримся и станем уродами.

«Херовый из него философ»

— Я больше всего боюсь как-нибудь встать с кровати и увидеть в зеркале дряблую кожу жёлтого цвета. — заговорил Рубенс, почувствовав, что политические темы отходят на второй план.

— Признаюсь, меня это тоже пугает. Когда пропадает упругость, а бёдра больше не имеют слащавой гладкости и дивного загара, наверное, хочется свести счёты с жизнью. — пожаловалась одна из эскортниц и положила свою прекрасную головку мне на грудь.

— Конечно, все вы правы, — согласился я, чтобы избежать детских споров о страхе уродливой старости. — Но я думал о бренности бытия в несколько другом ключе.

— И в каком же? — поинтересовался Реймонд, с любопытством обхватив мужественный подбородок.

— Ну вот представьте: жил раньше человек. Жил, никого не трогал, занимался бытовыми вещами и тут... Бац! — я стукнул по столу, вызвав у окружающих приступ паники. — ...И человек пропадает без вести. Он недолговечен, этот человек, и выходит, что его существование ещё более бренно, чем наше с вами, дорогие друзья.

«за сегодняшнюю беседу окружающие меня люди и я сам успели обесценить слово „друг“ до значения „никому не интересный знакомый, который должен нас слушать“»

— Вы намекаете на Адель? — спросил Джастин, хитро прищурился глазки.

— Думаю, намёк вполне очевиден и мистер Лойд может ничего не объяснять. — надеясь показаться умным, брякнул Рубенс и затем добавил: — Наш гость прав, бедная Адель сбежала из под венца не от хорошей жизни.

Мускул на лице виконта вероломно дёрнулся. Это скрылось от внимания окружающих, но я, привыкший замечать реакцию собеседников в полутёмных помещениях, не мог обмануться. Бедняга наверняка стыдился даже упоминания младшей де Вилларе, потому как отказ для уважаемого и почитаемого всеми мужчины смерти подобен: если раньше он беспрепятственно собирал коллекцию женских бюстгалтеров, то теперь какая-нибудь дама

может подумать, что виконт не так хорош, как может казаться, если его отшила какая-то там девушка.

— А с чего ты взял, что она сбежала, Рубенс? — совладав с собой, уверенно спросил Реймонд, и больше ни один мускул не дёрнулся на его идеальном лице. — Её могли бесстыдно выкрасть. Разве ты не слышал, что в Халифате любят знатных северных женщин?

— Не обманывайся, мой наивный друг. Ты знаешь Адель лучше меня и догадываешься, что она никогда бы не вышла замуж против своей воли, а этот мезальянсный брак, стоит заметить, был заключён именно против воли нашей подруги.

— Может, ты и прав. — Реймонд неуверенно кивнул. — А вы что думаете об этом, Лойд?

— Склоняюсь к теории мистера Рубенса. — соврал я, не имея никакого желания рассказывать этим людям про мои догадки насчёт Симона. Того гляди, оскорблённый бывший ухажёр вскрыет ему голову, и я так и не найду трупа Адель или, что вполне вероятно, её саму, живой и почти здоровой.

— Но как она могла сбежать? — заговорил Джастин, поправляя белокурые волосы. — Мы все знаем её мамашу и догадываемся, что старшая мисс де Вилларе организовала вокруг её спасительницы от нищеты настоящую охрану... Одно я знаю точно: служанку Адель, Беатрис, сослали именно из-за того, что она могла помочь девушке сбежать!

«Помнится, я удачно взял адрес этой девушки и теперь одной ниточкой у меня в деле больше: Улица каменщиков, переулок молотка, дом 14»

— Значит, в теорию с похищением верит только Реймонд? — я обвёл ложу любопытным взглядом.

— У вас всё же есть какие-то основания полагать, что девушку украли? — волнительно спросил виконт, схватившись за подлокотник дивана. — Кто этот негодяй...

— Симон...

Я повернулся к догадливому шутнику, чтобы задать ему трёпку, но к неожиданности своей увидел, как уставший Джастин держит в руках газету.

— Слушайте, а слугу де Вилларе, того страшенького садовника, звали не Симоном?

— Возможно, я уже не вспомню. — виконт пожал плечами. — А какое он имеет отношение к тому, о чём мы сейчас говорим?

— Не знаю. Просто в новостной самообновляющейся колонке пишут, что его убили. Кстати, всего в квартале от нас. Около Спелых яблочек...

У меня не было времени спрашивать, что значит самообновляющаяся колонка и что Реймонд думает о пропаже девушки, потому что я, кажется, напал на след, который напрямую ведёт к разгадке.

— Где это было? — я резко встал, скинув с себя двух приснувших красоток, и прижал бедного Джастина к спинке дивана.

— Говорю же, около Спелых яблочек... В квартале святого Кларисса!

Молодые люди дружно усмехнулись. Сочетание различных кабаре и святых имён плохо сказывается на репутации как одних, так и других.

— Спасибо! — я пожал блондинчику руку и вознамерился выйти из ложи, но Реймонд остановил меня, схватив за ворот рубахи.

— Можно ли мне пойти с вами? Если это связано с Адель, я бы хотел...

«Если туда уже нагрянула полиция, то меня могут не пропустить, но вот фамилия Реймонда, впрочем, мною давно забытая, может открыть многие двери»

— Хорошо. Но идёте быстрее: нельзя медлить.

Молодой человек рванул с места, но, вдруг о чём-то вспомнив, хлопнул себя по лбу и вытащил из кармана заполненный под завязку кошель. Он кинул его на стол и, распрощавшись с друзьями парой фраз, обратился ко мне:

— Скорее!

Мы побежали к выходу. Перед графом расступались даже более важные с виду персоны, так что мы без труда вышли на улицу. Из воспоминаний об этой странной гонке у меня остался лишь знакомый женский силуэт, неожиданно возникший в одном из балконов, но он быстро смылся из памяти, как обычно и уходят из неё события бурной ночи...

* * *

— Гарри, смотри! Убёг! — мужчина в жёлтой рубашке допил кальвадос и в одно короткое движение слез с барного стула.

— С ним виконт? — более умный, чем его собеседник, красный Гарри задумчиво пригляделся к бегунам. — Надо быть аккуратнее. Если хлопнем и Реймонда, проблем не оберёмся.

— Верняк! — хозяин жёлтой рубашки напряг глаза и, встав на цыпочки, взгляделся в сторону выхода. — Уже смылись, паскуды.

— Ничего, нагоним.

Красный Гарри встал и, продираясь сквозь толпу, направился к выходу из Серебряной ложки. Он и не заметил, что в то время, пока он расталкивал различных выпивох, за ним внимательно наблюдала какая-то женщина...

* * *

Когда мы добрались до улицы святого Кларисса, было уже слишком поздно: за труп взялась полиция. Жандармы оцепили квартал, собрали немногочисленных свидетелей в кучку и, невзирая на увещевания хозяйки «Спелых яблочек», приказали никому не входить в заведение.

— Надо полагать, такое происшествие сильно ударит по репутации Яблочек. — сказал я Реймонду, выглядывая из-за спин многочисленных зевак.

— Ничуть. — возразил виконт, занимаясь ровно тем же самым. — Смерть около увеселительных заведений — не редкость, и зачастую только добавляет значным местам клиентов: людям всегда было интересно притронуться к какой-нибудь тайне, пусть и связанной с убийством.

Мне оставалось лишь хмыкнуть.

Вскоре к оцеплению подъехала карета с особыми знаками на дверцах. Я предположил, что это транспорт полиции, и вскоре виконт подтвердил мою догадку:

— Это государственный следователь по делу Адель. Такой болван...

Я немедля растолкал зевак и прорвался за ограждение, утянув виконта за собой. В нас нацелился арбалет.

— Куда полезли? Не видите, здесь жмур! — полицейский ошетинился, как испуганный

ёжик. Того гляди, выстрелит. Реймонд это тоже понял, поэтому не преминул представиться:

— Я Реймонд де Пенья, а этот молодой человек — мой товарищ, детектив Лойд де Салес. Мы друзья убитого.

Морщины на челе настороженного полицейского разгладились, но арбалета он так и не убрал.

— Уважаемые, к трупу нельзя подходить до тех пор, пока мистер де Лувиньи не закончит следствие.

— Мы с мистером де Лувиньи коллеги, причём коллеги — первого сорта. — уведомил я стража порядка, стараясь сильно не жестикулировать. — Я тоже веду дело по пропаже Адель де Вилларе и...

— Тут другое дело, господин детектив, с пропажей госпожи Адель де Вилларе никак не связанное. — затараторил упрямый баран, преградив нам путь к телу.

Так бы я и бился об стенку непонимания, если бы не де Пенья: он потянулся в карман, не побоявшись того, что в него могут выстрелить, и достал оттуда золотой. Блеск металла подействовал на стражника, как на верующего святыне мощи.

— Я так понимаю, вы хотите пожертвовать этот золотой в пользу полиции и пройти на другой край улицы, потому что у вас там поминание по усопшему?

— Вы верно поняли, господин полицейский, у нас там очень важное дело. — виконт скорчил грустную мордашку.

Страж порядка опустил арбалет и жестом приказал нам подойти. Мы засеменили к его обрадованной персоне и, как только с ним пересеклись, виконт незаметно сложил в его сумку монетку.

Когда мы отошли на порядочное расстояние, я не упустил возможности поделиться с виконтом своими наблюдениями:

— Вы выказали большую сноровку, так ловко положив эту монетку в сумку. Уже были подобные прецеденты?

— А какой монете идёт речь? Неужели вы обвиняете меня в пособничестве коррупции, которая веками терзает наш город? — виконт заулыбался...

...Покойникам всегда почему-то достается куда больше любви, чем живым: наверное, просто потому, что они неподвижно лежат на месте и наконец-то больше никому не мешают...

Макс Фрай. Болтливый мертвец

Когда мы добрались до садовника, он уже не подавал признаков жизни... Впрочем, мальчишка не подавал их и до нашего прихода, ну да это так, — мелочи смерти.

— Вы кто такие? — очередной полицейский заслонил дивный вид на труп.

— Мы частные детективы. — без тени стеснения ответил виконт и подтолкнул меня вперёд. — Это Лойд де Салес.

Поначалу имя ничего стражу порядка толком не говорило, но стоило мужчине с любопытством почесать голову, как в неё тут же вернулась старая добрая память о моей персоне:

— погоди, а я тебя знаю! — жандарм принялся усиленно наминать лоб. — Ты ж этот... торговец диванами на Солнечной! Помнится, младший лейтенант брал у тебя кресло. Хорошее такое, кожаное. Я ещё спросил тогда: «Джимбо, а ведь дворяне креслами не торгуют!», на что он мне: «Лойд де Салес — исключение. Хоть и дворянин, а порядочный юнец! Да и женщин приходит, что в наше время среди аристократов крайняя редкость...»

Реймонд заливался от смеха.

— Так что вы хотели, господин диванщик? — вернув себе серьёзность, спросил жандарм. — Тут новых клиентов вы не найдёте: все заняты, смотрят на труп...

— Что за труп? — спросил я, будто и не знал, куда пришёл, и будто мы не представлялись частными детективами с минутой назад.

— Какой-то мелкий служка, господин диванщик. При нём нашли только пару монет, паспорт и какое-то письмо...

— Письмо?! — виконт вперился в рассказчика самым выразительным взглядом из возможных. — А какая на нём была печатка?

— Хм... А такое можно рассказывать торговцам диванами?

— Нужно! — заверял виконт. — Ведь всем доподлинно известно, что продавцы диванов — самые добрые люди на свете, и тому, кто им поможет, они подарят просто замечательный диван.

— И кресло? — любезно уточнил полицейский.

— Да-да, и кресло. — аристократ беззаботно махнул рукой. — Так что с письмом?

— А вы мне расписочку на получение диванчика сделаете? — поинтересовался государственный служащий, заулыбавшись, как невеста в день свадьбы: должно быть, мужчина уже представлял, как использует диван по назначению.

— Конечно! Мистер Лойд, — дворянин ткнул меня в бок и подсунул в руки записку и карандаш. — Распишитесь, пожалуйста.

Я намалевал под «торжественно клянёмся подарить старшему лейтенанту диван» какие-то каракули и был таков. Жандарм спрятал записку в карман и начал рассказывать:

— В общем, печатка на письме была превосходная. В форме льва...

Виконт внимательно на меня посмотрел. Я одарил его таким же надоедливым взглядом, как бы намекая, что ни черта не разбираюсь в местных гербах.

— Лойд, вам это ни о чём не говорит?

— Признаюсь, я слабо разбираюсь в дворянских родах и их ответвлениях. А вам? Вам это что-нибудь объясняет?

— Не имею понятия. — виконт подёрнул плечами и попросил жандарма продолжать.

Долго уговаривать не пришлось:

— Уж не знаю, что было в письме, потому как капитан де Лувињи сразу его забрал, но догадываюсь об одном: этого парня убили с помощью яда! — ужасно довольный собой, полицейский принялся разминать вороватые пальцы.

Я нахмурился.

— Как вы пришли к такому заключению?

— Господин диванщик, я профессионал своего дела. — уведомил меня охранник по периметру, словно он и вёл тут следствие. — И мне сразу видно, если на ком-то был использован яд.

— Не понимаю. — ответил я лишь затем, чтобы попасть поближе к трупу.

— Экий вы непонятливый. — гениальный жандарм вздохнул. — Ну ладно уж, пойдёмте, покажу вам этого служку. Только, если подъедет труповозка или подойдёт мой коллега, говорите, что вы из отдела по борьбе с наркотиками.

Мы с Реймондом одновременно кивнули, и тогда полицейский провёл нас к Симону. Я сразу приметил некоторые изменения.

«Переодет. В чистое и дорогое. Он куда-то собирался. В Серебряную ложку? Может, хотел найти меня? Нельзя отбрасывать эту версию...»

— Это, мои дорогие господа диванщики, действие яда под названием Лавиорт. Он прост в использовании и легко достаётся на чёрном рынке. Симптомы: ярко выраженные жёлтые пятна на коже, выпадение волос, — чтобы доказать нам правоту его суждений, полицейский взял Симона за шевелюру и с лёгкостью выдернул целую прядь, — А также опухший язык и общая симптоматика удушья.

Боец был очень доволен собой: он гордо приподнимал набитую опилками голову, говорил с особым придыханием, постоянно поправлял жандармский значок.

— Зачем кому-то травить обычного слугу? — задал я очевидный и, ясное дело, ненужный мне вопрос, чтобы узнать официальное мнение следствия.

Государственный служащий уже раскрыл рот, — в который, к слову, могла спокойно залететь стайка мушек, — но кое-кто неожиданно его перебил:

— ...Затем, чтобы он никому не выдал ужасных тайн своих хозяев. — раздался за моей спиной холодный, отточенный голос. — Этот мальчишка прислуживал в доме де Вилларе и, возможно, напрямую связан с похитителем девушки.

Реймонд побледнел.

— И вы знаете, кто эта свинья... мистер де Лувињи?

После такого я не мог не повернуться. За нашими спинами притаился зрелый мужчина приятной наружности, с занимательной широкополой шляпой, скрывающей часть лица.

— Ах, Лойд де Салес. — сказал важный господин, как только подошёл ближе и рассмотрел моё лицо. — Знаменитый потомок работоторговцев, любимец игорных заведений и тот, кто меня оскорбил. Дважды.

Виконт с обидой на меня уставился: юноша наверняка решил, что я умолчал о знакомстве с детективом, расследующим пропажу Адель... Только вот, в моей памяти не было ничего такого, что хоть косвенно бы намекало на моё знакомство с известным

сыщиком. Поэтому я не преминул опровергнуть наговоры:

— Я что-то не припомню, чтобы когда-нибудь оскорблял вас.

— Да? — де Лувињи усмехнулся. — С неделю назад. Вы пришли за материалами по делу и когда узнали, что я вам их не выдам, закатили скандал и разбили свои наручные часы об стену.

Реймонд всё больше надувал сердитые губы. Умасленный диванами жандарм выпрямился по струнке и не смел пискнуть.

— Уверяю вас, я глубоко сожалею об этой выходке. — мне пришлось принять поражение.

Я уже намеревался раскланяться, как бесстрастный детектив добавил:

— И именно поэтому, из чувства глубокого сожаления, вы, конечно же, подсунули под дверь моего дома коробку с оркскими фекалиями?

— Это был не я.

— Там было ваше имя.

— Кто-то меня опорочил.

По удручённому виду Реймонда я понял, насколько ему было неудобно находиться со мной на одной улице. Да и мне, честно говоря, тоже. Но я не собирался играть в смущение, поэтому предпочёл перевести разговор в более важное для следствия русло:

— Мистер де Лувињи, из достоверных источников я знаю, что вы уже осмотрели труп бедного слуги и нашли при нём одну занимательную вещичку. Не могли бы вы, как коллега, поделиться со мной некоторыми сведениями и тем самым ускорить процесс следствия? — обаятельная улыбка стала венцом моей скромной просьбы.

— Какой вы стали культурный, мистер де Салес. — едко выцедил следователь. — К вашему сведению, государство не делится важными сведениями с кем попало.

Реймонд выдохнул.

— Так я и думал, господин де Лувињи. Так я и думал. Вы никогда не выдадите нам это письмо?

— Никогда. — сыщик усмехнулся. — Лейтенант Поларк!

Бедняга, охраняющий труп, и сам стал похож на мертвеца.

— Да, сэр! К вашим услугам, сэр!

— Выведите этих джентльменов и не подпускайте к телу, пока за ним не приедет гробовщик... Ах, вот и он!

К нам подкатила старая телега, и из неё вышел дряхлый, даже немощный старик. Я засомневался, сможет ли человек такой комплекции перетащить тело, но, когда около повозки показался большущий детина с крепкими ручищами, всё стало на свои места.

— Джером, переноси. — отдал приказ дедуля, после чего, кряхтя и кашляя, подошёл к нам и поздоровался с де Лувињи.

— И вам доброй ночи, мистер Гекарт. Надеюсь, печи ещё не переполнены?

— Забиты до вторника, мистер де Лувињи, так что молодому человеку придётся обождать. — старый циник попытался засмеяться и чуть было не умер от приступа кашля.

Капитан вежливо прыснул в ладошку и, вдруг вспомнив о нас, с раздражением уставился на подчинённого.

— Вы ещё здесь, лейтенант Поларк?

Болтливый жандарм покраснелся, извинился и погнал нас до самого края улицы. Там он с нами и распрощался, наказав привезти диван по указанному адресу.

«Что ж, теперь у меня целая связка возможностей. Надо зайти к служанке, найти торговца ядами и узнать действие Лавиорта и... Хе-хе, найти мистера Гекарта и полюбопытствовать, за сколько он даст осмотреть труп. И это если не учитывать того, что завтра у меня назначена встреча с отцом и сыном де Ребером... Как много дел и как мало времени»

— Вы знаете де Лувињи, но предпочли не говорить об этом. Лойд, вы не доверяете мне?

За всеми этими планами я так замотался, что совсем позабыл о моём новом знакомом. Так делать не стоило: это, мягко говоря, не очень-то вежливо.

— Просто я не видел смысла в том, чтобы рассказывать вам мои походы к этому бессовестному, оклеветавшему меня человеку.

— Так всё, что он говорил, это клевета? — с недоверием спросил мой собеседник, явно сомневаясь в моих словах и, в частности, моём рассудке, ведь кто в здравом уме станет прятать под дверью влиятельного человека коробку с экскрементами.

— Да, уверяю вас. Ну... Кхм, возможно, факт с коробкой действительно имел место быть...

Виконт приподнял брови.

— ...Но он никак не связан со мной. Кто-то из моих завистливых коллег просто решил подшутить и принизить меня в глазах детектива. И у них получилось: теперь де Лувињи и пальцем не пошевелит, чтобы мне помочь.

— И что же вы планируете делать?

— Я? Э... — мне показалось, или на крыше мелькнул знакомый силуэт. Очень знакомый и очень остроухий.

— Вы что-то заметили?! — виконт резко повернулся и достал из ножен рапиру. — Там кто-то есть?

— Да не волнуйтесь вы так, — я аккуратно подобрался к виконту и похлопал его по плечу. — Убийцы не бродят в шаге от чужого убийства.

— Наверное, вы правы. — юноша вздохнул и спрятал оружие. — Все эти детективные штучки очень волнительны, не правда ли, Лойд?

— Да, вы правы... — я всё чаще вглядывался в ночной туман и стал замечать, что за мной была организована целая шпионская сеть: как минимум три группы внимательно наблюдали за каждым моим действием и наивно полагали, что их не замечают. Возможно, эти люди действительно были профессионалами своего дела: ловкие, не отбрасывающие тени, тихие, как мыши. Но вот одного они не знали: перед ними стоял тот, кто ловил шпионов и получше.

— Вы так задумчивы, что мне боязно на вас смотреть. — виконт неловко засмеялся. — Пожалуй, не буду допытывать вас своими глупыми вопросами и пойду домой... Только пообещайте прийти ко мне в понедельник и рассказать о том, как продвигается дело. Я места себе не нахожу, и вы это наверняка заметили: Адель... Она... Она была очень дорога мне.

— Хорошо. Обязательно зайду.

Мы пожали друг другу руки и расстались. Я уже усиленно думал, как избавиться от хвоста и стоит ли мне сейчас побежать на людную улицу, как в темноте раздался звонкий голос:

— Лойд, мой адрес — улица генерала Стефана 18. Квартира на седьмом этаже!

Я так испугался, что чуть не наделал в штаны. Пришлось приложить немало усилий, чтобы не оскорбить виконта и ответить ему, как подобает дворянину.

— Конечно! Я запомню!

Когда аристократ наконец скрылся, я сразу же достал блокнот и вписал упомянутый адрес рядом с местом жительства пропавшей служанки.

— Всё идёт кругом.

Стараясь не упускать из виду многочисленных преследователей, я побрёл... куда глаза глядят, надеясь поскорей увидеть хоть какое-нибудь лицо. Я даже не знал своего адреса, так что и домой вернуться не мог.

«Мальчишка не знал, что я отправлюсь в Серебряную ложку. Не мог этого знать. Догадался? Что ж, этот вариант нельзя исключать. Но зачем ему было искать меня? Убить из духовой трубки?»

Я притронулся к шее: место, куда попал дротик, всё ещё болело.

«Многие мастера ядов могут определить, чем в человека стреляли, если возьмут у него кровь и исследуют рану. Стоит ли мне тратить время и узнавать, каким ядом Симон меня уложил... Ведь главным вопросом остаётся то, зачем уложили его. Хм. Пока я вижу только один мотив: Симон бежал с письмом девушки и хотел признаться мне в содеянном, но его хозяин, мастер по части ядов, раскусил его и убил от греха подальше. Этот-то и хозяин будет являться похитителем Адель... Но кто же он?»

Послышался гнусный смех. Я с испугом прильнул к стене и осмотрел улицу. Вдалеке горели огни Серебряной ложки. Дорога, по которой я недавно шёл, была абсолютно пуста и не приютила ни одного наркомана или алкоголика.

«Мне начинает мерещиться всякая чушь. Так и до нервного срыва недалеко...»

Послышался писк, а затем развесёлый мужской смех. Даже серия смешков: похоже, этих хохотунов на улице было в изрядном количестве. Я постарался не обращать на них внимания и направился к единственному месту, которое помнил: к Серебряной ложке. Но, к сожалению, ненужное любопытство всё же взяло надо мной верх и я, не доходя до клуба всего пары метров, свернул в один из проулков.

Увиденная мной картина была не раз запечатлена извращёнными художниками: девушка и голодная стая мужчин. Красотку прижали к стене и, не давая вырваться, методично раздевали. Героев было четверо, и каждый из них был вдвое крупнее девушки.

— Отпустите! Вы не знаете, с кем связались!

«Знакомый голос»

— Не ломайся, куколка, тебе тоже приятно будет... Ай, сука! — послышался тупой удар. Девушка вскрикнула и повалилась на землю. — За палец укусила! Держите ей голову, вломлю разок для порядка.

Девушка закричала. Тогда-то я и узнал её: это была та самая короткостриженная грубиянка, разносящая в Спелых яблочках подносы. Теперь она была не такой смелой.

— Эй, тебе чего?

Я и не заметил, как любопытство вывело меня на свет фонаря. Четвёрка смотрела в мою сторону с обиженным выражением: я отвлекал их от дел.

— Хули вылупился, тебя тоже отодрать? Выглядишь, как баба. Хоть бы подстригся!

«Морячки. Короткая стрижка, раскачка, у кого-то размытые татуировки. Классика. Люблю, когда хоть что-то в мире остаётся прежним»

— Задрал, иди нахер отсюда!

«Ладно уж: какой бы плохой женщина не была, а насилие над слабыми — грех...»

Я направился к ребятам. Девушка с удивлением на меня посмотрела: похоже, она вовсе не верила в мои бойцовские навыки.

— Гляди, Джесси, какой крутой! Небось, дворянчик? Не бьём в пах, дерёмся на рапирах и всё тако...

Полетели зубы.

Чем хуже у девушки дела, тем лучше она должна выглядеть.

Коко Шанель

И всё же, драка с квартетом моряков — не самое удачное из моих решений. Скажу больше, — этот благородный порыв можно было бы и вовсе назвать самым неудачным из принятых мной решений, потому как отъявленная группировка пьяных и возбуждённых мужчин всыпала мне по первое число... И нет, это не то, о чём все подумали: я не герой первой полосы и не участник странных гомосексуальных анекдотов...

А начиналось всё, как обычно бывает, довольно-таки неплохо: первым ударом я сразу же обезвредил одного из соперников и записал своё имя в турнирную таблицу. Но победа, как водится, была крайне недолгой, и не успел я и станцевать Джигу, как был вынужден пойти на попятную: на меня надели двое пьянчуг. Один из них, щербатый, засадил мне в скулу и повалил на землю, а второй, недолго думая, пнул по лицу и отправил в замечательный полёт фантазии на свободную тему.

Встать у меня не вышло: один из морячков культурно свернул мне руки, а другой, со спущенными до колен штанами, начал бить по животу. Так как мышц прошлый владелец тела явно не качал, уже на третьей секунде я был готов выплюнуть рёбра.

В это славное время четвёртый моряк готовился заделать девушке ребёнка, и хоть сама виновница торжества и отчаянно вырывалась, но это не сильно ему, залитому водкой по самые гланды, мешало.

— Урод, теперь скидываться Гансу на золотые зубы! — щербатый драчун пнул меня в пах и, мало сукину сыну, огрел по затылку. — Запомни, гнилая маслина: Джесси Тикерс свернёт тебя в морской узел!

Я повис на руках врага, как мешок с картошкой. Обычно такая позиция свидетельствовала о полном смирении со своей участью и готовности сделаться инвалидом без селезёнки. Моряк, державший меня, тоже это знал, поэтому позволил себе немного расслабиться и держал меня не так крепко, как мог...

Перед очередным ударом мистера Тикерса я резко напряг ноги и оттолкнулся от земли, и хоть и руки мне вывернуло, как преступнику на дыбе, мне всё же удалось упасть вместе с наивным моряком за моей спиной на брусчатку. Тело бедняги смягчило моё падение.

— Собака! — Джесси скинул меня с тела своего друга и принялся ожесточённо мутузить. Иногда я отвечал ему жалкими тычками в бочину.

— И где такой выискался упёртый! — хохотнул дальний моряк, вжимавший дамочку в землю, но вдруг, заметив, что его друзья валяются без сознания, — один с разбитым затыком, а другой без зубов, — он как-то подувял и решил помочь Джесси расправиться со мной.

Поняв, что, в общем-то, надо скорее подниматься с земли, я согнул руку в локте и, когда Тикерс поднял свой кулачище для очередного удара, вмазал ему этим же локтем в колено. Моряк взвыл. Я боднул его в пах и скинул к товарищу с разбитой головой. Потом встал. Не удовлетворившись результатом, пнул Джесси по голове.

— Ублюдок! — последний из державшихся на ногах моряк едва не раскроил мне череп — в его руках блестела металлическая дубинка. Она пролетела над моей головой, как обнажённая ведьма в полнолуние, и весёлый ветер, возникший от взмаха этой волшебной

палочки, немного пошевелил волосы на моём затылке и, должно быть, превратил часть из них в седые.

Я понимал, что не выдержу долгой потасовки: низ живота после удара в пах жутко болел, рёбра саднило, дыхание давно спёрло. Я даже не мог убежать, как это сделала предприимчивая девушка — заметив, что все её проблемы дружно лежат в рядок на земле, она дала дёру в ближайший проулочек и, вероятно, навсегда забыла об одном горе-герое из летней ночи.

— Когда я раскрою тебе голову, то засуну эту дубинку прямо тебе в зад и так её проверчу, что у тебя заворот кишок случится, дворяшка грёбаный!

Я припал к стене и опустил руки. Негодяй посчитал это за смирение с приготовленной участью и бросился на меня, как раздражённая светом псына... Нащупав в кладке старого дома выступающий камешек, я вырвал его из стены и, пригнувшись за секунду до столкновения дубинки с домом, вмазал сопернику булыжником по голове. Тупой стук, и мой враг валяется с раскроенной головой.

— Это тебе за мои страдания... — силы меня окончательно покинули, и я упал рядом с поверженным моряком, харкая кровью.

«Чтобы я ещё хоть раз спас женщину — нет уж, увольте...»

Где-то в десятке метров от меня мелькнула тень. Она возникла благодаря фонарному столбу, на той улице, откуда я неблагополучно вышел пару минут назад. Я пригляделся к таинственной фигуре и понял, что уже где-то видел подобный силуэт — он очень походил на человека из моего сна: того странного субъекта, что разбил мне затылок из-за упрямства Лойда.

«Помнится, тот хитрый парень не очень-то и умел драться, но сейчас, после того, как меня превратили в кусок материи, это и не столь важно: мне с ним никак не совладать. Надо быстрее уходить...»

Я попытался встать, но от резкого движения у меня закружилась голова и подкосились ноги. Я упал. Между тем, некоторые из моряков уже начали двигаться, и я не без оснований начал подумывать о том, кто же убьёт меня первым — остроухий тип или обиженные насильники.

Тень приближалась, медленно сокращая расстояние. Возможно, её хозяин хотел обставить нападение как можно более аккуратно — без криков и прочей ругани. Но я и не хотел привлекать внимание местных: если попробую пискнуть, затаившийся враг моментально раскроет себя и затем вскроет мне горло...

Послышался быстрый топот маленьких ножек. Это вовсе не походило на моего убийцу: тот, если мне не изменяет память, был крупным и не мог издавать таких звуков.

— А ну разошлись, я буду стрелять! — женская фигура вылетела из проулочка, как приведение, и зарядила маленький дамский арбалет. — Ой...

Заметив, что опасности по близости нет, девушка вынула стрелку и начала кого-то выискивать. По всей видимости, отыскав желаемое, она обрадовано вскрикнула и начала бежать в мою сторону, постукивая каблучками.

Тень скрылась, и я больше её не видел. Это меня радовало, но в то же время и крайне печалило: моё избавление от иноземных страданий оттянулось на неопределённый срок.

Девушка из Спелых яблочек подошла к моей персоне. Первые слова, сказанный ей в мой адрес, были, конечно же, оскорбительного содержания.

— Никогда бы не подумала, что такая ветка может навалить морякам! — она ехидно

хмыкнула и окинула меня оценивающим взглядом. — Кажется, кого-то тут знатно отлупили...

— Кажется, кого-то тут чуть не изнасиловали.

— Твоя правда. Я привлекаю мужчин, как мотыльков огонёк, — красавица улыбнулась.

«Уж очень быстро она отошла от нападения. Это наводит на мысль о её большом опыте в такого рода делах или, по крайней мере, об изрядной доле пофигизма»

— Впервые вижу девушку, которая не плачется после того, как её чуть не обесчестила группа пьянчуг.

— Судя по твоему виду, ты вообще редко видишь девушек. — удачно сострила дама, показав мне язычок. Затем она посмотрела куда-то в сторону. Это меня заинтересовало, и я попытался привстать, чтобы узнать, на что же девушка так живо реагирует, но силы меня резко покинули — я повалился на стену и чуть не испустил дух.

— Слушай, — дама попыталась накрутить свои короткие волосы, но вышло что-то невразумительное, поэтому, бросив эту затею, она принялась поправлять свою «шапочку». — Я, конечно, тебе очень благодарна и всё такое, но денег, чтобы с тобой расплатится, у меня на данный момент нет. И нет, сексом не отдаю.

— Я же ничего такого и не сказал...

— Но ты наверняка об этом подумал.

Я насупился. Девушка не приняла это оскорблённое выражение во внимание и весело продолжила:

— Так что, мой дорогой спаситель, прощай. Можешь заходить в яблочки и любоваться мной время от времени, только по заднице не хлопай.

Дамочка вознамерилась уйти. Чтобы последнее слово осталось за мной, я брякнул ей вдогонку:

— Спасибо за оказанную честь! Наверное, немногим посетителям удаётся посмотреть на разносчицу пива — они все слепые.

Глаза негодницы сверкнули в темноте.

— Какой острослов. А когда тебе обещали засунуть в зад дубинку, ты был не таким весёлым. Что же это, лицемерная маска для доверчивых женщин?

Я немного оторопел. Не от самого вопроса, а от деталей, которыми обладала невоспитанная собеседница.

— Ты слышала адресованные мне угрозы? Всё время была неподалёку?

Дамочка хмыкнула.

— А ты не дурак. Из тебя бы вышел хороший детектив.

— Неужели. — теперь была моя очередь смеяться. Правда, я её пропустил из-за боли в рёбрах.

Тем временем моряки уже очнулись и пытались перебирать ногами: я слышал их ругательства. Нам стоило поторопиться.

— Если ты всё слышала и затем так быстро прибежала со своим смешным оружием, — я кивнул на арбалет, который девушка стальной хваткой держала в руке. — То это значит, что ты живёшь неподалёку. Я прав?

— Хватит с меня вопросов, мистер псевдо-детектив: в каждой женщине должна быть загадка.

На этом мы расстались... Ну, как расстались: девушка ушла, не попрощавшись, и я не смог её догнать по причине дикой боли в избитом теле.

Лишь спустя пару минут горестных стенаний мне удалось подняться с земли и отойти в сторонку. И вовремя: моряки окончательно пришли в себя и потащились на поиски четвёртого товарища, приснувшего всего в паре шагов от их недавнего месторасположения.

— Надо найти этого урода и выпустить ему кишки. — говорил Джесси. Я не мог его увидеть, потому что спрятался за бочкой, но точно знал, что это был он.

— На кой хер нам этот юнец? Надо нести Ганса в больницу. У него голова, как моя жопа. — культурно возразил один из моряков, и его собратья, приняв мнение товарища во внимание, направились на выход. Их тени на мгновение закрыли моё укрытие, отчего я знатно так задрожал, но насильники, слава богу, меня не заметили. Вскоре их квартет растворился на улицах блудного города.

— Ох, — когда плавающий шаг моряков стал заглушать писк крыс, я опёрся на колени и тяжело встал.

«Не стоит выходить на широкую улицу: меня наверняка выслеживают всякие подозрительные личности...»

Я решил заночевать под порогом какого-нибудь дома и утром, с застуженными почками, с помощью расспросов найти особняк де Вилларе. Правда, я не без оснований предполагал, что меня могут больше не пустить в этот район напыщенных богачей, но всё это — завтра, где-то далеко-далеко, и меня ни капли не касалось. Я без зазрений совести пробрался через пару закоулков и нашёл неплохую ямку, в которой почти не было мышей.

— Как низко ты пал, Ричард. Ещё вчера спал на пуховых подушках в огромном доме, а уже сегодня — под косым зданием, в любой момент готовым обвалиться и придавить тебя, как жука. Впрочем, это было бы прекрасным решением всех твоих проблем...

Вдоволь пожаловавшись самому себе, я вознамерился придаться сну. Только вот, на моём пути возникло одно непредвиденное обстоятельство — сосед по яме. Это был бесформенный мешок под клетчатый пледом, дрожащий от холода. Судя по малочисленным движениям, он спал.

— Эй, это моя яма. Ищи себя другую. — я пнул нищего по хребту. Тот проснулся и, поняв, что его планируют выселить... заплакал.

— Ну что это такое! Уже второй раз за ночь! — незнакомец приспустил плед, и тогда я смог рассмотреть его подведённые тушью глаза.

— Чего...

— Опять ты! — нищий скомкал плед и попытался меня пнуть.

— погоди, ты... ну, это ты?

«Ричард, идиот!»

— Ну да, я! — злобно воскликнула девушка и затем потянулась к лежащему рядом мешку.

Я резко вспомнил об арбалете.

— Стой! — я оттянул шипящую от ярости особу и забрал сумку. Она была такой тяжёлой, что я её еле поднял.

— Отдай! Это моё! — официантка бросилась на меня с кулаками.

Это был неравный бой: побитый и уставший, я всё равно превосходил тонкокостную девицу на голову. Мне не составило труда отбить мешок у этой дурочки и опрокинуть её на землю.

Поняв, что сумки ей не отдадут, жительница трущоб заревела, как белуга.

— И не стыдно тебе лишать меня еды и воды, потому что у самого нет ничего за душой!

Если ты не отдашь мне этот мешок, то я погибну, клянусь богом! У меня больше ничего нет...

— Если я его отдам, тогда ты достанешь арбалет и пристрелишь меня.

— Разуй глаза, придурок. — девушка похлопала по земле. Я опустил взор и увидел, что около неё лежит арбалет и пачка болтов.

— Упс. Неудобно вышло. — я покраснел и вернул мешок на место. Бедняга обняла его, как настоящее сокровище, и не выпускала, пока я не отдалился от неё на достаточное расстояние.

После того, как я сел в другую яму, девушка раскрыла мешок и достала оттуда галету. Она принялась жевать её, как заяц. Заметив, что за ней наблюдают, официантка рывкнула:

— И что ты так на меня пялишься? — дамочка скрестила ноги и нахохлилась. — Наверняка думаешь, какая же эта официантка уродка? Грязная, вонючая, валяется под порогом какой-то лачуги и жрёт чёрствый хлеб, поеденный крысами. Я права?

— Нет. — немного удивлённо возразил я. — Ни о чём таком я не думаю.

— Ага, ври больше. — не поверила мне официантка. — Все вы, мужчины, любите лишь картинку, а стоит вам увидеть что-то, что не вписывается в ваши скудные представления о мире, и вы хотите обругать это и выставить ненормальным.

— Спать в яме рядом с грызунами, по-твоему, это нормальное времяпровождение?

— Как смешно. Между прочим, ты сам сидишь в похожей яме, только ещё и без еды. Что ответишь на это?

— У меня есть, где переночевать, да и деньги водятся... Просто я заблудился.

— Угу, угу. — нищая явно думала, что я враль, и хотела поймать меня на лжи. — И где находится твой дом?

— Около золотого утёнка. — прозвучал уверенный ответ. — Или в самом золотом утёнке, я пока ещё в этом не разобрался...

— Ври больше.

— Я не вру! — ответил я как-то уж совсем по-детски. — Это чистая правда.

— Что ж, мистер правдоруб, — дамочка нелегко поднялась и указала куда-то в сторону. — Через две улицы твой Золотой утёнок. Просто выйди через тот закоулок, пройди прямо, пока не упрёшься в лавочку булочника, и сверни налево. Думаю, вывеску с утёнком ты не проморгаешь?

Я не знал, что ответить, поэтому благодарно кивнул. Радости моей не было предела: я нашёл дом и теперь не был обречён спать на улице, как какой-то проходимец. Девушка заметила мои неподдельные эмоции и немного удивилась.

— Что, и правда там живёшь?

— Ага! Ты моё спасение! — я встал и радостно застремился на выход. Дама накрылась пледом и, спрятав под него даже пятки, вздохнула. А я и не замечал её огорчения: так меня обнадёжил предполагаемый адрес лачуги де Салеса.

Только у самого прохода между домами меня что-то вдруг остановило. Наверное, все люди кроме дознавателей называют это поганое чувство совестью.

— Эй!

— Да-да? — дама вынула голову из-под одеяла. Я не видел выражения её лица, но был готов поклясться, что на нём должна была мелькнуть неуловимая тень надежды.

— Не поделишься галетой? Есть хочу.

Девушка была на грани нервного срыва. От сковавшей её обиды она чуть не упала в

обморок.

— Конечно. Ты ведь, наверно, проголодался после драки. — официантка полезла в мешок, чтобы дать мне ненужную галету. Её руки тряслись от злости.

«Бывают моменты, когда мне так стыдно за свой юмор, что хочется провалиться под землю. Сейчас один из таких случаев»

Я подошёл к даме, схрумкал невкусный чёрствый хлеб, впрочем, показавшийся мне с голодухи манной небесной, и, не отходя от кассы, молвил:

— Ты, конечно, знатная хамка, но...

— Обещаю, буду убираться каждый день и заваривать чай! — воскликнула девушка и затем резко поднялась с земли. — А если ты не любишь, когда тебя рано будят, буду уходить на работу тихо, как мышь!

«А она не промах!»

— Что ж, ты всё сказала за меня... Идём, что ли?

Официантка накинула одеяло, словно плащ, и, подобрав мешок, пошла вперёд. Я поплёлся за ней, хромая на правую ногу. Кстати, так уж вышло, что этой же самой ногой я пинал мистера Тикерса. Какое совпадение...

— От шпиона до преступника... Интересный путь.

— На самом деле, это одно и то же. Работа с информаторами, переговоры, подкупы...

Иногда заказные убийства. Старые трюки.

— Да... Но когда-то ты делал все это во имя идеи. А сейчас?

— А сейчас я решил, что хватит служить идеологии. Пора работать на себя. И пока что у меня неплохо получается.

Ведьмак 3: Дикая охота. Разговор Геральта из Ривии с Сиги Ройвеном.

Ничем не примечательные улицы обычно становятся весьма примечательными из-за людей, которые по этим улицам ходят. В нашем случае переулочек обрёл статус примечательного просто — благодаря живому существу, потому как и человеком данного индивида не назовёшь: у него острые уши, странная форма черепной коробки, да и вообще — он самый бесчеловечный тип на земле.

Этого парня звали Эйвариллиан, и нет — не в честь клуба на имперском проспекте: эльфу дали такое имя, потому что «Эйвариллиан» — популярное в его народе слово, равнозначное человеческому «прекрасный». Но не смейте называть его так или, чего лучше: упоминать о сходстве его имени с названием известного клуба, потому как эльф очень болезненно реагирует на шутки такого рода и любого, кто посмеет открыть рот, не менее болезненно пинает...

Пожалуй, это существо и вовсе нельзя было назвать прекрасным, и для многих жителей Гарновера остаётся загадкой, почему же родители придумали ему такое неподходящее имя. Для своих полуэльф был уродом, для людей — смазливый отбросом с пугающим шрамом около левого уха, и нигде ему не было места, для всех он был чужим и казался отталкивающим.

Думаю, после этой информации многие согласятся, что парню с такой историей как никому другому подходит ремесло убийцы. Эйвариллиан был коллектором, охранником, скупщиком краденого, поставщиком наркотиков и даже наездником, но так нигде и не прижился — его самой главной ролью оставались убийства на заказ. Эльф никогда не совершал ошибок, игрался с жертвой, как неумелый толстый кот, и порой переходил грань дозволенного. У него не было друзей. Но была репутация...

К сожалению, ключевым словом здесь является «была» — сегодня мир лицезрел первый провал известного гангстера: его жертву нехотели обнаружить заказчик, вознамерившийся предложить одной родовитой дамочке свои услуги. Каково же было удивление этого известного детектива, когда он обнаружил, что мёртвый человек, за которого он честь по чести заплатил, не только повторно украл его дело, что само по себе — низость, но и, — что вдвойне обидно, — имел наглость задержаться в доме заказчицы до самого вечера.

Естественно, детектив не оставил данное оскорбление без ответа и потребовал от врунишки-эльфа компенсацию. Эйвариллиан не поверил ушлому сыщику и решил во всём убедиться сам: прямо сейчас он наблюдал, как бывший труп дрался с четвёркой моряков, и, что удивительно — весьма успешно.

«Это не он... Нет, точно не он. Лойд де Салес никогда не вступал в драку, если была возможность сбежать, никогда не заступался за глупых людских шлюх и, конечно же, никогда не выигрывал... Но, дрянь, как же похож!»

Спустя пару минут жертва наёмного убийцы вырубил последнего противника и свалилась без чувств. Лицо победителя осветил фонарь, и, к прискорбию своему, эльф узнал эту рожу — это была морда де Салеса, на данный момент — самого разыскиваемого парня на районе. Только вот эльф, плохо разбирающийся в шпионаже, этого не знал. «Прекрасный» думал о чём угодно, но только не о подозрительном окружении.

«Я проломил ему голову молотком. Его кровь растеклась на полкомнаты и пропитала половицы, как сливочный крем маковые коржи. Я не прощупал у него пульс, но ведь и идиоту понятно, что тот, кому разбили голову — стопроцентно мёртв... Имперская курва, почему же он всё-таки выжил? Неужто и вправду маг?»

Эльф решил подойти поближе и снять «птичку» с помощью арбалета...

«От греха подальше. Неизвестно, что этот уличный боец может учудить, если увидит меня на расстоянии кулака...»

Наёмник подобрался к жертве и, прильнув к стене, принялся тихо доставать арбалет из-за спины. Де Салес не двигался — застыл, как восковая статуя... Или как человек, готовый умереть.

«Не убежишь, шельмец. Думал, спрячешься от старины Эйви? Как бы не так, ублюдок, ты ответишь за оскорбление, нанесённое моему клиенту...»

Но тут произошло одно из тех неожиданных событий, что случаются как бы по воле случая, но при этом навсегда меняют жизнь вовлечённых в него людей: в переулке появилась девушка. Тоже с арбалетом. Маленьким таким, даже не похожим на орудие убийства. Увидев такую анекдотичную картину, эльф усмехнулся и, спрятав свой арбалет, попятился.

«Убийство людских женщин сегодня не входит в мои планы. Сниму этого гада ночью, как только он вернётся домой и...»

Додумать эльфу не дали: остроухий упёрся в чью-то грудную клетку.

— Что за...

Эйвариллиан резко развернулся и тут же получил по голове. Несчастный свалился и был придавлен тяжёлым сапогом. К нему наклонился детина с опухшей челюстью и фингалом под глазом.

— Меня зовут Красный Гарри. — представился незнакомец, улыбаясь сквозь боль. — А тебя как, любезный?

— Я ведь твой отец, ты должен знать моё имя. — «прекрасный» набрал побольше слюны и харкнул на сапог красного Гарри. — Я трахал...

— Дорогой, прибавь ему перца. — с вздохом попросил коллегу красный Гарри, и крепыш в жёлтой рубахе немедленно достал ресторанный перчницу.

В глаза эльфа посыпался чёрный порошок. Бедняга взвыл.

— А теперь, мистер эльф, извольте отвечать на вопросы. Как вас зовут?

— Эйвариллиан, скотина! Я Эйвариллиан! — заголосил эльф, истекая слезами и попутно пытаясь вспомнить, кому же он умудрился так задолжать, что по его душу вызвали двух мордovorотов.

— Эйвариллиан... Как клуб? — поинтересовался мужчина в жёлтой рубашке, придерживающий жертву на земле, за что моментально поплатился: его ткнули кулаком под колено, и он прогнулся, как лист металла. — Ах, ты ублюдок! Сын шлюхи!

Жёлтый Гарри, чьё имя, конечно же, выдуманно для пушного веселья, схватил Эйви за шкуру и впечатал в стену. Красный Гарри помог коллеге и для приличия отпинал эльфа до

полусмерти. Стоны мигранта с минуту раздавались над пустой улицей. Драки были там частым событием, поэтому местные никогда не бегали за стражей. Да и сами стражники, обычно, в эти места не заходили.

Когда эльф достиг средней прожарки и не мог пошевелить конечностями, его приставили к стенке и, заодно приставив к горлу нож, стали допрашивать снова:

— Зачем ты следишь за Лойдом де Салесом?

— А вы? — в свою очередь спросил эльф, за что незамедлительно получил пару пощёчин.

— Вопросы здесь задаю я. Зачем тебе де Салес?

— У меня на него заказ.

Вышибалы переглянулись.

— Заказ, говоришь? — один из Гарри почесал заросший подбородок. — И кто тебе его заказал?.. А, погоди, это ведь профессиональная этика. А мы, как ни крути, профессионалы.

Другой Гарри кивнул, соглашаясь со словами товарища.

— Видишь ли, — продолжил дознаватель, убрав нож от горла убийцы. — Нам тоже нужен Лойд де Салес. Живым. Мы хотим сбросить ублюдка с часовой башни на имперской площади.

Эльф понятливо закивал.

«Похоже, ты перешёл дорогу не тому человеку, Лойд. Если тебя хотят сбросить с башни, значит, ты точно сделал что-то в свой никчёмной жизни не так...»

— Поэтому, дорогой мистер Эйвариллиан, мы просим оказать нам услугу и не убивать этот мешок с дерьмом. Обещаю, завтра утром он уже отправится к праотцам на потеху публике.

— Не имею причин вам мешать. — быстро ответил эльф, обрадованный таким скорым и положительным разрешением дела. А боль в рёбрах и разбитая голова — мелочи, по сравнению с тем, что обычно делали с эльфами.

— Как замечательно! А, Гербан?..

Наконец-то у нас появилось имя второго вышибалы.

— Ага. — Гербан помог эльфу встать и, отдав ему стилет, спровадил его дальше по улице.

Эйвариллиан поднялся на крыши и направился к дому Лойда: проверить, сдержат ли вышибалы обещание.

«Второй раз я не оплошаю. Если эти уроды не справятся с де Салесом — его убью я...»

* * *

Двое дуболомов перекрыли выход из проулка.

— А знатно ты отделал того эльфёнка, а, Гарри? Небось, все яйца ему отбил. Вот он неудачник, скажи? Избили, когда он шпионил. Хуже и быть не может...

— Угу. Теперь надо думать, как мы поймем этого урода. Проникнем в его квартиру?

— Ну да. А что тебя смущает? Старик Джимм больше не авторитет на районе. Скоро его место займёт Черри висельник, и даже «зубастый» Гастон дедуле никак не поможет.

— Ты прав. Сейчас затянем пояса и...

— Молодые люди, можно вас? — из темноты неожиданно возник маленький человечек

в сером костюме. Он был примечателен тем, что у него отсутствовал один глаз.

— Ну да... Чего надо? — красный Гарри посмотрел на подошедшего. Тот не доставал ему и до плеча.

— Вы следите за Лойдом де Салесом? — без обиняков спросил одноглазый, внимательно уставившись на красного Гарри. Тот отчего-то вспотел.

— А тебе какое до этого дело? — спросил вышибала спустя некоторое количество секунд, изрядно запоздав с ответом.

— Мой хозяин приказал мне вести за этим человеком слежку и защищать его в случае необходимости до тех пор, пока он не раскроет дело и не найдёт Адель де Вилларе. Поэтому и спрашиваю.

Громилы поняли друг друга без слов: стоило им один раз переглянуться, как они уже поняли, что маленькому одноглазому дураку настал каюк.

— Мы вас слышали, мистер. — с усмешкой сказал Красный Гарри и потянулся за ножом. Гербан хмыкнул и приготовился к рывку.

Мальш в сером костюме благодарно кивнул и с улыбкой произнёс:

— Господа, у меня пара тузов. У вас есть что-то повыше?

— А? — Красный Гарри нахмурился, а затем в его грудь со свистом врезался маленький кулак.

Вышибала согнулся пополам и пролетел до самого края проулка. Там он встретился с четвёркой моряков, еле ковыляющих по улице.

— Джесси, смотри: карлик с гигантом борется! — избитый морячок кивнул в сторону Гербана, сражающегося с одноглазым. — Эй, мистер? Кто кого?

Красный Гарри разул глаза и, заревев, как раненый бык, бросился обратно в проулок. Моряки в страхе отпрянули. Один из них, выразительно державшийся за голову, брякнул, прежде чем уйти:

— Джесси Тикерс одобряет!

Тем временем маленький ловкач раскатал Гербана под орех. Гигант ничего не смог противопоставить убойной силе противника и был позорно нокаутирован. Его коллега подоспел слишком поздно.

— Стой, гомик! Придушу!

Красный Гарри накинулся на малыша и принялся обхаживать его зверскими ударами, но ни один из них, каким бы сильным ни был, так и не достиг цели: одноглазый увернулся ото всех и, как только ему надоело пригибаться, свернул сопернику челюсть ударом пятки с разворота. Гарри упал и больше не вставал.

Хозяин серого костюма спешно покинул место драки, оставив громил пожинать плоды собственного бессилия. Прошло с минут десять, прежде чем приёмные дети судьбы попытались встать и обдумать произошедшее.

— Гарри?..

— Ничего не говори. Молчи. Просто молчи.

* * *

Дом, милый дом... Хотел бы я так сказать, но это было бы сущей неправдой: я находился в комнате Лойда Де Салеса, странного парня со странными занятиями. В ней не

было денег, в этой комнате, не было кровати и даже еды. Словом, ничего не было. Даже вода в ванной лилась с тонким намёком на ржавчину. Скажете, так никто не выражается?.. А я вот, с некоторых пор, выражаюсь.

Но моей гостье, на удивление, и это скудное убранство показалось вершиной домовых богатств: как только мы вошли в квартиру и девушка заметила ванну, она завизжала, как будто увидела золотую статую. Затем нищенка ворвалась в уборную и не выходила оттуда целый час, должно быть, и вовсе не думая о том, что туалет в квартире один и кое-кто хочет пописать.

Впрочем, я её за это почти не винил: живи и я на улице, ванная комната была бы оккупирована мной не меньше чем на полдня. Дама же справилась относительно быстро: как уже упоминалось, не прошло и часа, как она вышла, обмотав голову полотенцем. На ней была смешная пижама с котиками, взятая, по всей видимости, из мешка, с которым она ни на секунду не расставалась.

— Ну наконец-то! — я взял низкий старт и буквально влетел в унитаз.

Я не закрыл двери, даже не думал об этом, и гостья не преминула меня за это укорить:

— Если ты думаешь, что женщинам нравится вытаскивающий прибор мужлан, то ты глубоко заблуждаешься: это выглядит как минимум глупо, а как максимум — неловко.

— Я ни о чём не думаю, нищенка в шёлковой пижаме. Мне просто хочется опорожниться, и я это делаю. И мне не стыдно. Человек отучивается стесняться, если его запирают голым в тюремной камере.

«Ох, и зря я это сказал...»

— И за что же тебя взяли? Побил очередных моряков? — с издёвкой спросила официантка, развалившись на грязном тонком матрасе. Для вида она накрыла его простынкой.

— Это была часть обучения. — раздался мой голос из ванной комнаты. — Мой преподаватель был тем ещё уродом. Считал, что дозна... детектив должен прочувствовать мучения преступника на своей шкуре.

— Интересный учитель. — дамочка хмыкнула. — И где он сейчас? Можно взять у него урок?

— Он умер. Если хочешь походить где-нибудь голой, то можешь воспользоваться случаем и прогуляться здесь.

Я вышел из ванной комнаты. Вид моей гостьи, лежащей на полу в непонятной позе, был весьма соблазнителен, хотя больше — смешон: на голове дамы было повязано полотенце, и явно не Лойда — розовое, и очень большое. Пожалуй, девушке хватило бы и половины этого полотенца, чтобы высушить голову, но я не стал этого говорить: вдруг, ещё обидится. Слабый бол весьма щепетилен по части внешности, в частности, длины волос.

Я присел рядом и растянулся на жалком ложе. Все тело изнывало от боли.

— Признаюсь, когда ты упомянул о золотом утёнке, я ожидала увидеть здесь кровать... и кресло, в котором хозяин дома мог бы удобно расположиться. — дама подтолкнула меня к стенке с помощью выдающейся пятой точки. Похоже, ей было тесно.

— И почему это именно хозяин дома должен спать в кресле? — с претензией спросил я, потирая ушибленное место.

— Как джентльмен, мужчина уступает гостье самое лучшее спальное место в доме.

— Как прогрессивный джентльмен, я считаю, что гостям надо бы вести себя поскромнее.

Девушка несогласно фыркнула. Я понадеялся, что разговор можно посчитать оконченным, и закрыл глаза, но не тут-то было:

— К слову, этот разговор был тонким намёком на то, что ты должен спать в ванной.

Я отвернулся.

— Эй, негодяй! — дамочка принялась шутливо тыкать в меня пальцем. — А ну вставай. Надо обработать твою голову. Неизвестно, какая зараза может проникнуть в неё и свалить тебя с ног.

— Я не боюсь смерти. Скажу больше: я жажду её.

— Но-но, не надо тут! — прилипала развернула меня, чтобы я мог видеть её лицо, и произнесла, выговаривая каждую букву: — Запомни: если что-то не нравится в жизни, то переделай, а не ной, какая судьба злодейка.

— Из уст приживающейся на улице особы это звучит несколько лицемерно.

— Конечно, всё в это упирается. Теперь я не могу раздавать советов, ведь я — нищая, ни в чём не смыслящая идиотка. Ты это хотел сказать?

— В общих чертах.

Я ожидал, что после этих слов в мой адрес посыплется поток самых желчных оскорблений на свете, но дама, к моему удивлению, лишь звонко рассмеялась.

— Значит, мистер детектив раскусил мою стратегию и теперь не пытается разуверить собеседника и доказать, что он этого, дескать, не говорил. Хитёр бобёр... А теперь вставай!

Дама поднялась и насильно потащила меня в ванную. Не найдя там ни одного полезного инструмента, она подошла к мешку и достала оттуда бутылочку спирта и вату. С этим-то добром садистка и зажала меня в угол, где принялась насильно обтирать. Было больно. Смертельно больно. Но я стойко держался, стараясь не издавать звуков и уж тем более не плакать.

— Главное, не пусти слезу, иначе я подумаю, что ты мямля и импотент, и убегу от тебя, чтобы замёрзнуть на улице... Примерно такая у женщин логика.

«И где обычная официантка раздобыла такую любопытную постиронию?»

— Хорошо, не буду. Но слюни-то пускать можно?

— Не возбраняется. — по-военному ответила дамочка и закрыла крышечку от бутылки со спиртом. — Что ж, теперь мы можем поспать. Так и быть, даю тебе улечься на матрасе: я только что прощупала ванную и поняла, что ты замёрзнешь в этом чугунном тазике.

— Уж спасибо.

С чистой совестью и обеззараженными ранами, я вновь улёгся на матрас, в этот раз твёрдо планируя уснуть. И пока у меня получалось: накрывшись одеялом с головы до ног, дамочка умолкла.

«Проснувшись, я первым делом заскочу к служанке. Затем — к де Вилларе. А уж потом... Потом... Ох... Как же хорошо. Лежать, зная, что завтра тебя ждёт ужасно долгий и непонятный день, во время которого твоя голова будет звенеть, как свадебные колокола. Просто замечательно...»

Одеяло дёрнулось. Послышался тихий писк. Сначала я подумал, что гостья чихнула, и стал размышлять, стоит ли говорить «будь здорова» во время сна, но потом писк повторился, и я понял — дама почему-то смеётся.

— Я только что поняла, что даже не спросила твоего имени. Глупо. Имя спасителя ведь надо спрашивать всем порядочным попрошайкам.

— Ри... твою мать.

— Что? — дамочка повернулась. Мы почти соприкасались носами. Кто-то бы назвал это романтикой, но только не я: на провонявшем потом матрасе лежали два убитых работой и насильниками тела... Не то чтобы нас изнасиловали, но всё равно — даже столкновение с такими личностями изматывает.

— Лойд. Лойд де Салес.

— Ух ты! — официантка встrepенулась. — Я читала о тебе в газетах. Ты расследуешь пропажу той знатной шлюшки, Адель де Вилларе.

— И почему сразу шлюшки? Неужели женщинам везде надо проявлять мизогинию?

— Какой вы умный, мистер детектив. Используете научные термины... К вашему сведению, Лойд де Салес, это никакая не мизогиния. Просто Адель, по слухам, действительно была той ещё стервой.

— Не соглашусь.

Дама странно на меня посмотрела. Так, будто открыла во мне что-то новое.

— И почему же ты не согласен?

— Мне хочется спать.

Я попытался отвернуться, но девушка схватила меня за бок, чтобы удержать. Похоже, ей долгое время не хватало собеседников.

— Ответь, и я отстану... Честно. — демоница улыbнулась, и её зубки сверкнули в темноте.

«Ладно, и чем чёрт не шутит...»

— Видишь ли, я сам когда-то был влюблён в женщину... Лёгкого поведения.

— То есть в проститутку. — хитрюга просто издевалась надо мной: конечно же, она так

не считала, эта прогрессивная кокетка, но ей нравилось изводить меня.

— Нет, нет, не в проститутку. Хотя, может и так. Какая разница? Знаешь, если ты знаком с дамой, торгующей телом, то спустя время у тебя пропадает всякое желание использовать это слово по отношению к маленьким наивным девчонкам, полагающим, будто, переспав с парочкой идиотов, они стали взрослее. В чём дворянка из газет может назваться шлюхой? Это зажавшаяся девчонка не знает, что такое зарабатывать на хлеб сыну, подставляя задницу каким-то больным уродам, не знает, как больно осознавать, что ты не можешь выйти на улицу при свете дня, потому что тебя избегают, словно вора. Я не знаю Адель де Вилларе, но готов поклясться, что она обычная развратная заносчивая стерва, но никакая не шлюха.

Дама слушала меня очень внимательно. Под конец даже задрала бровь, словно очень удивилась или наконец что-то поняла. Но я знал: это миф. Молодые девушки не понимают проблем других девушек.

— Ты интересно мыслишь, Лойд, но всё-таки слишком предвзято. Почему девушка из высшего общества обязательно должна быть заносчивой стервой?

— Ты обещала мне один вопрос и глубокий сон.

— Внимательный мальчик. Что ж, спи.

Девушка наконец отстала от меня. Я попытался улечься, но после моего монолога сделать этого никак не удавалось: девушка распалила огонь в печи моего мозга и заставила болтать, о чём думаю, а это, хочешь не хочешь, пробуждает разговорный аппетит. Я многое хотел сказать моей гостье, но из-за своей сварливости не мог вымолвить и слова, потому что бы тогда показалось, что я напрашиваюсь на беседу, от которой недавно сам же и откестился. Поэтому я просто лежал и ждал, пока она заговорит. Но девушка не говорила.

— Спишь? — спросил я спустя несколько минут терзаний.

— Чего ты хотел?

Я сдержанно засмеялся.

— Как тебя зовут?

Девушка по достоинству оценила всю иронию ситуации и затем, на выдохе, произнесла:

— Сабрина...

Ох, уж эти подростки! Думают, что главное — иметь побольше друзей. Достаточно и одного. Одного-единственного, но своего.

Бездомный Бог (Noragami).

Кто любит утро? Слышать звон будильника, сознавать, что впереди тебя ждёт очередной, заполненный ненужными проблемами, как мешок с краденным, день; зевать, еле двигаться — но не из-за того, что ты не можешь, а из-за того, что просто-напросто не хочешь. Правильно — никто не любит. И я не исключение: рано вставать мне категорически не нравится. Ещё совсем недавно меня обязывала к этому любимая работа, — буквально позавчера я спешил на встречу с каким-то любителем свежих булок, — но, вот невезение, уже сегодня я должен спешить по совершенно иному делу, не очень-то и важному на первый взгляд, и всё теперь думаю — а зачем, собственно, я этим всем занимаюсь.

— Хватит дуться, мистер нищеброд!

Гостья уже переделалась: в форму официантки. Чтобы не соблазнять меня короткой юбкой, девушка надела фартук... Или ей было ровным счётом наплевать, кто там посмотрит на её юбку, и она надела фартук, потому что масло могло испортить одежду.

— И ничего я не злюсь.

«Главное: не смотреть на часы. Пару минут назад они показывали 6:15. Смертельно опасное время для таких, как я — избитых детективов»

Сливочное масло на сковородке приятно зашипело и отвлекло меня от суицидальных мыслей, посещающих голову каждого человека ранним утром.

— Мне нельзя масло. Я слежу за фигурой.

— А по тебе и не скажешь. Когда ты последний раз трогал турник? — мой повар на сегодняшнее утро оскалился.

Я уже вознамерился рассказать об ужасном влиянии масла на общую калорийность рациона, как тут мой нос уловил аромат жаренного бекона... И я поплыл. Не потому, что был бесхребетным слугой желудка, а из-за того, что находился в теле вечно голодного юнца.

Я встал, пододвинул трёхное «кресло» и грузно на него опустился.

— Почему не достаёшь тарелок? — Сабрина развернулась на пол оси и с требованием зажала в руке подобие поварёшки.

— Помнится, кое-кто обещал выполнять всю работу по дому и не будить меня в шесть утра.

— Увидев такую халабуду, мои планы сразу же поменялись. Где это видано: жить в комнате, совмещённой с кухней, столовой и гостиной?

Я поднялся и достал из тумбочки пару относительно чистых вилок.

— У тебя весьма большие претензии для того, кто живёт на улице. Столовая? Знаешь, даже в богатых домах не всегда она есть, что уж говорить о стандартных квартирах, и, тем более — о комнате.

— Врёшь. В любом нормальном доме есть столовая. Это первое по важности помещение в здании.

— Ага. Наверное, на втором месте в твоём списке идёт комната для курения кальяна? А уборная, должно быть, и вовсе на последнем, ведь тем, у кого есть столовая, даже не надо мыться: они боги, и кожа у них всегда чистая, как у младенца.

Девушка недовольно фыркнула. Затем она разложила мясо и яичницу по тарелкам, и мы принялись есть. Молча.

«Надеюсь, Беатрис будет дома. Она многое должна знать о хозяйке. В том числе и тех, с кем аристократка встречалась... Чёрт. Поганый Симон. Неужто этот сопляк и вправду вырубил меня дротиком? Какой у засранца мотив, если только не скрыть своё преступление?.. А потом его убили. Ядом. А я даже не имею выхода к рынку сбыта. Проклятье...»

Кто-то меня пнул. Я поднял голову и уставился на единственного человека в комнате. Дамочка показательно задрала нос.

— И что тебе от меня надо?

— Это и ежу понятно: чтобы ты извинился за нанесённое мне оскорбление.

— Ёжик, наверное, уже очень устал: затаскали его, беднягу. Всем от него что-то надо. А его кто-то об этом спросил?

— Нет. У ежей нет прав в мире людей. Поэтому они и ёжики. Будь эти остряки умными, они бы так и назывались — люди.

— Чего?

Манипуляторша забавно надула губки.

— Извиняйся, чего! Я ещё обижена...

— Тогда пошла вон из дома. — моментально парировал я и, уверенный в своей победе, плутовски опёрся на спинку стула. Но не слишком развязно: чтобы не свалиться.

Дама «злобно-кокетливо» улыбнулась и послушно возвратилась к трапезе. Уж не знаю, где она отыскала яйца и бекон в шесть утра, но за это ей — большое спасибо.

Когда мы закончили есть, я скинул грязную тарелку в раковину и, утерев лицо полотенцем для рук, полез в шкаф. Ничего интересного там не нашлось, впрочем, я, как удачно сложилось, многого и не требовал: всего-то новые штаны и рубашку.

Пока я одевался, девушка уже успела спрятать свой мешок, натянуть туфли с ужасно длинным каблуком и накрасить губки у входного зеркала, в котором, вероятно, де Салес обычно проверял ровность своего жалкого пробора.

— Работаешь посменно?

— Неа. — налету ответила дамочка, издеваясь над дверным замком, то бишь, переводя с ироничного на человеческий, пытаюсь его открыть. — Работаю по пятнадцать часов в день, но с большими перерывами. Обычно мы проводим свободное время за настольными играми или бильярдом.

— Да у тебя рай, а не работа, как я погляжу. А мужчин туда берут?

— Не таких страшеньких. — негодница показала мне язык и вышла на крыльцо. На прощание она хлопнула дверью.

«И зачем я её приютил. Одни хлопоты и злая ирония. Мужчине нужно приходить домой и знать, что за ним опора, а не красивенькая склочная язва... Хотя, эта язва вполне ничего. Будь я на лет десять моложе... Пойдите»

Дверь резко отворилась.

— Эй, Лойд, — из дверного проёма вылезла покрашенная головка. — Не знаю, как обычно говорят сожительницы, но... Целую!

Дверь опять закрылась.

«Что это, как не кнут и пряник? Манипулятор даёт кроху положительных эмоций, а потом обильно поливает это негативом. По итогу жертва ждёт нового всплеска доброты и

привязывается, как бобик, которого часто бьют, но иногда кормят... Кажется, я слишком глубоко копаю»

Дверь резко отворилась.

— И я тоже тебя целую... а?

В комнату вошёл остроухий человек. Я не помнил его имени: сны быстро выветриваются.

— Ну привет, Лойд. — убийца достал из-за спины арбалет. — Думал, никто не узнает, что один паскудник-детектив выжил? Рассчитывал скрыться?

— Ага. И именно поэтому вчера прошёл половину этого грёбаного города на своих двоих.

Эльф скорчил кислую мину.

— А ты прав. В твоих действиях нет логики... Значит, ты больной. Поздравляю.

— Зато ты здоровый, как я погляжу.

На остроухом не было живого места: весь в синяках и ссадинах.

«Он где-то повредил ногу. Весь его вес держится на правой. Нужен лишь толчок»

— И где мольбы о пощаде, де Салес? Или я слишком мерзок, чтобы просить у меня прощения? Что, потомуку работорговца не пристало кланяться в ноги эльфу?

— Да у тебя комплексы, мой друг. Иди полечись...

В воздухе просвистел арбалетный болт. Он вонзился в стену на высоте моей макушки: за секунду до выстрела я упал на пол.

— Эй, ловкач!

«Перед выстрелом убийца всегда отводит корпус назад и дёргает ногой. Редкий умелец может побороть это рефлекторное движение и стать настоящей загадкой. Этот глупый фрукт — не исключение... Остаётся лишь узнать, сколько зарядов хранит его оружие...»

— Не сбежишь!

Я опрокинул столик, и арбалетный болт, пробив его насквозь, вонзился в половицы, чуть не пригвоздив мою руку к полу.

— Что за... Де Салес, и где научился!

Через дырку в столе я увидел, как озадаченный моей ловкостью убийца тянется к сумке.

«Блеф, чтобы выманить меня из укрытия, или возможность? В любом случае, надо выходить из-за стола, потому что уклоняться вечно вряд ли удастся...»

Я привстал и, захватив столик за ножки, двинулся на противника. Тот не успел перезарядиться: бросив и сумку, и арбалет, убийца спешно достал стилет и принялся тыкать им под столик, надеясь порезать мне ноги.

Я бросил импровизированный щит и вмазал в открывшуюся рожу соперника. Попал удачно — расквасил нос. Подлец вылетел из дома и, за неимением ограждения у крыльца, грохнулся на землю. Я высунул голову и стал наблюдать, как это жалкое подобие убийцы пытается встать на ноги: удар об твёрдую поверхность знатно сплющил его, и он еле передвигал конечностями.

За открывшимся представлением наблюдали соседи. Я замечал в окнах и на балконах знакомые лица.

— Пора с этим заканчивать. — я достал из сумки болты и зарядил выброшенное противником оружие.

Убийца в это время стоял на лестнице, грязный и жалкий. Уж не знаю, чего он хотел: в таком состоянии он бы не уделал и подростка.

— Эй, красавчик! — обратился я к мистеру убийце, чтобы тот поднял голову. — Ничего не хочешь сказать?

— Что уж тут скажешь. — мужчина перестал держаться за стенку и пожал плечами. — Я неудачник. Стреляй.

С балконов послышались крики: «Убей!». Видимо, рядом со мной проживал очень добрый, а главное — чуждый к проблемам меньшинств народ.

Смирившись с участью жертвы, убийца закрыл глаза и, покачиваясь, смиренно вдыхал свежий воздух.

«Мне очень хочется пробить этому прохвосту грудину, но будет ли это решение правильным? Тут, как ни крути, всё же есть стража, и она, конечно же, сразу сбежит на труп. Мне сейчас проблемы не нужны...»

Я разрядил арбалет и бросил его смертнику под ноги.

— Свою порцию убийц с острыми ушами я уже перестрелял на завтрак. Иди, гуляй.

Неудачник раскрыл зажмуренные глаза и начал удивлённо ими хлопать. Пожалуй, он смотрел на меня с таким непониманием, что я даже засомневался, а верно ли поступил.

Но времени на раздумья не было: меня ждало дело. Поэтому я вернулся в комнату и закрыл за собой дверь, а затем, не особо стыдясь, немного порылся в оставленной убийцей сумке. Там не нашлось ничего интересного, кроме странных склянок и пачки стрел к арбалету.

Сказав заключительное «не густо», я пошёл к шкафу, чтобы взять ключ от дома. В это время на пороге квартиры появился злосчастный убийца. Он держался за дверной косяк и шмыгал сломанным носом.

«Похоже, ловкач решил попытаться счастья снова. Надеюсь, в этот раз он будет более осторожен, ведь живым я ему не дамся...»

— Эй, — обратился ко мне убийца, потянувшись к сумке и достав оттуда склянку с бурой жидкостью. — Ты знаешь один из главных постулатов моего рода, рода Иори? — странная микстура прикончилась существом за один глоток, и затем пустая склянка была учтиво брошена им на пол.

— Нет. Не догадываюсь.

Я как ни в чём не бывало взял ключ и собрался на выход, но болтун перегородил мне дорогу.

— Закон гласит: «если кто-то даровал существу жизнь, то принимающий подарок обязан возместить старания дарителя и ответить ему тем же».

— А попроще?

— Куда, сука, проще! — остроухий встрепенулся. Энергии в нём почему-то изрядно прибавилось. — В общем, с сегодняшнего дня я твой личный телохранитель.

Теперь была моя очередь удивлённо хлопать глазками.

— Но ты ведь взял на меня заказ и уже наверняка получил аванс.

— Как получил, так и отдам. Не велика потеря. Гораздо страшнее — нарушить один из постулатов рода Иори.

— Значит, про убийства за деньги в вашем славном своде правил ничего не говорится?

Губы эльфа искривились в адской усмешке.

— Ты прав, такого там нет... Так куда мы топаем?

— Мы? Никуда. Я — на улицу, так что выйди из дома.

Я прогнал честолобивого дурака и запер за нами дверь.

— Ты не понимаешь, Лойд. Это дело принципа, защитить твою жизнь от неминуемой смерти. И хочется тебе или нет, но я буду ходить за тобой по пятам.

— Помиловал на свою голову, — я начал быстро спускаться со ступенек, планируя отстать от больного по дороге, но, что удивительно, больной не отставал — он бежал быстрее меня. В таком темпе мы прошли пару улиц, а затем я окончательно выдохся.

— Хервый из тебя бегун.

— Пого... Погоди. — я поднял руку, чтобы хохотун дал мне перевести дух. Когда же мне удалось восстановить дыхание, я не мог не спросить: — Какого хрена? Пять минут назад ты дышал на ладан, а сейчас — как огурчик.

— Лойд, ты идиот.

— А у тебя тупые уши. Хватит обмениваться несуществующими фактами, к делу: откуда такой прилив сил? Неужели из той склянки?

— А я думал, ты уже тронулся умом. — эльф хмыкнул. — Да, из баночки. Особый экстракт из крови дракона, белого вина, омелы и Лавиорта. Даёт силы на несколько часов, зато потом хочешь жрать, как буйвол, и всё тело ломит, будто наркомана в одиночной камере.

— Хм...

«Проклятье! Только этого убийцы-нахлебника мне здесь не хватало! Но он может много знать... Нет, он мне не нужен!»

— Можно считать, что этим ответом ты удовлетворил своё желание мне помочь?

— Это был вопрос жизни и смерти?

— Да.

— Обманщик.

— Незачем спрашивать, если боишься ответа.

— Я и страх — вещи несовместимые. А вот тебе следует испугаться. Какие-то громилы, одного из которых зовут Красным Гарри, открыли на тебя охоту. Они хотят скинуть Лойда де Салеса с часовой башни на потеху городу. И Эти ребята не шутят.

— Красный Гарри?.. Знавал я одного такого. Чуть не прибил его

— Брешешь. Тот Гарри длинный, как мой хер, и шириной с сарай для коров.

— У тебя хер под два метра?

— Я выразился метафорично.

— Стоит запомнить такую прекрасную отговорку.

Убийца хмыкнул.

— Лойд, ты открываешься с новой стороны. Ещё вчера я видел в тебе пьяную сволочь без капли самоиронии и ума, а уже сегодня — ты просто сволочь. Прогресс.

— Просто я ещё трезвый... Но сейчас не об этом. Я решил: ты поможешь мне в раскрытии дела.

— За деньги, разумеется?

— А как же спасение моей жизни?

— Работать на тебя и спасти — сугубо разные вещи.

— А если работа связана с сохранением моей жизни? Например, если я её не выполню, то меня отправят под пирс.

— Жозефина де Вилларе не настолько коварна.

— Так ты всё знаешь?

— Весь город знает. Про тебя пишут в газетах и судачат на улицах. Думаешь, почему мой клиент заказал твою голову? Для его репутации это был бы замечательный подъём. Почти до небес.

— Бедняга. Мне его почти что жаль.

— Не ёрничай. Возможно, после моего провала он наймёт другого. В городе много убийц.

— Если они такие же, как и ты, то у меня есть все шансы собрать целый гарем телохранителей.

— Урод.

Такому остроумному ответу мне было совершенно нечего противопоставить, поэтому я молча двинулся вперёд и поинтересовался у ближайшего прохожего, как мне попасть на улицу каменщиков. Мне во всех красках описали особые приметы, ведущие к данной недвижимости, и погнали куда-то на юг. Туда я и направился. Остроухий не отставал.

— И скажи, в чём здесь логика: ты не собираешься помогать мне в раскрытии дела, но идёшь за мной по пятам, как шпион.

— Не ищи логики в поступках эльфа: мы движимы высшими чувствами.

— Или глупостью.

— Что ты сказал?!

— Что нам надо на улицу каменщиков: я снова заблудился...

Бей гада! Главное завалить, а там запинаем.

Братва и кольцо

Гулять со странным парнем, называющим себя эльфом — та ещё задачка: на вас постоянно смотрят, оборачиваются вам вслед и, что греха таить, иногда плюются под ноги. Меня очень занимала причина такого отвращения, поэтому я не преминул спросить об этом самого виновника курьёзных ситуаций:

— Эй, Эйва... Эйвариллиан, почему на нас так странно смотрят?

— Думаешь? — остроухий усмехнулся. — Наверное, это из-за того, что у меня острые уши.

— И что в этом такого? У меня вот, длинный нос... Был. Кхм.

Мой собеседник остановился посреди загруженной людьми улицы.

— Лойд, ты прикидываешься?

Прохожие смотрели на нас, как на умалишённых, и в особенности — на меня. Это доставляло знатное неудобство, хотя, справедливости ради, и не столь смертельное, чтобы возжелать спрятаться в какой-нибудь тихий уголок.

— Я не прикидываюсь.

— Тогда издеваешься? Правнук работорговца не знает, почему общение между человеком и эльфом вызывает подозрения?

Я быстро нашёлся с ответом:

— После удара молотком по голове мне начисто отшибло память.

Убийце нечем было крыть, поэтому он оказался вынужденным брякнуть что-то такое, чтобы закрыть моё любопытство, и это несмотря на ошивающихся по близости зевак и сплетников.

— Как знает самый маленький ребёнок человека, благодаря сказкам, басенкам и песенкам, всякий ныне живущий эльф раньше пленил его доисторического человеческого собрата и изредка держал его на свободном выгуле, как животное. Люди тогда были чем-то навряде бесплатной рабочей силы: покажешь человеку огонь — и он забесплатно перепахает тебе поле, чего эльф-сосед никогда за просто так не сделает. И плевать вам всем, что уже сменилось три поколения эльфов, и только мой прапрадед, которому перевалило за три тысячи лет, помнит, каково это — видеть слабого человека. Для людей все мы — бывшие работорговцы. Даже я, полукровка. Мой отец проливал кровь за империю, а я и сейчас не могу зайти в некоторые районы города и вынужден опасаться различных группировок «мстителей», расхаживающих в белом одеянии с разрезом на лице. Такой ответ тебя устроит, де Салес?

— Делаешь акцент на моей фамилии? Думаешь, люди должны относиться к тебе не предвзято, когда ты сам этим грешишь?

— Три тысячи лет и сто — большая разница, Лойд. Настолько большая, что и не сравнить. За три тысячи лет можно потерять всякое представление о прошлом, а за сто — помнить, в какой нужник сходил тот или иной генерал.

— Тогда почему же люди так хорошо помнят события тысячелетней давности? Может, дело не только в прошлом?

— Ой, только не надо тут ля-ля! Ты прекрасно знаешь, что сейчас эльфы оккупировали

территорию полуросликов, с которыми вы, людишки, стали очень дружны, и теперь мы вновь попали в ваш чёрный список. Этой новости неделя, её ты уж точно не должен был забыть!

— Так бы сразу и сказал: «мой народ убивает союзников государства, в котором я живу, поэтому меня здесь терпеть не могут и всякий человек, кто со мной якшается — потенциальный пособник оккупации и терроризма». Тогда бы я сразу понял, почему окружающие смотрят на меня с таким презрением...

— Болтать ты мастер.

Вокруг нас собралась небольшая толпа зевак. Надо было идти, только я не знал в какую сторону, поэтому мне пришлось спросить об этом эльфа.

Но нам не дали тронуться с места: путь на улицу каменщиков перегородила группа подростков.

— Эй, почему ты общаешься с этим отребьем? Хочешь нажиться на оккупации гримшира? — плюгавый юнец подбоченился и с ожиданием на меня посмотрел. Он хотел ответа, и молчание, должно быть, его бы не устроило.

Эльф наклонился ко мне и шепнул на ухо:

— Скажи, что я попросил у тебя мелочи. Встретимся на улице каменщиков.

Не имея ничего против, я так и поступил: обозвал эльфа попрошайкой и направился в сторону, чтобы спросить у прохожих дороги. Группа мальчишек в это время взяла эльфа в круг и стала его допрашивать.

— Что, мало тебе денег, которые вам даёт государство? Сидите на пособиях, как сущие граждане империи, и ещё побираетесь по улицам? — юнец набрал побольше воздуха в грудь и «ударил» по эльфу мощным плевком.

Я ожидал, что убийца начнёт драку, но никакой реакции с его стороны не последовало: он просто утёрся и попросил пройти. Ему не позволили этого сделать, и начали толчками гнать в проулок под одобрительные возгласы прохожих.

Вскоре жизнь на улице вернулась в прежнее русло, а все крикуны умолки и поспешили по своим делам.

«Иногда, как правило — в часы меланхолии, к государственному служащему неожиданно приходит осознание, что многим жителям страны, которой он так верно служит, им, так громко кричащим о безграничной любви к государству, на самом деле не нужно, да и, честно говоря, не очень хочется защищать родных и близких, друзей и дом — им нужно, даже прямо-таки жизненно необходимо сорвать на ком-то свою животную злость, возникшую от неразделённой любви, унижений на работе, плохой погоды и прочего; от несоответствия потаённых желаний и самой жизни, в конце концов.

Мальчишка мечтал об особняке, но приходит в съёмную квартиру и начинает искать виноватых. Кто обрёк его на путь нищеты и бесчестия? Конечно, какой-нибудь слабак, который не даст сдачи и которому можно от души врезать. В этом плане в королевстве было много патриотов: они ловили неугодных, били их дубинками с гвоздями, а потом, когда их приводили на допрос, искали в глазах дознавателей одобрение. И они его, как правило, находили»

Я направился в проулок, куда повели эльфа, и встретился с моим телохранителем лицом к лицу. Он утирал стилет от крови: плюгавому бедолаге перерезали горло и засунули его перочинный ножик прямиком в глазное яблоко. Оно наполовину вытекло, как яичница-глазунья, и выглядело весьма скверно.

— В какой раз ты меня удивляешь, Лойд. Решил поиграть в героя? Растолкать пятерку сопляков и получить моё одобрение?

— Решил, что будет забавно понаблюдать, как тебе надирают уши.

Эльф понятливо кивнул и спрятал стилет.

— Дерьмо не убивают на людной улице. Его режут в темноте... — заметив, что какой-то паренёк ещё дышит, убийца подошёл к нему и принялся пинать. На каждый стук сапога об тело он повторял: — Представь, у него есть мама. И папа. И брат! А у меня, что есть у меня, Лойд?

— Не жалуйся на жизнь тому, кто живёт в одной единственной комнате без кровати. И отстань от парня. — я оттолкнул жалобщика, впрочем, он позволил себя оттолкнуть, и окинул избитого юношу беглым взглядом. Бедняга всё ещё дышал.

— Живучий сукин сын, — Эйвариллиан вновь достал стилет. — Придётся доработать...

— Эй! Стоять! Ни с места!

Я сразу понял, что означают данные возгласы. Я сам их неоднократно выкрикивал... Повернувшись, я увидел в десятке шагов патруль стражи, приведённый каким-то любезным старичком с гнусной ухмылкой на лице.

— Вот они, господин стражник! Я своими глазами видел, как остроухий бил, а этот с ним болтал! Шпи-ён!

«Твою мать! Переродиться и сразу же загреметь в тюрьму за шпионаж и массовое убийство...» — я посмотрел на эльфа. Негодяй как ни в чём не бывало забирал у убитого мальчишки пузатый кошель.

«Ещё и разбой, славно!»

— Подымите руки, и так, чтобы я их видел! — в нас нацелилось шесть арбалетов. Похоже, старик привёл сразу два патруля.

Эйвариллиан смиренно поднял руки и направился в лапы стражников. По пути он успел сказать мне: «как только подойдёшь к левому проулку, остановись и жди сигнала».

Я незаметно посмотрел на то место, о котором говорил эльф, и пришёл к выводу, что хуже возможности для побега было не сыскать — узкий, настолько, что может задеть плечи, коридор, весь в грязи и с лестницей на конце. Но делать нечего: за неимением другого плана, я медленно направился к стрелкам и, как только моя нога стала напротив проулка, остановился, в то время как эльф уже почти подошёл к страже.

— Эй, в чём дело? Хочешь болт в грудь? — обратился ко мне главный в шестёрке стражников и показательно похлопал по своему арбалету. — Что, не хочешь? Тогда иди сюда... Иди сюда, говорю!

Я оставался неподвижен. Коленки у меня, признаюсь, самую малость дрожали.

— Сукин сын, в тюрьме из тебя инвалида сделают. Это я тебе гарантирую. — стражник опустил арбалет, достал наручники и направился ко мне в компании коллеги, в любой момент готового всадить мне болт в голову.

Как только неумелый стражник закрыл собой тело эльфа, тот резко опустил руки и, невзирая на угрозу стать ежом, достал из сумки какой-то шарообразный свёрток и бросил его об землю. Послышался хлопок, всех присутствующих оглушило, а улицу заволочло густым дымом. Я решил, что это был сигнал, и рванул в коридор между домами.

— Стой, сука! Стой! — главарь стражников произвёл выстрел, и арбалетный болт пробил стену дома.

«Ещё бы чуть-чуть, и острие попало бы мне прямо меж лопаток...»

Я бежал, не останавливаясь, и почти ничего не слышал: от хлопка у меня заложило уши. Я не догадывался, несётся ли за мной эльф, и узнал о нём только когда остановился у лестницы, чтобы набрать в грудь побольше воздуха:

— Дрыщ поганый, лезь наверх, отдышишься на том свете! — внезапно появившийся убивец толкнул меня вперёд и буквально заставил карабкаться по лестнице.

Я начал лезть. Эйвариллиан не отставал от меня не на шаг. Стражники передавали друг другу команды:

— Они лезут на крышу! Окружить дом! Сержант, вызывай дополнительный патруль!

«Кажется, теперь я понимаю, почему такой драчун, как эльф, не захотел драться при свидетелях...»

Над моей головой кокетливо просвистел арбалетный болт. Он пробил одну из ступенек и вынудил меня потянуться повыше. В таком положении легко свалится на землю: разжав слабые пальцы, я повалился на голову эльфа и чуть не сбросил его с лестницы.

— Де Салес, бл*ть! Качай руки! Гантели, отжимания, рукоблудство!

Какой-то меткий стражник, уже оправившийся от слезоточивого дыма, произвёл выстрел и снёс добрую половину лестницы над моей головой. Забраться по ней больше не предоставлялось возможным.

Не придумав ничего лучше, я опёрся на эльфа и выбил припрятанные за бывшими ступеньками оконные ставни. Открылся узкий проход. Я занырнул в него, как дельфин в море, и оказался на смердящем мочой ковре. За мной в помещение забрался эльф. Он пролетел ещё дальше и свалился на тумбочку. Сразу за ним в раскрытое окно влетела стрела и пробила дверь.

Я встал с ковра и дал дёру в коридор. Остроухий погнался за мной, держась за отбитую голову. На первом этаже послышались тревожные крики.

— О, боже! Что тут творится!

— Мисс, отойдите от лестницы, над надо на крышу! Там притаились преступники!

— Какой ужас!

Я был вынужден согласиться с писклявым возгласом: ситуации хуже и представить было нельзя.

— За мной! — эльф одёрнул меня от лестничной клетки и повёл в другую комнату. Там мы встретились с только проснувшимся толстяком в очках.

— Воры! Убийцы! — закричал он, как только увидел нас двоих, и спешно потянулся открывать тумбочку.

Эйвариллиан подоспел прежде, чем толстяк достал хоть какое-нибудь оружие, и, сбросив мужчину с кровати, запинал его под шкаф, как бельё любовницы.

— Слышите! Они наверху! — послышались возгласы стражи с первого этажа.

— Бежим! — я оттянул напарника от избитого хозяина комнаты и направился к балкону.

Времени на поиски ключа не было, поэтому я выбил дверное стекло и открыл дверь с внешней стороны. Конечно же, умудрившись порезать руку.

Ругнувшись, я проник на балкон и спрыгнул на какой-то сарайчик, примыкающий к большому каменному зданию. Эйвариллиан последовал моему примеру.

Эльф первый заметил раскрытое в особняке окно и без зазрения совести залез в него и поманил меня за собой.

«Убийство, шпионаж, разбой, нападение на стражу, незаконное проникновение, порча

чужого имущества — мне как минимум должны выписать штраф и попросить покинуть этот город навсегда»

— Стоять! Ещё шаг и выстрелю!

Услышав крик, я на миг обернулся в сторону балкона. Это оказалось роковой ошибкой: ретивый стражник нацелился мне в сердце и только и ждал, когда же я шелохнусь...

Послышался выстрел. Отчего-то меня не снесло с места и не опрокинуло на крышу. Я в ожидании опустил взгляд на грудь, но не увидел в ней торчащей стрелки. Стражник же выронил арбалет и свалился с балкона с пробитой головой.

Я повернулся к окну и увидел торчащий оттуда арбалет. Благодарно кивнув, я забрался в дом и направился вместе с эльфом на выход. По пути нас встречали игривые полуголые женщины. Некоторые из них при нашем виде завивали локоны на пальчик.

— Кажется, мы в борделе! — убийца засмеялся. — Вот уж не думал, что в храмовом районе есть притон!..

Перед нами резко раскрылась дверь, и оттуда вышел какой-то добродушный боровичок в сутане. Увидев нас, он с криком прикрыл лицо рукой и бросился обратно в комнату. Я любезно закрыл за ним дверь и побежал в конец коридора.

— Так это ж судья! Какой позор для администрации!

— Это не я! — послышался недовольный возглас из-за двери. — Я его брат-близнец, злостный грешник Педро!

— Верим! — остроухий весельчак захохотал и побежал за мной.

Только я прошёл половину лестницы, как усмотрел за балясинами вошедших в бордель стражников. Они любезно поклонились встретившей их бордель-маман и начали оживлённо её о чём-то расспрашивать.

— Назад! — Эйвариллиан взял меня за шкуру и увлёк за собой. И вовремя: какой-то из стражников уже любопытно посматривал в сторону лестничной клетки.

Мы поднялись обратно и встретились с коридорным широким окном.

— Я ощущаю себе джином, вылетающим из форточек. — пожаловался остроухий и раскрыл окно. В коридор ворвался поток свежего воздуха.

На другом конце улицы находился какой-то мрачноватый район с высокими, почти до небес домами и узкими проходиками между ними.

Эльф снял стилет вместе с ножнами, отдал мне их в руки и, брякнув «делай, как я», вывесился из окна и поехал на бельевой верёвке. Та прогнулась под его весом, но, на удивление, выдержала. Спустя пару секунд Эйвариллиан оказался около мрачного, забитого

досками здания и замахал мне ручкой. Пришлось проследовать за ним.

Парить над миром было довольно-таки весело, но лишь попервой: на второй половине пути верёвка под мной треснула, и я стал резко падать. Слава богу, в бытность мою дознавателем меня обучали, как правильно падать, поэтому я успел сделать кувырок и зетам приземлиться на стопы.

— Ловко. — эльф захопал. — Из тебя бы вышел неплохой домушник. Только бы поработать над техникой... — вдруг, что-то усмотрев, эльф схватился меня за рукав и утащил в тень. Спустя пару секунд перед нами пробежал патруль. Стражники не заметили раскрытого окна и порванной бельевой верёвки и прошли мимо.

Эйвариллиан перестал меня держать. Можно было выдохнуть.

— Мы квиты. Я спас тебя от стрелка.

— Ты прав. Тебе больше незачем за мной таскаться...

— Но, — неожиданно добавил эльф, подняв указательный палец к небу. — Ты не бросил меня в трудную минуту и помог выбраться из этого веселья. Так что...

— Сначала на улицу каменщиков. А там — как пойдёт. — я протянул эльфу стилет.

— Оставь себе. — Эйвариллиан бегло осмотрелся по сторонам и пошёл куда-то на запад. Я потопал за ним.

Мужей очень красивых женщин я отношу к разряду преступников.

Оскар Уайльд. Портрет Дориана Грея. Лорд Генри Уоттон

Улица Каменщиков встретила нас беззвучными фанфарами и невидимым салютом; возможно, местные жители просто немного постеснялись, поэтому и не вынесли нам тортик.

— Что, разочарован?

— Немного. Я ожидал от прислуги де Вилларе большего вкуса. Дворянский род, всё-таки. — я с отвращением посмотрел на исписанную матерными словами стену. В том, что они матерные, я убедился, когда проходящий мимо эльф незадачливо фыркнул.

— И где живёт твой... Кстати, а кого именно мы, собственно, ищем? — помимо ведения светской беседы, остроухий культурно заглядывал в замутнённые окна, из которых не шло света, и осматривал дома на предмет чего-нибудь дорогого. Должно быть, выходило у него из рук вон плохо: в таких домах впору думать о съестном, а не о золочёном сервизе.

— Я ищу девушку. — мельком взглянув на удачно сохранившийся указатель, оповещающий, что всякий проходящий находится на бесславном переулке молотка, я дополнил: — Она может обладать важными сведениями.

— Значит, девушка-прислуга, обладающая важными сведениями?.. Занятно. — убийца задумчиво потёр подбородок. — Как думаешь, Адель сбежала из-под венца или её всё же украли?

— Исходя из моих сведений, склоняюсь ко второму. Большого сказать не могу.

— Ах, ваша знаменитая детективная учтивость. — протянул скептик. — Храните секреты клиенты пуще ока, пока вам не предложат золотой?

— Хочешь дать мне денег?

— Боже упаси. Такая трата средств равносильна походу в ресторан с дамой, которая не отвечает моим скромным мужским вкусам.

— Поясни.

— А что тут пояснять — данная встреча бессмысленна. Отношения с такой женщиной будут для меня мукой, а упущенные деньги и, что важнее, время — горькой утратой. Смысл что-то тратить, если потом будешь жалеть?

Я понятливо закивал. Мне нравился меркантильный подход эльфа к делу. Возможно, из-за того, что буквально вчера меня отшила и затем убила одна премилая проститутка.

— Что же ты резко умолк? Не согласен?

— Нет, нет. Просто когда нечего добавить, лучше промолчать, а не повторять ту же мысль другими словами. Знаешь, будет довольно нелепо, если я просто скажу: «да, я тоже люблю сравнивать свои расходы с затраченным на них временем. Я зарабатываю монетку в час, а потом трачу её на чашку кофе: получается, это чашка кофе стоит час моего времени», ведь ты сказал ровным счётом то же самое...

— Ни хрена не то же. Да и сейчас ты высказался на целых две кружки кофе. Спрашивается, и зачем титьки мял?

— Не знаю...

— А я скажу, почему ты их мял: это всё от того, что у тебя была похожая история. Такая, как я описал... К слову, у меня дар к предвидению. Мне бабушка говорила.

— Тыкни в мужчину пальцем, и я скажу, что его когда-то бросила женщина, об отношениях с которой он позже пожалел. И не надо быть провидцем, чтобы это разузнать.

— Не скажи. Вот спроси меня, была ли у меня дама, на которую я безосновательно потратил много энергетического ресурса, а потом получил шиш и разочаровался в собственной глупости?

— Не буду я тебя о таком спрашивать.

— Ну спроси!

— Нет.

— Что, жалко?

— Нет, просто не хочется. Когда человек хочет, чтобы ему задали вопрос, он уже знает ответ. Такие вопросы задавать не интересно.

— Хорошо, я дам тебе серебрушку.

— Твою мать! — я резко остановился напротив адресной таблички с номером 36. — Из-за тебя я прошёл полквартала!

Надувшись, как ядовитая жаба, я развернулся и побрёл обратно. Любитель экспромта потопал за мной.

— Две серебрушки.

— Ох... Ладно, валяй. Была ли у тебя женщина, на которую ты потратил много времени, но которую не любил?

— Да, была.

— Чего?

Остроухий не терял серьёзности и продолжал ровно шагать по дороге. Лишь шевеление ушей выдавало его с головой.

— Знаешь, когда хочется подтвердить свою компетенцию, то обычно не соглашаешься с оппонентом.

— Главное в споре — сделать неожиданное заявление. Это такой своеобразный перформанс в диалоге.

«Убийца с неизвестным образованием учит меня жизни и сотворению перформансов. До чего я дожил?»

Мы завернули к дому с 14 номером. Мне не нравилось, что цветы вокруг него совсем недавно увяли, но я не придавал этому большого значения.

Как только мы ступили на порог, в окне мелькнула любопытная тень.

«Больше, чем кошка. В доме точно кто-то есть»

Я постучался. Дверь была тоненькой, явно не отвечающей базовым требованиям безопасности. После моего удара она отошла сама по себе, и весь её жалкий вид говорил о том, что дверь очень боится повторного стука.

Мы с эльфом переглянулись и без слов договорились разделить и осмотреть дом. Я так и не понял, как убийца добавился в мою компанию уже после того, как, в общем-то, исполнил свой «телохранительский» долг, но был, в общем-то, не против его присутствия. Помощь бы мне не помешала.

Домик был небольшим — в два этажа, на первом из которых уместилась лишь пара среднего размера комнат. В той, куда направился я, находились камин и пара кресел, а также сильно просевший от старости диван...

Тёмно-зелёная штора внезапно раскрылась, и из неё выпал человек бездомного вида. Он бросился на меня, желая снести всем своим малым весом, и почти исполнил желаемое: я

врезался в косяк двухстворчатых гостиных дверей и вылетел в коридор. Но уже там нищего постигла неудача: при попытке перепрыгнуть моё развалившееся тело, он споткнулся и кубарем покатился на улицу. Если это и отвечало его требованиям, то лишь отчасти.

Я встал, посетовал на отбитую спину и вышел за бездомным. Хватило пары оплеух, чтобы гад перестал брыкаться и смирился с участью временно заключённого.

Когда я вернулся в дом с моей юродивой добычей, эльф захохотал.

— Знаешь, я видел на кухне дивный сервиз и незаконченное панно. Думаешь, это его?

Я опустил взгляд на нищего. Он, в свою очередь, стыдливо опустил голову. Такое поведение не раскрывало в нём любителя фарфора и вышивания.

Усадив непонятого субъекта за кухонный стол, я стал задавать классические вопросы к незнакомцам.

— Как твоё имя?

Ответа не последовало. Эльф забрал у меня свой же стилет и, достав его из ножен, пригласительно им махнул. Бездомный сглотнул слюну и тихо молвил:

— Густав. Моё имя — Густав.

— Что ж, Густав, — воодушевлённо сказал я, обрадовавшись хорошему началу. — Ты знаешь, чей этот дом?

— Мой. — вполне уверенно заявил нищий, впрочем, всё же немного просев в плечах при виде оскалившегося эльфа.

— Но, дорогой Густав, этот дом не может быть твоим: здесь проживает Беатрис. Ты её знаешь?

Бродяжка отрицательно закивал. Неуверенно. Это его и погубило.

— Густав, если все люди на земле будут врать, то правда навсегда потеряется в череде лжи. Давай начнём говорить правду первыми и подадим остальным пример. Смотри: я детектив, а мой друг — убийца. А кто ты?

— Густав. — неловко ответил бездомный и сам усомнился в правильности такого ответа.

— Помимо того, что ты Густав, у тебя ещё есть какие-нибудь факты о своей жизни? Например, ты — любитель развешивать на кухне портреты молодых рыжих женщин в одежде прислуги де Вилларе. Я правильно полагаю?

Бедняга вновь принялся отрицательно кивать.

— Ах, я не прав. Тогда почему здесь этот портрет? — я указал в сторону картины, повешенной прямо напротив столика. Художество было с подписью, что говорило как минимум о самолюбии художника.

— Не знаю, мистер. — хитрец развёл плечами. — Вы отведёте меня в полицию, или будете и дальше продолжать сказками пугать?

Я почувствовал, как мой спутник резко дёрнулся. Я попросил его остановиться и встал с места.

— Значит, Густав, ты считаешь, что мы с тобой играем?

— Ну да. Эти любезные вопросы с угрозой, наглый вид. Я вас, юнцов, знаю: только болтать и...

Я врезал негодяю под дых и подтащил его к раковине. Бездомный застонал. Перевернув тело нищего на спину, я подставил его голову под кран и включил воду. Потекла, конечно же, холодная — то, что доктор прописал.

— Ах, Густав, в одном ты допустил ошибку: в том, что вообще пришёл в этот дом... Ну

да, ты это уже понял.

Нищий попытался закричать и понабрал в рот воды. В том неудобном положении, в каком он находился, ему только и оставалось, что захлебнуться. Чтобы ускорить процесс, я любезно зажал ему нос и попросил ошеломлённого эльфа придержать нашему клиенту ноги.

— Полагаю, Густав, сейчас ты думаешь, как же рассказать мне очередную байку и выйти сухим из воды, но вот проблема: ты уже мокрый. В прямом и переносном смысле.

Истязаемый так задёргался, что чуть не выбил эльфу зубы. Остроухому стоило большого труда удерживать ноги бедняги в одном положении, однако, ни он, ни бездомный не жаловались.

«Два барашка сидели на поле: один — свободен, другой — в неволе. Один любит Родину, другой — позорит, угадайте, с кем дознаватель сидит на застолье. Кто угадает — тому монетки, кто ошибётся — тому в застенки»

— Не передержим? — с долей обеспокоенности спросил эльф, заботясь о том, как бы наш клиент не откинул ласты.

— Нет. Ещё секунд десять он вполне выдержит.

Мучимый негодник попытался нащупать моё лицо и, конечно же, выдавить глаза, но с каждой секундой попытки его становились всё щедрее и щедрее, а желание говорить без умолку — больше и больше. В конце концов он прополоскался до такой степени, что, наверняка, должен был назвать мне всех преступников мира, если бы знал.

— Пора.

Я перестал сжимать нос нищего и, промыв ладонь потоком воды из-под крана, бросил бездомного на пол. Храбрец растянулся на кафеле и принялся кашлять. Как только из него вышла большая часть воды, я усадил его на стул и спросил вновь:

— Ты знаешь Беатрис?

Глазки нищего подозрительно забегали, но страх перед повторным купанием всё же сломил его, и он выдал:

— Да, знаю!

Эльф ощерил зубы: похоже, ему пришили по душе мои методы.

— И что же, она хозяйка этого дома? — продолжил я задавать наводящие вопросы.

— Да!

— И ты в него незаконно проник?

— Да!

— С целью?

— Да!.. — поняв, что сморозил глупость, нищий замешкался.

— Можно поконкретнее? Зачем ты забрался в дом служанки?

— Он пустовал.

— С чего ты так решил?

Бездомный задумался. Это был верный признак того, что он прикидывает, что ему стоит сказать, а что — наглым образом утаить.

Я встал, схватил нищего за шкуру и снова потащил к крану. Это изрядно позабавило эльфа.

— Знаешь, а мне нравится быть детективом. Пожалуй, стоит сменить профессию...

Нищий закричал. Когда он всё же понял, что это ему никак не поможет, он принялся уверять, что в пытках нет необходимости, и что он и так всё нам расскажет. Но я знал: это грязная ложь. Поэтому процедура повторилась.

После второго раза я усадил задыхающегося бедолагу на его любимый стул. Пожалуй, следовало дать бродяжке возможность утереться, но я не знал, где у служанки припрятаны полотенца, и не стал тратить на их поиск время.

— Повторяю вопрос: почему ты решил, что дом пуст?

— Она не приходила сюда больше недели!

— Врёшь.

Густав задрожал.

— Вы... вы дьявол?

— Как хочешь. Скажешь мне правду, и я стану хоть волшебником с длинной палочкой.

Эльфу было так интересно наблюдать за допросом, что он и не заметил, как в удивлении раскрыл рот. Густав же не мог обратить на это внимания: центр его вселенной на данный момент был сосредоточен исключительно на моей персоне.

— В общем, она наверняка укатила отсюда с какими-то подозрительными личностями. И не вернулась.

— Подозрительные личности? Опиши мне их.

— Я их и не видел толком, темно было, — с жертвенным страхом в голосе пожаловался допрашиваемый. — Знаю только, что их было трое. Один — статный, крепкий мужчина, второй — масенький, почти как ребёнок, и третий — худой, среднего роста. Они зашли в дом и вернулись оттуда спустя минут пять. Тот, статный, был очень недоволен — вовсю махал руками и бранился. Те двое его слушали. Затем они, эти двое, взяли из кареты какой-то мешок и зашли обратно. Вернулись они уже с телом... Вот я и решил, стало быть, что Беатрис умерла. Когда я попытался пожаловаться на произвол бандитов в полицию, меня самого задержали и хотели было посадить на полмесяца только за то, что от меня дурно пахнет. Я сбежал из участка и принялся бродить туда-сюда. Потом вспомнил, что дом пустует, вот и вернулся.

— Ты упомянул карету. На ней был герб?

— Да, был. Лев. — нищий вздохнул. — Чую, теперь не будет мне жизни, мистер. Я знал, что всех свидетелей такого ужаса рано или поздно находят и спускают в море с камнем на ноге, но думал, что меня это как-нибудь обойдёт.

— И ты прав.

Нищий удивлённо поднял голову. Я улыбнулся.

— Ты можешь жить здесь, пока тебя не выселит государство. Только двери закрывай.

— И вы меня не сдадите?

— Неа.

Тут бы впору бездомному и обрадоваться, но он начал причитать:

— Но я всё равно нахожусь в большой опасности! В любой момент в дом могут ворваться убийцы и закончить дело. А я всё рассказал вам, так что теперь и лёгкой смерти мне не будет...

— Хорошо, я могу пожаловаться полиции и тебя быстро выселят, а дом через пару месяцев поставят на продажу. Такой расклад тебя устроит?

Нищий таинственно улыбнулся и дал отрицательный ответ.

— Я так и думал.

Встав, я направился обыскивать второй этаж и, если найдётся — подвал. Эльф последовал за мной, болтая под нос:

— Никогда бы не подумал, что ты и в самом деле нормальный детектив. Мой наниматель, имени которого я тебе, конечно же, не назову, именовал тебя самым плохим следователем в империи и обещал, что с твоей смертью контора частных детективов только выдохнет.

— Мой профиль — пытки, а не расследования. Так что в чём-то твой наниматель и прав.

Мы поднялись на второй этаж и прошли в спальную комнату. Первым, что я заметил, было пятно на полу. Его пытались вывести, но сделали это так неумело, что оно превратилось в уродливый, расползшийся на несколько досок след. Более ничего любопытного в помещении не было.

— Здесь мою предполагаемую свидетельницу и убили.

«Что такого могла знать служанка? Пока на ум приходит только, что она знала имя похитителя или же его самого. Возможно, девушка также была замешана в пропаже Адель, как и Симон. И тот статный мужчина, разъезжающий в карете льва — их наниматель, избавившийся от свидетелей... И девушка у него. Но одной информации о льве на гербе не достаточно, чтобы распознать род похитителя, потому как лев — парень весьма популярный. Придётся зайти к торговцу ядами и к гробовщику...»

— Когда ты думаешь, это так пугает. Просто мороз по коже. — эльф зябко подёрнул плечами. — Ты бы хоть иногда закрывал глаза ради приличия...

— Ты знаешь, как можно выйти на торговцев ядами?

— Конечно. Но я тебе ни одного не сдам... Только если ты не отдашь мне половину гонорара. — хитрюга улыбнулся. Он знал, что ему не откажут.

— Значит, за этим ты и стал мне помогать?

— Изначально — нет. Но потом я так втянулся в процесс... — киллер с удовольствием причмокнул.

Мне следовало сбить цену — исключительно из нежелания платить кому бы то ни было.

— Четверть.

— Сорок процентов.

— Тридцать пять и пиво за мой счёт.

Убивец долго думал, но по итогу согласился. Перед тем, как пожать руки, он всерьёз меня предупредил:

— Учти — я пью, как свинья.

— Это как?

— Так же бескультурно и так же много...

Алкоголь — это яд, входящий в уста, но травящий ум. (У. Шекспир).

Пожалуй, в каждом уважающем себя городе есть чёрный рынок. В детстве я думал, что торговлей в таком месте занимаются исключительно чернокожие персоны, но, возмужав, понял, что всё как раз-таки наоборот — это чернокожими персонами торгуют на чёрном рынке, впрочем, совсем не от этого запрещённый торг всё же был назван чёрным.

В Ганрновере, по словам эльфа, находился один из самых крупных чёрных рынков в мире, и, при изрядном желании, среди доступного на «прилавках» ассортимента можно было найти даже ребёнка. Живого, как и полагается — с руками, ногами и каким-нибудь именем. Меня вовсе не интересовали дети, но, признаюсь, весьма прельщало знакомство с торговцем ядами.

Конечно же, я как никто другой понимал, что вычислить человека, купившего яд, почти что невозможно, и не столько из-за скрытности местных бизнесменов, сколько из-за большого числа предложения, но мне ведь и нужно было тыкать в клиента пальцем — мне всего-то необходимо было узнать, как Лавиорт влияет на тело, кто его обычно использует и есть ли у него отличительные признаки.

Далеко ходить, чтобы отыскать рынок, не пришлось: он расположился в относительной доступности от переулка молотка — среди многоэтажек, за парой подозрительных кварталов. Мы постучались в дубовую дверь, эльф назвал пароль и нас запустили во внутренний двор, разделённый на две улицы мрачным серым зданием, из которого уже выглядывали хитрые рожи торговцев.

Внутренний двор походил на крепость, стенами которой служили выставленные по периметру дома, подогнанные друг к другу, как кирпичи. Каждое из зданий имело по паре-тройке вывесок, сообщающих о специализации лавочника. Навскидку данный рынок имел около тридцати-сорока постоянных ремесленников, зарабатывающих исключительно на нелегальной продукции.

Пока Эйвариллиан вёл меня вдоль улицы, я присматривался к вывескам и пытался понять, кто и чем барышничает. Похоже, были на рынке и букмекеры, и скупщики, и кузнецы, продающие запрещённое в этой стране оружие, и, естественно — мастера-отравители. Мы заглянули к самому последнему.

— Эй, Хейни! — бросил в пустоту эльф, как только вошёл в лавку. — Я по делу!

Комната продолжала хранить стойкое молчание. Моего спутника это порядком рассердило.

— Ну же, Хейни, так дела не делаются. Вылезай!

Никто не отозвался. Ситуация начинала походить на какую-то плоскую иронию.

— Похоже, твой Хейни глухой.

— Нет, он просто стесняется. — возразил убивец, нервно перекатываясь с пятки на носок. — Хейни, мелкая душонка, или ты сейчас вылезешь, или я пойду к Джеку!

Не происходило ровным счётом ничего такого, что могло бы заслужить нашего внимания, но, стоило немного прислушаться, и становилось ясным, что под кассой кто-то очень злобно сопит.

— Эй, Хейни! Говорят, некий Джек увёл от тебя Лидию и купил ей билеты в Вербедер в пятизвёздочную гостиницу. Как думаешь, она ему дала?..

Внезапно из-за кассы вылетел суший чёрт, только без хвостика. Он взялся за эльфа обеими руками и ногами и принялся яростно его душить. Самому Эйвариллиану это досадное с виду обстоятельство нисколько не мешало, и он продолжал дико и заразительно гоготать. Чертёнок вскоре запричитал:

— Я любил её, ты понимаешь, баклан! Конфеты ей дарил, водил по паркам и выставкам, купил квартиру в центре, из которой видно все сезонные парады! А она... Ай, жизнь моя дурная! Пропади оно всё пропадом, и она, и эта лавка, и моя борода!

Маленький крепыш перестал издеваться над эльфом и повис на нём несчастной тряпкой. Чтобы хоть как-то его обнадежить, я промолвил:

— Хорошо, что она уехала. Уверен, это были неравные отношения...

Малыш поднял опухшее пьяное лицо, посмотрел на меня — естественно, не узнал, — и, сжав кулаки, подпрыгнул до потолка.

— Ты кого привёл в мой дом, остроухая сволочь! Это же человек!

— Ну да, — не стал спорить спокойный как удав Эйвариллиан. — А что тут такого?

Бородач не стал отвечать: закатав рукава, он набросился на меня, повалил на прилавок со всякими жидкостями и принялся дубасить.

— Получай, сволочь! Будешь знать, как иметь дело с гномами... Ай, пусти меня!

Эльф оттащил драчуна за ухо и начал ему вытолковывать:

— Веди себя вежливо: это Лойд де Салес, мой новый товарищ...

— Тот, на которого у тебя заказ, и которого ты якобы уже убил?

— Ну, да... — нехотя признался эльф.

— Тот, которого ты обзывал неудачником, пустозвоном и вечным первокурсником?

— Ну, возможно... — эльф повернулся и посмотрел на меня с самой невинной улыбкой, а затем тихо-тихо обратился к господину гному: — Кончай болтать, плешивая борода, не то...

— Кстати, и с каких это пор наша золотая мигрантская пара впускает в круг доверия какого-то людского юнца? Сколько дней вы с ним знакомы?

— Пять...

— Один день. — ответил я, не желая врать собрату по любви.

— Сколько?! — Гном с осуждением покачал головой и обратился к эльфу: — Да ты из ума выжил, Эйва-баран!

— Ещё раз оскорбишь меня, и мы пойдём отсюда!

— Ага, а что ещё скажешь? — гном фыркнул и направился к столу с алхимическими инструментами. — Брехло ты, Эйвариллиан, и брехло никудышное. Тебе что-то нужно, и к Джеку ты с этим пойти не можешь. — бородач натянул очёчки, пригладил жалкие три волосинки на голове и с опытом сказал: — Ну, что у вас там? Керийский? Вертруцио? Обычная волчья ягода? С чем пожаловали?

Я подошёл к мастеру и указал на мою шею.

— Дротик. Мне нужно узнать, какой это был яд.

— Вырубило сразу?

— Моментально.

— Магический Керийский. В больших дозах и слона за секунду уложит... А ты явно не слон.

— Уж спасибо. А можно ли дать прогноз поточнее? Я, конечно, доверяю твоему слову, ведь ты первый незнакомец, говорящий с такой уверенностью, но мне хотелось бы узнать

побольше информации.

Гном устало ругнулся, подошёл ко мне вразвалочку и попросил наклониться. Я исполнил его просьбу, и бородач принялся осматривать то место, куда попал дротик. Оно всё ещё болело. Мастер надавил на припухлость, и я почувствовал, как по моей шее течёт что-то весьма противное.

— Точно Керийский. Можешь вставать. — добряк хлопнул меня по плечу и вернулся к столу с пробирками.

Меня такой ответ не удовлетворил.

— Как можно определить яд, даже не беря крови на пробу?

Эльф встал между мной и гномом (наверное, были прецеденты) и заверял меня, не скупясь на слова:

— Лойд, старина Хейни собаку съел на всяких ядах: в своё время он работал прислугой самого императора, пока... Пока не решил заняться чем-нибудь другим. Знаешь, иногда полезно сменить род занятий и посмотреть на жизнь под совершенно другим углом.

«Обычно так говорят про тех, кого выгнали с позором... Любопытно, чем же провинился этот малыш»

Я повернулся к хозяину лавки. Он излучал спокойствие отъеденного кота: похоже, ничто не могло поколебать его уверенности в своём мастерстве.

— Мальчик, не нужно брать крови, если есть ярко выраженные внешние признаки определённой смеси: ранка опухла, по краям стала бордовой, из неё течёт пахнувший Керийским остаток, но при этом везунчик ещё не сыграл в ящик — значит, действие отравы было ограничено магическим вмешательством, потому как Керийский без ограничений — смертелен. И не думай, что ядов у нас на рынке до жопы. Поверь, я знаю, о чём говорю: у большинства отравителей всего несколько веществ и ограниченный к ним доступ — они стоят, как девственность императорской дочки. У абсолютного большинства душегубов в обиходе всего пара-тройка сильнодействующих ядов, к которым смеха ради добавляют всякие травки. Уразумел?

Мне не оставалось места для манёвра, поэтому пришлось согласно кивнуть и смириться с условностью полученных данных.

— Неужели это всё, за чем ты пришёл? — недовольно проворчал гном. — Ежели так, то я пойду и дальше...

— Предаваться горю и мукам? — не сдержавшись, ляпнул я, за что был справедливо наказан грозным взглядом из-под кустистых бровей.

Эльф усмехнулся. Поняв, что мы здесь ещё задержимся, он прошёл вглубь лавки и присел на краю стола с ядами. На том месте лежала новая газета. Похоже, остроухого тут ждали.

— У меня к тебе ещё целый ряд вопросов, — сказав это, я скинул с табуретки ворох какой-то макулатуры и пододвинулся поближе к обиженному отравителю. — И первый: сложно ли достать яд? Сколько стоит обычная отравка, например, Керийский магический или Лавиорт? У веществ несколько рынков сбыта, или все убийцы затариваются в строго определённых местах? Можно ли найти того, кто использовал яд...

— Постой, не гони коней, у них уже яйца по дороге волокутся! — воскликнул гном, окончательно потеряв нить разговора. Чтобы хоть как-то сосредоточиться на происходящем, а не на расположившейся рядом с ядами бутылкой водки, он принялся ожесточённо наминать себе череп и странно булькать. Признаюсь, я смутился.

Заметив моё беспокойство, эльф отвлекся от газеты и пояснил:

— Не бойся, подобное у него часто бывает — последствия отравления.

Гному такое объяснение не понравилось, поэтому он засвистел, как чайник. Я ловко ответил ему раненой чаечкой. На том и порешили... Простите, не сдержался.

Когда хозяин лавки перестал издавать непонятные мелодии и только изредка пускал в комнату слезоточивый газ, я вернулся к заготовленным вопросам. Мастер стал отвечать, покручивая бороду на пальцах.

— Сам яд достать не сложно: его можно купить у кого угодно и где угодно. Найти же твоего таинственного отравителя можно, только если он использовал очень дорогой яд. Или индивидуальный. А лучше бы и то и другое. Настоящие мастера отравительного искусства делают такие смеси, над которыми мы, практики, гадаем до сих пор. Их не спутать ни с чем другим. Своеобразный гарант качества.

— Я так понимаю, меня усыпили обычным ядом?

— Ещё бы! — гном фыркнул. — Стали бы тратить на тебя убойную дозу легендарного вещества, которым убивали герцогов и полководцев... Но, вынужден признать, магический Керийский — не самый простой из ядов. Мне даже интересно, кто его на тебе использовал. Не наш остроухий друг?

Эйвариллитан опустил газету и косо на нас посмотрел.

— Я не использую яды. Это скучно, долго и энергозатратно.

Мы с гномом весело кивнули и продолжили беседу. Я уточнил, что моим отравителем был слуга де Вилларе, на что бесстыжий пьяница расхохотался до боли животе и чуть не свалился со стула.

— Ой, не могу! Керийский магический — у шалолая-садовника! Пожалуй, ты очень крутой перец, Лойд. Круче только яйца...

— Смейся, смейся. — забурчал я, пристыженный таким показательным отношением к размеру своей персоны. — Мне было не до смеха, когда он на полном серьёзе стал утверждать, что отравитель выкрал у нас двоих сапоги и зачем-то дал ему под глаз.

Бородач развалился на стуле и заржал, как лошадь. Слезы текли по его лицу ручьями, и я даже испугался, как бы хохотун не свалился на пол.

«В такие моменты, столь обычные для большинства людей, я всегда жалею, что у меня никогда не было человека, с которым можно было бы просто поболтать за жизнь. Не одолжить денег, не пойти в новый открывшийся парк или на идиотскую выставку и с умным видом говорить о всякой ерунде, о дивном наложении красок и бесполезных именах, которые прославлены намного более, чем имя героя, спасшего ребёнка из горящего дома, и стоять там, пока не отвалится поясница, а потом убеждать себя, что ты великолепно провёл время и что надо собираться так почаще, а именно так — просто, как пила, и так же действительно...»

Да и как, собственно, может появиться этот друг, в моей-то профессии? Если человек не являлся моим коллегой, то при виде меня падал в обморок или натягивал вороватую лицемерную улыбку. А дружить с такими же, как ты, дознавателями, равносильно знакомству с маньяком: у каждого из мастеров пыточного дела свои тараканы, и обмениваться ими — значит навсегда потерять человечность и рассудок. Людям моей профессии нужно общаться с обычными, ничем не примечательными личностями, но они бегут от меня, как крысы с тонущего корабля... Может, я и в самом деле тонул, и они не хотели, чтобы их задело волной...»

— Что ты делаешь? — я поднял голову и увидел перед собой три заполненных рюмки и тарелку мясных деликатесов.

— Знаешь, Лойд, мы не с того начали. — крепыш пригладил бороду и произнёс: — Работа работой, а знакомство — знакомством. Выпьём!

Услышав заветные слова, киллер бросил газету, подтянул к нам свой стул и спешно взялся за рюмку.

— Слушайте, ребята, на часах только десять утра, к тому же — мне ещё нужно узнать про яды...

Гном стукнул по столу с такой силой, что водка в рюмках расплескалась по столу.

— Мой дорогой, расскажу обо всех ядах на свете, как полагается! И не думай, что Хейни Бурдон — пустозвон! — негодник сложил два пальца и пододвинул одну из рюмок к моей руке. — Но всякая порядочная беседа, как соски ни крути, начинается с рюмки. Это необходимое условие межрасового существования.

Эльф икнул, соглашаясь со словами друга. Бурдон покраснелся.

— Ты что, уже выпил, сволочь!

— А что такого? — поинтересовался остроухий и взял какую-то из пробирок. Затем он засунул туда свой любопытный нос и от одурманившего его запаха откинулся на спинку стула. — Вы пока болтать закончите, я уже весь слюной истеку.

— Слюна на водку — молодит бородку. — сказанул гном и опять повернулся ко мне: — Давай, дружище, всего по одной. Ради нашего счастливого будущего.

«Выхода нет»

— Ну, разве что по одной... — я неловко взялся за рюмку и мигом получил хор аплодисментов и оваций.

— Так и надо было начинать, дружище! — обрадованный гном подлил Эйвариллиану пойла и поднял занятую рюмкой руку вверх. — За знакомство!

— За него! — единым голосом ответили мы с эльфом и пропустили по стопочке.

Горло прожгло так, будто я влил в него раскалённого железа. От непонятной субстанции у меня брызнули слёзы.

— Не бойсь, этот спирт ещё никого не убивал... По крайней мере, на этой неделе. — мелкий шутник оскалился. — И

вообще, водка — первейший спаситель от яда. Не пройдёт и часа, как ты восстановишь своё здоровье и будешь лучше себя прежнего.

— Запою сопрано и научусь делать стойку на руках?

— Кто знает. У спиртяги Хейни всегда были особые целебные свойства, — Эйвариллиан хмыкнул. — Кстати, Хейни, почему у мальчика, который спёр у Лойда сапоги, оказался такой хороший яд?

— О, это довольно просто, — гном распрямил плечи и приготовился рассказывать на пальцах. — Если какой-то гамадрил займёт в друзьях богатенького хлыща, то он легко купит себе Керийский.

— И можно ли отследить эту покупку? — не отвлекаясь от созерцания гнома, я наугад потянулся к тарелке с колбаской и захватил оттуда салями.

— К сожалению, это невозможно. Керийский много, кто покупает, и много, кто продаёт, так что найти даже весьма приметного негодяя — сложная задача.

— А лавиорт?

— Что «лавиорт»? — гном непонятливо захлопал глазками.

— Его достать проще или сложнее?

— Да его на каждом углу суют, как монеты шлюхам в трусы, — брякнул киллер, подливая себе уже третью рюмку. — Это самая распространённая отравка в городе: подсыпал кому-то в пиво, и этот человек срёт кровью полдня и молит богов о прощении.

«Что-то я не помню, чтобы от Симона дурно пахло...»

— Ты балда, Эйвариллиан! — воскликнул гном, незаметно наливая нам по новой. — Я тут мастер ядов, мне и отвечать!

— Так ты не согласен с моими умозаключениями?

— Чтобы умозаключать, нужен ум, а у тебя его нет... Но ты прав, Лавиорт неплохое слабительное. — вынужденно сказал гном и внезапно грохнул: — Ну что, Лойд, ещё по писюрику? За здоровье...

Я поднял глаза к потолку. Ещё одной дозы спирта я мог не выдержать, поэтому пришлось пойти на попятную:

— Мне уже в полдень надо быть у нанимательницы, чтобы взять показания у семейства де Ребер, так что...

— Ладно, хер с ним, со здоровьем, и так хорошо живём — давай за любовь! — брякнул эльф, готовый съесть вместо колбасы рюмку.

— За любовь? — я посмотрел на собутыльников с ноткой недоверия. Уж кому-кому, а им пить за женщин — противопоказано.

— Конечно, за любовь. — поддержал товарища гном. — Путь сейчас мы и не любим, но хотим же мы любить, так что выпьем, братья, дружно, чтобы лучше пошла жизнь!

— Ах, с-сука, в рифму! Умеешь завернуть. — эльф поднял рюмку к потолку и воскликнул: — За любовь!

Я очень хотел отказаться, но не решился разочаровывать товарищей, пусть и временных. Иногда к неудовольствию понимаешь, что нужно уметь ценить всякий момент, даже такой: когда ещё за тридцать лет мне выпадал шанс поболтать по душам?

— А теперь к нашим баранам, — гном прикусил вяленой колбаски и спросил: — Почему ты вспомнил о Лавиорте?

— Им убили одного человека.

— Чтобы убить Лавиортом, его надо с чем-то смешать. Опиши симптоматику.

Я стал припоминать вид Симона и заключение служивого по этому поводу:

— Жёлтые пятна на коже, выпадение волос, а также опухший язык.

— Хм, любопытно, — мастер замаял бороду. — Странное ощущение. Вроде бы и помню, что это... А вроде бы и забыл к хренам собачим.

— Что, сложный яд?

— Нет, просто это слишком общая информация для лавиорта, ведь эту дрянь мешают со всем подряд: я могу выделить сразу тройку ядов. — гном беспомощно пожал плечами.

— Значит, эта соломинка тупико...

Не дав мне закончить, Эйвариллиан выпалил:

— Не бывает тупиковых соломинок! Мы лично пойдём в морг и вскрыем этого парня, как рыбу-фугу! — ушастый достал стилет и всадил его в стол на два пальца.

— Моя борода, это же чистый дуб! А ну, вынимай! — раззадоренный гном отвесил товарищу подзатыльник, а затем отчего-то с задумчивостью взялся за подбородок. — Но Эйвариллиан прав, надо осмотреть этого парня. Чисто из любопытства.

— Я собирался навестить крематорий вечером. Только вот, я не знаю, где он находится.

— В каком квартале нашли труп?

— Святого Кларисса.

— Значит, это Грейвский Крематорий. — гном понятливо закивал. — Хорошо, девять вечера и мы там. Лом брать?

— Зачем лом? — эльф неясно замотал головой.

— Чтобы кого-то в этом крематории отхерачить! Зачем же ещё берут лом в то место, куда сложно проникнуть?

— Ааа... а я думал, сдадим его в металлолом, — пьяница повалился на стол, так и не вытащив стилета, и уже спустя минуту дал мощного храпака.

— Пьянеет по щелчку пальцев, но пьёт за троих. — пояснил Бурдон и вытащил оружие из стола легким движением руки. — Через минут пять он проснётся и потребует новую бутылку.

Я с пониманием закивал. Гном счёл это за предложение.

— Ну что, ещё по стопочке?

— Нет-нет, — я отрицательно замотал головой. — Надо идти на работу...

— Лойд, зачем работать, если можно не работать?

Вопрос поставил меня в тупик. И вправду, зачем? Неужели, чтобы всегда было, что поесть, что попить и где поспать? Глупости. Работать нужно никак не за этим.

— Давай за нашу с тобой дружбу, — в конце концов проронил гном, не зная, как бы ещё заставить меня притронуться к спирту.

— Дружбу? — я задумался. — Нас можно назвать друзьями?

— А ты считаешь, что нельзя? — обиженно сказанул Хейни и наклонился ко мне. — Лойд, друг измеряется не временем, которое вы вместе провели, а значением, которое он для тебя имеет. Что, я не имею для тебя никакого значения?

— Нет, что ты, — когда в опасной близости от тебя сидит пьяный гном со стилетом, ему лучше не грубить. — Конечно же имеешь!

— Так хули ты не пьёшь, манда лопушина! — хозяин лавки вонзил стилет в стол повторно и расколол дубовую доску надвое. От увиденного его постиг шок: крепыш протёр избитый стол и, чего я совершенно не ожидал — заплакал.

— Хейни, что с тобой? — я взял моего собутыльника за плечо и легонько затряс.

— А я ведь кормил её с этого стола, мою Лидию. Учил. Мы даже занимались здесь любовью...

Я издал выразительное «кхм» и перестал опираться на стол.

Гном утёр глаза кончиком рукава и горько вздохнул: кажется, этот маленький человечек знал что-то такое, что очень тяготило его жизнь. Возможно, он был не алкоголиком, а мудрецом... В принципе, одно не исключает другого, но это, как правило, редкое сочетание.

— Выпьем, Лойд. За мою Лидию и твою... Кто у тебя там?

— Пускай будет... — я неожиданно заколебался. Любимого женского имени у меня больше не было. — Знаешь, давай за Сабрину.

— За Сабрину и Лидию. Пусть им будет хорошо в Вербедере!

— Что?..

Собутыльник буквально поднёс рюмку к моим губам. Пришлось выпить. От очередного

спиртового удара моя новая печень сказала «прощай, мы расстаёмся», забрала все свои монетки и укатила на море.

— Ох, хорошо-то как, — гном приобнял меня и занюхнул спиртное об мою голову. — Всё-таки 60-процентный спирт — вещь. И не утверждай обратного.

Я почувствовал, как к моему горлу подходит ком... Также я был готов расплакаться, но всё же сдержался.

У каждого своя мудрость, в зависимости от склада души. Моя для меня столь же бесспорна, как ваша для вас.

Джек Лондон. Мартин Иден

На улице графа Валуа было так же тихо, как в Раю. Божественную тишину лишь изредка нарушали немногочисленные прохожие, которым было отчего-то жизненно необходимо идти по раскалённому тротуару в летний полдень.

Под тенью дивных лип, на новенькой лавочке, в солнечных очках из горного хрусталя и натянутых по глаза шляпах сидело двое измордованных персон. Весьма смешной вид этих щёголей, одетых в самые нарядные и яркие платья, говорил о том, что они хотели вырядиться как можно поприличней.

— Гарри, вот скажи, и зачем мы здесь сидим? — заговорил один из собеседников, как только ему надоело смотреть в газету по десятому разу.

— Ждём де Салеса.

— Лойд что, живёт на улице графа Валуа? Тогда почему он просто не отдал нам долг и не забыл о нас навсегда?

Гарри мучительно всхлипнул.

— Гербан, ты чем слушал, когда босс рассказывал нам о работе де Салеса?

— А я и не слушал: у меня после вчерашнего проблемы со слухом.

Гарри взялся потирать виски — от разговоров с коллегой у него болела голова. Закончив, мужчина продолжил:

— Де Салес работает на де Вилларе. Он обязательно должен прийти к нанимателю, рано или поздно. Как только появится на горизонте — валим его, крутим в ковёр и уносим.

— Понял... А где ковёр? — Гербан в растерянности посмотрел на товарища.

Гарри опустил газету и прожёт громилу взглядом.

— Это ведь ты должен был взять ковёр.

— Нет, такого базара не было, я точно тебе говорю...

Мужчина не выдержал, разорвал газету пополам и выкинул её остатки в урну.

— И почему именно мне попался человек, которому в арбузе семечек не хватает?! Может, это наказание за то, что я наругал матери, когда мне было 16...

— Точно, брат! Наверяд ли это из-за нашей работы: боги понимают, что лупить людей тоже надо, хоть изредка, но всё же надо. Тем более, мы никогда слишком далеко не заходили: так, по морде съехать, должницу отгарабанить, пальцы поломать. Ну разве это грех?

— И я о том, Гербан: мы с тобой — два праведника, наказанных нашим неравным интеллектуальным союзом. Наверное, боги проверяют нас перед тем, как пустить в Рай.

Забывший ковёр святоша согласно закивал. Он бы с удовольствием развил мысль их общего с товарищем благородства, если бы его философский настрой напрочь не сбил шум, доносящийся с конца улицы.

— Ты слышишь? — Гербан напряг слух. — Кажется, будто бы обезьяна раненная плачет...

— Какая к херам обезьяна! — Гарри взорвался, как сгущёнка в кастрюле, и искренне возжелал придушить собеседника шнурком от обуви. — Ты же оглох, идиот, как тебе удаётся

ещё что-то там слышать?

— Так сам послушай!

— Хера мне там слушать... Погоди, — мужчина уловил смутное очертание звука и был вынужден ненадолго прервать свою тираду.

Весёлые выкрики разнеслись по улице и эхом отразились от приусадебных стен. Им вторили стуки латных сапог о мостовую.

— Кажись, это музыка... — заключил глухой громила с некоторой неуверенностью.

— Музыка?

Парочка вслушивалась в городской шум, пока выкрикиваемые слова не стали настолько отчётливы, что начали ложиться в строки:

— Я купил козу на рынке, оказалось, что козёл, захотел дать ему в бубен, чтоб не лез он на рожон! — простенькой частушке вторили удивлённые, а зачастую и оскорблённые крики прохожих.

— Я купил цветочки тёще, чтобы лапать было проще, но она всё не хотела, внука делать, как умела! — богатейший район города разом издал недовольный вопль.

— Лейтенант зашёл в бордель, чтобы девке дать лещей, потому как дома он, не король — а пи***гон! — прогремело на всю улицу, после чего к биению латных сапог подключился злобный свист.

Дуболомы растерянно переглядывались. Неизвестные частушки произвели на них эффект, сравнимый с курсом алгебры.

Пожалуй, никто из обитателей Королевского района не знал, что ему предпринять, и только сам певец свободы имел на этот счёт особое мнение:

— Дознаватель парень хитрый, и хлебальничек ехидный, но, девахи, знайте дружно — обожает мастер гузно!

Вскоре в пределах видимости появилась эмалевая карета. Это из неё доносились эти оскорбительные вопли.

Громкий экипаж остановился около поместья де Вилларе, и из него вышел пьяный в стельку молодчик. Он проронил кучеру: «благодарствую, Рубиус, сдачи не надо» и направился ко входу в резиденцию. Хозяин дорогой колымаги тут же принялся жаловаться, что его зовут не Рубиосом и что денег ему никто не давал, и пообещал вызвать полицию в случае неуплаты, но юноша его уже не слышал: он всю стучал по двери, распевая матерные песенки.

— Чёрт, Гербан, бегом!

Гиганты подорвались с места и рванули за объявившимся супостатом. В этот раз они не могли проиграть: в их руках было самое запрещённое и опасное оружие, какое только может быть — магические ножи, высасывающие из противника физическую силу, сковывающие магию наручники, взрывчатые вещества и, что немаловажно — успокоительное...

Но коварному плану двух святых помешало вполне очевидное обстоятельство — двери. Они открылись перед Лойдом де Салесом и закрылись прямо перед их носом. Трагедия, не иначе.

— Вот же! — красный Гарри разочаровано врезал по воротам усадьбы, прислонился к стене и постепенно сполз на землю. — Гербан, может, на нас порча или сглаз?

— Не говори ерунды, в такое только эти верят, — коллега пригорюнившего громилы покрутил у виска пальцем. — Гомосексуалисты.

— А почему именно гомосексуалисты? — Гарри с любопытством взглянул на мудрого

товарища.

— Ну так, если они верят, что мужчина может хотеть другого мужчину, то и в порчу, они, стало быть, тоже верят, ведь и то, и то — сверхъестественные заклинания.

— Получается, заключённые в тюрьме магией занимаются?

— Выходит, что так. — философ закивал. — А что, в тюрьме порчи наводят?..

Красный Гарри отвернулся от собеседника и горько вздохнул. В его голове крутились навязчивые мысли разного рода, в том числе и такие, о каких он сам вспоминать-то и не желал: например, мысли о том, как он в очередной раз будет объясняться перед боссом. Де Салес ведь — раз, и ускользнул. А отвечать кому-то надо, и, как правило, кому-то более умному.

В то время, пока парочка решала, как же они поймают де Салеса, а водитель кареты решал, как же именно он вытрясет из подлого клиента деньги, к усадьбе подбежала группа вооружённых людей. Все они были одеты в сияющие доспехи и носили плащи.

От дневной жары стражники еле стояли на ногах. Пот лил с этих бедных персон градом, и никакой из прохожих не мог с уверенностью сказать, откуда данные вояки вышли — из-за угла или же из какого-то водоёма: столь они были мокры. Палящее солнце накалило латы бойцов до такого состояния, что на них с лёгкостью можно было пожарить яичницу.

— Ну, что, уважаемые, — один из стражников, мокрый настолько, что ручьи пота закрывали его лицо, вышел вперёд. — Попели, повеселились, пора и честь знать. Пройдёмте с нами.

— Чего? — молодчики мистера Пастушка непонятливо переглянулись. — Куда это пойдём?

— Как куда? В участок. — рыцарь вытащил меч из ножен и направил его на Гербана. — Думали, можно ворваться в центр городской культуры и распевать беспардонные стишки?

— Погодите! — Красный Гарри почувствовал неудачное развитие беседы и понял, что действовать надо быстро и решительно. — Так это не мы, а некий другой гражданин, — мужчина указал на усадьбу и молвил: — Этот негодяй сейчас там!

— В усадьбе де Вилларе? — страж порядка нахмурился.

— Ну да! — поддержал товарища Гербан, с опаской опустив глаза на острие близ его груди. — Похоже, спит он с ней, с этой де Вилларе, раз так часто туда ходит...

Красный Гарри набросился на коллегу-болтуна и закрыл ему рот прежде, чем он успел вымолвить ещё хоть слово.

— Не слушайте его, господа-стражники, он у нас в семье больной!

На рыцаре не было лица: ещё никто не говорил о ком-то из его нанимателей в таком тоне. Ярость настолько сковала его движения, что он даже не мог спрятать меча в ножны. Лишь с помощью коллеги по оружию, такому же потному бедолаге, мужчина смог с этим справиться. Затем же он, не без удовольствия, достал дубинку. Его примеру последовали и другие стражники.

— А зачем вам дубинки, ребята? — легко поинтересовался красный Гарри, внутри содрогнувшись от страха.

— Мух отгонять. — любезно ответил рыцарь и затем легко и просто пробил Гербану голову.

Громила свалился без чувств. Его коллега попытался сбежать, но был быстро схвачен и опрокинут на землю. Бандитов били до тех пор, пока они не перестали шевелиться. Кучеру тоже досталось: за здорово живёшь его сбросили с козел и отпинали латными сапогами.

После избиения мужчина даже не мог встать. О деньгах он даже и не думал.

Завершив экзекуцию, рыцари отогнали экипаж в тень и пошли по своим делам, мокрые и довольные. Помощники Джейме Пастушка остались лежать на земле.

— Гарри?..

— Да?

— Наверное, на нас порча...

Не ищите злой умысел там, где все можно объяснить глупостью.

Наполеон Бонапарт

В момент наивного опьянения, граничащего лишь, вероятно, с не менее наивной смертью, обычно и не догадываешься, что мертвецки пьян: кажется, что все люди вокруг — глупые раздолбай, не понимающие ни слова из того, что ты так упрямо пытаешься им донести, и даже больше — тебе кажется, что это окружающие приняли на грудь лишнего, а никак не ты, и теперь несправедливо обвиняют тебя в злоупотреблении спиртными напитками.

— Бессовестный разбойник! — Броуди де Вис впечатал меня в дверь.

От удара моя голова загудела, как церковные колокола.

— Вы знали, что у вас назначена встреча, но снова напились и опоздали! У вас алкоголизм и ненормальная боязнь приходить вовремя!

— Это непр-р-равда! — я схватил вруна за седую бороду и притянул к себе. — Сегодня первый раз, когда я позволил себе немного лишнего... Но, спрашивается, кто ж знал, что это почти чистый спирт?

От праведного негодования лакей чуть не упал в обморок.

— Спи... Спирт? — глаза несчастного вылетели из орбит. — Вы пили чистый спирт за день до встречи с господином де Ребером и его сыном?!

— Почему это за день? — я протяжно икнул. — За пару часов.

Броуди схватился за голову.

— Ох, горе мне, горе!

— Да-да, алкоголя было море! — согласился я со старичком. — А в конце мы зачем-то выпили на посошок. А потом на прощание. А потом... А потом я почему-то не помню. Кажется, опять за встречу?

— Вы меня спрашиваете? — от непомерной злобы лакей приобрёл цвет законсервированной сливы.

— Ну да. — я пожал плечами. — А вас там разве не было?

— Меня?! — де Вис взял меня за шкуру и начал трясти, как дерево с золотыми яблоками. — Что вы себе позволяете, негодяй!

— Это я себе позволяю, это я?! Между прочим, это вы тянете меня за рубашку, а не я вас! Вам должно быть стыдно, дорогóй — вы наговариваете на хорошего человека!

По обезображенному лицу старика было заметно, что он отчаянно боролся с желанием меня ударить. В конце концов, в долгом сражении победил разум... и старик кинулся на меня с кулаками и оскорблениями. Я быстренько его отшил и культурно направился по тропинке на четвереньках.

Впереди мелькал дом Жозефины де Вилларе. В тот момент он казался мне самым желанным местом на планете.

— Стойте! — неугомонный лакей вылетел из-за угла и крепко схватил меня за ногу. — Не пушу... погодите, а ведь это моя обувь!

— Глупости, эти сапоги всегда были моими! Вам показалось!

Дедок зарычал. Мы возились на чёрной земле, как самые порядочные в мире пьянчуги.

— В любом случае, вам запрещено встречаться с госпожой в таком непристойном виде!

— Ты что, раздел меня, сволочь? — я сжал кулак и дал негоднику в бубен.

Лакей отлетел в кусты с разъярённым визгом. Я же пополз дальше.

«Семейство де Ребер — Владельцы Серебряных рудников. Прародитель их клана — сам генерал. В высшей степени замечательная партия для де Вилларе!»

— Ага, попались! — старик неожиданно выпрыгнул из кустов и повалился на меня, надеясь придушить. — Не пущу! Можете бить, но не пущу!

Я скинул седого глупца со своей спины и поплёлся ко входу в дом. Залез на первую ступеньку, подышал, забрался на вторую — отдохнул, и так ещё пять раз. К концу пути я жутко устал и нуждался в кровати.

— Жозефина! — воскликнул я, прислонившись к входной двери. — Жозефина, впусти меня! Ах, Жозефина! За что вы со мной так? Моя милая Марианна...

Я свернулся калачиком и заплакал. Делать совершенно ничего не хотелось. В таком упадочном состоянии меня и застала служанка: дама открыла входные двери и, сначала посмотрев по сторонам и не найдя источника шума, собралась их закрыть, но как только я подал голос — смешное хныканье, удивлённо опустила голову и застала меня рыдающим.

— Что с вами такое? — женщина попыталась меня поднять, но я ни в какую не желал вставать с порога. Ей пришлось отступить. — Вам плохо?

— Ах, милая Марианна...

Вскоре к нам подошёл Броуди де Вис, измятый и грязный. Завидев Анну, старик попытался встать боком, чтобы она не увидела его в малодостойном виде, но, поняв, что такой ужас ничем не прикроешь, он смирился и перестал ужиматься.

— Что с ним? — спросила Анна, указав на меня брезгливым кивком.

— Напился, скот проклятый. — Броуди хотел плюнуть под ноги, но, заметив, как негодующе дёрнулась бровка Анны, сдержался.

— Анна, быстрее веди господина детектива, мы уже устали ждать! — слышался властный голос из глубины дома. — И прикажи Беверли сделать нам чаю!

Анна ещё раз посмотрела на мою развалившуюся на пороге фигуру.

— Как думаешь, он будет зелёный чай?

— Налей ему спирта, не ошибёшься. — проворчал старик и, поднявшись ко входу, начал меня расталкивать. — Вставайте, господин детектив, пора расследовать! Только сильно не дышите, и вообще — постарайтесь сесть от госпожи подальше, чтобы она не учуяла запаха.

— Марианна, моя Марианна, и зачем ты так со мной поступила? — я обхватил старика за ногу и принялся её гладить. — Я мог дать тебе всё и даже больше, а ты?.. Бросила меня ради мести. Разве я виноват в том, что твой отец был плохим человеком?.. И пусть мы были с ним в какой-то мере дружны, но я ведь не мог помочь ему и предать государство. Ты ведь меня понимаешь...

И тут на меня вылили графин. Вода была такой холодной, что я на миг вернулся в реальность и понял, что обнимаю чужой сапог. Это неприятное осознание вынудило меня подняться и, невзирая на головокружение, направиться на второй этаж. Броуди шёл за мной по пятам, боясь, как бы я не свалился на одну из семейных реликвий, расставленных в коридоре.

Хозяйка дома и её гости пребывали в гостиной. Я уже был там ранее, если быть точным — вчера, и, помнится, эта гостиная оставила на меня самое приятное впечатление.

И за день ничего, по большому счёту, не изменилось: она была по-прежнему прекрасна... И говорю я уже не про помещение, хотя оно, признаться, тоже соответствовало

моим мещанским вкусам — я говорю исключительно про одетую в чёрное хозяйку, от которой по-прежнему исходил аромат ванили, сандалового дерева и белого кедра. Мне хотелось её съесть.

— Добрый день, мистер де Салес, — сладко молвила аристократка. — Вы вновь припозднились.

Последнее было сказано ровно тем же тоном — весьма приторно, но при этом я отчего-то ясно понял, что мной решительно недовольны.

— Задержали на работе. — вежливо ответил я и, криво поклонившись, сел в самый дальний угол, накрытый тенью от портьеры.

Гости оказались этим недовольны.

— И куда же вы от нас спрятались? — подал голос рыхлый аристократик в дорожном костюме. — Я хотел поговорить с детективом лицом к лицу, как и мой сын. Верно, Гауэйн?

Полненький юноша перестал ковыряться в носу и, плохо соображая, о чём его просят, сказал неуверенное «да».

— И правда, Лойд, зачем же вы спрятались? Мы не кусаемся. — де Вилларе улыбнулась. — Присаживайтесь ближе. Я уже успела соскучиться по вашему прагматичному лицу...

Я неохотно пересел. Солнечные лучи осветили моё опухшее лицо.

— Что с вами? — женщина изобразила волнение. Притворное, как и всё в ней. — Неужели, на вас напали?

— Да. Вчера я спасал даму от моряков...

— И затем опоили её водкой. — язвительно добавил де Ребер старший, ослабившись от собственной хохмы. — От вас так несёт спиртом, что если бы я встретил вас на улице, а не здесь, то я бы продумал, что вы — обычный забулдыга.

Жозефина усмехнулась. Это стало для меня непоправимым ударом: я разревелся, собрал пожитки и ушёл прочь из города, не имея больше никаких моральных сил выносить такое унижение... Но перед этим уточнил:

— Я выпил, чтобы заглушить боль — у меня сломаны рёбра, — и кажется, я почти что не врал: после вчерашнего моё тело жутко болело. — А вы?

— Что? — дворянин насупился.

— А вы вчера выпивали?

— Какое отношение это имеет к делу?

— Прямое. Как палка, которой бьют собак.

Мужчина не стал отвечать и уязвлённо посмотрел на хозяйку дома. По озорному виду женщины я понял, что происходящее ей весьма нравилось, и что, не будь её дочь в опасности, она бы с удовольствием продолжила смотреть, как пьянчуга и ненавистный ей идиот пререкаются между собой по разным вопросам. Идиотом, как вы понимаете, был, конечно же... Я.

Чтобы уважить владельца серебряных рудников, дама приняла позу и, враз посуровев, молвила:

— Мистер де Салес, мне очень не нравится ваше сегодняшнее состояние. Вы проявили неуважение, явившись к моей будущей семье в таком виде, и если бы не дочь, то я бы выкинула вас на улицу с самого начала, как только вы заползли в эту комнату, еле держась на ногах и сдерживая рвотные позывы. Вам ясно?.. Лойд?..

Признаюсь, монолог был таким долгим, что я немножко уснул. Даме это, вероятно, не

очень понравилось, поэтому она рассерженно топнула ножкой, и я резко подорвался с места.

— А, что?

— Вы всё поняли? — с нажимом переспросила аристократка, хмуря бровки.

— Да-да, уразумел и раскаиваюсь, — ответил я и несерьёзно махнул на собеседников рукой.

Де Ребер грозно засопел. В тот момент он был похож на разъярённого красной тряпкой быка, и, думаю, не так трудно догадаться, кто же исполнял роль тряпки.

— Всё это смехотворно, моя дорогая: вы наняли обычного шута, — заговорил негодник, будто бы меня больше не существовало в этой гостиной. — Данный мальчишка никогда не найдёт вашей дочери, будьте в этом уверены!

Светская львица обиженно поджала губы: критика оказывала на неё такое же влияние, как на шпиона — гимн вражеской страны. Но дорогой свекор, казалось, не заметил этого и продолжил:

— Если камнем преткновения в таком нецелесообразном выборе стали деньги, то...

— Вы, конечно же, одолжите их моей нанимательнице, потому как у вас их очень много. Поздравляю.

Негодница, к коей было адресовано прошлое предложение, шаловливо улыбнулась: я ей нравился. На бедном же де Ребере пропало всякое лицо:

— Вы... вы... за оскорбление дворянина вам полагается десять плетей! — рассерженный грубиян встал, чуть не опрокинув предназначавшуюся ему чашку с чаем, и, грузно оперевшись на стол, принялся вскрикивать: — Вы, тля, и не представляете величину моего положения! Мой отец, да-да, мой отец, был генералом Армии и подавил восстание в Вербедере!

Гауэйн, счастливый глупец, потому как все идиоты — счастливцы, смотрел то на отца, то на меня, то на портрет возлюбленной за моей спиной и так и не мог решить, кого ему надо уважить больше: изображение, ровесника или папашу.

В конце концов, крики свёкра вынудили хозяйку дома отодвинуть дивный стульчик-кресло и встать. Как только она это сделала, де Ребер старший сразу же замолчал, и не оттого, что обладал какими-никакими манерами и уважением к даме, а единственно потому, что рассерженная Жозефина была выше сего гневливца на пол головы и, я больше чем уверен, могла вполне скрутить его в бублик.

— Сейчас же сядьте!

Сын генерала покорно плюхнулся в кресло. В тот момент ему было так страшно, что он предпочёл умолчать о праве свободно высказываться где бы то ни было. Я улыбнулся...

— А вы, — дама повернулась в мою сторону, и я выпрямился по струнке. — Чтобы я больше не слышала, как с ваших уст срываются всякие глупые вопросы!

Женщина последний раз окинула помещение строгим взглядом и, не найдя недовольных, примостилась обратно на стул.

— Прямо сейчас, возможно, прямо в эту минуту, с Адель творят ужасные вещи! Вам должны быть стыдно, господа!

Де Ребер старший понуро опустил голову. Гауэйн, хоть и не был повинен исключительно ни в чём, кроме своего идиотского вида, последовал примеру отца и тихо склонился над чашечкой с кофе.

Аристократка обратилась ко мне. Я невинно икнул и достал из широких штанин потрёпанный блокнот. Женщина агрессивно задышала, ломая всевозможные стереотипы о

том, что нельзя работать лёгкими с какой-либо интонацией.

— Итак, — не обращая на неё внимания, я повернулся к парочке де Реберов. — Начнём беседу... Вы ведь уже общались с Адель до её пропажи, ведь так? Любой мужчина захочет узнать невесту до свадьбы, даже если этот брак был давно спланирован и отменить его никак нельзя...

Старик де Ребер скривил губы в адской гиперболе и, судя по обезображенному гневом лицу, вознамерился оскорбить меня повторно, но вид сидящей рядом безутешной матери вынудил его глубоко вздохнуть и не без скрытой агрессии ответить:

— Конечно, мы с ней уже виделись! Верно, Гауэйн?

Мальчишка активно закивал. Вкупе с его поникшими плечами выглядело это весьма жалко.

Я причмокнул. Без удовольствия.

— Что бы вы могли о ней сказать?

Вопрос поставил владельца серебра (ясное дело, не столового) в тупик.

— Что вы имеете в виду? — переспросил он спустя пару секунд, закинув в маленький рот кубик сахара.

— Каков её характер? Прельщала ли девушку идея замужества в столь раннем возрасте с таким... своеобразным молодым человеком?

Гауэйн странно на меня посмотрел. Я немного испугался, но, не заметив в его взгляде и намёка на обиду, был вынужден признать, что молодой человек скорее удивился, нежели огорчился.

— И что вы хотите этим сказать? — старший де Ребер помрачнел, как грозовая туча, хотя и до этого его было сложно сравнить с кустистым облачком. — Намекаете, что сын Бернара де Ребера может кому-то не понравиться? Быть может, по-вашему, Адель попросту сбежала, чтобы не выходить замуж за моего сына?

Хозяйка отставила чашечку и спешно затараторила:

— Бернар, детектив не это имел в виду! — и строго на меня посмотрела. Того гляди, укусила бы. — Он лишь хотел сказать, что все мужчины столь различны меж собой, что Адель могла запутаться в том, а подходит ли ей Гауэйн...

— Глупости! — вдруг рявкнул юноша, обратив на себе всё внимание гостиней. — У меня третий разряд по шахматам, лучшая ездовая лошадь и коллекция самых редких бабочек, насчитывающая более ста видов. Если я ей и не понравился, до это единственно из-за того, что она не видела настоящих мужчин в своих барах и клубах...

— Я бы попросила! — возмутилась Жозефина. — Моя дочка одна из самых порядочных женщин, каких мне только доводилось встречать!

Говоря очевидное враньё, мисс сарказм едва сдерживала предательскую улыбку.

«Негодница...» — я присмотрелся к хитрюге и незаметно ей подмигнул. «Если бы де Ребер младший только знал, сколько у тебя было мужчин, то он бы лишь на основании этого факта усомнился бы в благородстве твоей дочери...»

Дама сделала вид, что не замечает моих праздных намёков, и скрылась за чашечкой, как за веером.

Гауэйн не успокаивался, и де Ребер старший принялся несуразно похлопывать его по плечу.

Конечно, более опытный Бернар понимал, что дыма без огня не бывает, и что слухи о младших де Вилларе, если и не преувеличены, то, по крайней мере, имеют место быть, но

сказать это сыну, признаться в том, что устроил его брак с ветреной любительницей текилы ради укрепления рода, равносильно отмене бракосочетания. Поэтому, как только мальчик успокоился, старший де Ребер почти с просьбой молвил:

— Опустим версию с побегом. Она надуманна, вы так не считаете?

«Сказать ли ему правду... Нет, лучше не стоит: пока детектив не услышал версии допрашиваемых, он не обещает им воздушных замков»

— Пока не знаю, мистер де Ребер... — внезапно в моём теле заиграл спирт, и я вынужденно схватился за голову: гостиная плыла, как пластилин на солнце. — Пока подытожим: значит, вы не считаете, что Адель могла сбежать?

— Нет, не считаю! — ответил за отца Гауэйн, но, как только заметил мой рассерженный вид, умолк.

— Да, не считаем. Я видел Адель всего пять раз, но всё это время был о ней самого высокого мнения. Это тихая, скромная, молчаливая девушка. Просто идеальная жена. Никогда не спорила, как любят делать всякие самодовольные представительницы её возраста, не ругалась, имела представления о географии, физике, химии...

— А на мой взгляд, всё это лишнее. — высказался Гауэйн, перебив адресованные его невесте похвалы. — Спрашивается, и зачем женщине химия?

— Чтобы быть образованной дамой и, например, разбираться в составе косметики. — шутливо пояснила Жозефина, впрочем, весьма недовольная мнением будущего зятя по этому вопросу.

— Я глубоко убеждён, что дамам, с их-то маленьким мозгом, не нужно этой образованности, мисс. — не согласился паренёк, игнорируя осудительные вздохи родителя. — Какой смысл женщинам знать географию или разбираться в политике, если их прямая и, пожалуй, единственная задача — сохранять тепло в доме и растить детей? Не проще ли научить их шить, варить суп и стирать носки, а не преподавать им курс алгебры, который они никогда не поймут?..

Я уловил возмущённый скрип каблука. Юноша было порывался продолжить, но я спас его от ужасной участи изнасилованного женской обувью и отвлёл насущным вопросом:

— Не подскажите, а кто такой этот... Антуан де Барнуа? Вчера я записал его имя в блокнот, но с тех пор так и не успел узнать, где он живёт и как с ним можно связаться.

Семейство де Реберов разом фыркнуло.

— Ооо, этот человек вполне мог расправиться с бедной Адель. Крайне удачно, что вы припомнили его дурное имя, — на лице Бернара заиграли желваки.

«Какая сумбурная и дрянная беседа! Будь у меня зубочистки и кресло, дело бы пошло куда веселее...» — я грустно вздохнул и принялся слушать самую скучную историю на свете.

Антуан был молодым обаятельным игроком в карты и, по слухам — шулером и бабником. Он всё никак не мог жениться и нечаянно упустил из виду тот момент, что наследство бабуля решила, в общем-то, не делить. Как только молодой человек узнал о предстоящей помолвке юного родственника, он порывался получить аудиенцию с де Ребером старшим, чтобы обсудить насущные вопросы, но встречи так и не получил — его с позором продержали в списках ожидания целый месяц и в итоге вычеркнули.

— ...И теперь он мстит нам, желая отобрать одно из самых красивых поместий в Империи, которому насчитывается больше шести сотен лет. — завершил свой рассказ де Ребер, обливаясь потом от негодования.

— Вам всего-то нужно под каким-нибудь предлогом проникнуть к нему домой, на

Соулс-стрит, и найти там мою невесту. Уверен, он её не тронул: Антуан тот ещё подлец, но крови боится, как девчонка! — Гауэйн захрюкал.

— Эм... — я забыл вопрос и с трудом сдержал рвотный позыв. — Ох, есть ли у вас ещё подозреваемые? Как я знаю, богатых и влиятельных людей всегда имеются конкуренты, недоброжелатели и прочие... подлые завистники.

— У меня много соперников, это правда, — не стал отнекиваться де Ребер. — Но все они столь влиятельны и уважаемы, что им попросту нет резона портить свадьбу моему сыну: у них, как говорят в ваших детективных агентствах, нет мотивов...

Я кивнул. Пора было заканчивать.

— Можно ли мне пообщаться с Гауэйном наедине?

Де Реберы переглянулись.

— А зачем вам это? — спросил старший, смешно надув щёки. — Если у вас ещё есть какие-либо вопросы, обсудите их со мной. Так, Жозефина? Жозефина?..

Кокетка подпёрла щёчку и мирно задремала. Чтобы нивелировать сей досадный конфуз, я незаметно, но довольно чувственно пнул даму под столом.

Жозефина подорвалась с места и устремила на Бернара свои подведённые чёрной тушью глаза.

— Да-да, пускай!

Не успел де Ребер задать уточняющий вопрос, как я сказал спасибо и, покачиваясь, икая и изредка падая, спровадил его в коридор вместе с ничего не понимающей хозяйкой.

Закрыв дверь и заблокировав её подсвечником, я сел напротив изрядно перепуганного Гауэйна и наклонился поближе к столу, чтобы можно было говорить тише.

— Сейчас я буду тебя спрашивать, а ты — отвечать, коротко и по делу. Мы слишком задержались.

— Если будешь так...

— Т-с! — я щёлкнул спорщика по носу, и он мгновенно умолк. — Характер Адель. Каков он?

— Ну, она красивая. Высокая, голубоглазая...

— Нет, это не характер. Сейчас ты перечисляешь мне сугубо внешние признаки, которыми довольствуются портретисты. Меня же интересует суть. Какой она тебе показалась? Весёлой, грустной, обманчивой, добродушной, застенчивой, развязной?

— Обиженной. — женишок фыркнул. — Отец меня, конечно, уверяет в обратном, мол, она влюбилась в меня без памяти и только и ждёт, когда наступит день свадьбы, но я-то помню, как она меня первый раз встретила: сказала, что занята, и убежала в свою комнату! Мы с отцом просидели с одной Жозефиной до самого вечера, чтобы спустя пять часов услышать от служанки, что Адель не здоровится...

— Служанку звали Беатрис?

— Может быть. — допрашиваемый пожал плечами. — Не могли бы вы... Не мог бы ты отойти: от тебя спиртом несёт.

— Твои проблемы. — я схватил юношу за руку и задержался на пульсе. — Отвечай быстро и чётко. Тебе нравится Адель?

— Да, — мальчишка судорожно сглотнул слюну и осмотрелся по сторонам. Помощи он там, ясное дело, не отыскал.

— Где и когда ты видел Адель последний раз?

— Девять дней назад, она приезжала к нам со своей матерью в гости.

— Ты знаешь, с кем дружила Адель?

— С сестрой! — мальчишка отодвинулся от меня подальше и упёрся в спинку стула.

— С кем ещё? Говори!

— С какими-то богачами! Они отдыхают в Серебряной ложке!

— Откуда ты это знаешь? Она тебе рассказывала?

— Нет, я проследил за ней! — индивид закусил губу. Его потряхивало.

— Зачем ты за ней следил?

— Я не доверял ей!

— Почему?

Юноша замялся, и я повторил громче. Должно быть, меня услышали, потому как в комнату попытались ворваться. Безуспешно: я заблокировал дверь.

— Говори!

— Пусти меня! — жених замахал руками и ногами.

— Почему ты следил за невестой, Гауэйн? Отвечай! — для большего куражу, я похлопал негодя по щекам.

— Не доверял ей, я ей не доверял! — поверженный женоненавистник стёк по стулу, как попавший на свет вампир. — Она мне сразу не понравилась, эта де Вилларе! Не общаются женщины так с любимыми людьми, ох, не общаются! Она меня в грош ни ставила, молчала всегда, как будто бы специально, и за три ужина так и не проронила ни слова, хотя отец её обо всём расспрашивал... Шлюха она! Обычная базарная девка! А теперь пусти меня!

Распахнулись двери — в гостиную ворвались с другой стороны. Бернар был просто взбешён: застав меня и сына в такой, казалось, невинной позе, он вскрикнул, сжал кулаки и направился ко мне с самыми понятными намерениями.

— Вы выгнали меня лишь за тем, чтобы держать руку на пульсе моего сына и кричать на него?!

«В общем-то, да!»

— Он меня бил! Папа, он меня бил! — бедняга приложил руку ко лбу и притворился, что ему плохо.

— Ах вы, негодяй! — де Ребер старший бросился на меня с кулаками.

— Это недоразвит... Это недоумение! — я неловко поднялся на ноги, опрокинув сиденье, и спрятался от негодующего отца на другом краю обеденного стола.

Хозяйка дома лениво смотрела за представлением, прикрывая редкие зевки ладошкой.

— Я больше с вами никогда не заговорю! И мой сын — тоже! — владелец серебряных рудников предпринял жалкую попытку добраться до меня и, не добившись успеха ввиду своего пуза и медлительности, был вынужден лишь пригрозить мне кулаком и направиться на выход.

Со злобой мужчина одёрнул продолжавшего притворяться сына со стула, с обидой разблокировал злосчастную дверь и с обещаниями неминуемой расправы направился на выход.

Жозефина проснулась и сразу изменилась в лице. Перестав ухмыляться, она побежала извиняться перед униженным богачом. Я же повалился на стоящий неподалёку диван и захрапел...

Кто любит поспать, тот как никто другой понимает, как неприятно иногда бывает, когда тебя будят обстоятельства в чёрном платье. Как правило, они ещё и очень соблазнительны, эти обстоятельства, и очень хотят это продемонстрировать. Должен сказать, сон в такой ситуации совершенно пропадает и оставляет после себя лишь сладкое послевкусие ушедшего счастья. Но я не жалею: когда тебя будит Жозефина де Вилларе — это успех! А когда она подносит вам тазик...

— Как мне плохо. Твою ж мать, гномы и спирт, гномы и спирт...

— Вы самый безответственный юноша из тех, кого я знаю. — дворянка поднесла стул и села напротив, чтобы уничижительно рассматривать грехопадение Лойда... Ричарда во всех деталях. — И что вы так на него накинулись? Да, Гауэйн — идиот, не спорю, но он не стоит того, чтобы марать об него руки. Вы же умный мужчина, Лойд... — волчица похлопала меня по содрогающемуся затылку. — И вы можете найти мою дочь, я в этом уверена...

Я утер грязные губы поднесенным ко мне полотенцем и повалился на диван.

— Вы уверены в этом лишь оттого, что не хотите признавать очевидное: детективные агентства в вашей стране, впрочем, как и полиция, если эти детективные агентства так популярны — мишура. Пыль, скрывающая необразованных, охочих до денег и славы индивидумов, которые готовы убить ради возможного подъема по карьерной лестнице.

Жозефина прикусила губки. Она знала, что я прав, и знала это ещё в тот момент, когда решила пойти в агентство.

— А что мне оставалось, мистер жадный пьянчуга? М-м? Сказать: «прощай, доченька, валяйся по кускам в канаве, потому что циничной матери не до веры в детективов»? Всё бросить, посыпать голову пеплом и ничего не предпринимать, потому что это бессмысленно?

— Вы и вправду циничны: «по кускам»? Вот уж невидаль.

«Она обо всём догадалась. Неизвестно каким образом, но догадалась. Иногда, когда люди откидывают все возможные версии ради одной относительно хорошей, что вписывается в круг их познаний и надежд, они попадают. Но это не правило, это — игра в морской бой. Попал — не попал»

— Думаю, это правда. — в уголках глаз матери показалась тщательно скрываемая печаль. — Я была точно такой же, как она — молодой известной барышней, заигрывающей со всём миром. И знаете, Лойд, — аристократка наклонилась поближе, чтобы я видел её гранитное, обезображенное обидой лицо. — Этот мир неприветлив. Меня трижды пытались украсть, и один раз почти успешно. Что хотели похитители? Просто наиграться со мной. Трахнуть и выбросить. А это проще делать по кускам...

— Многие похитители заботятся о жертве. Кормят, поят, приносят газеты... — к моему горлу подступил ком. — Вполне обычное дело...

"Одно из первых раскрытых преступлений в карьере Донавана. Молодая девушка, 20 лет, жила в квартире насильника рецидивиста почти три года. Его нашли, как только он начал ходить на митинги против королевских реформ — какая суровая ирония жизни. Никому не было дело до красивенькой булочницы до тех пор, пока её мучитель не влез ни в своё дело. Как она радовалась, завидев меня... Ещё никто не обнимал меня с таким жаром, с такой благодарностью и любовью, даже родная мать. Спустя три дня я узнал, что она

повесилась...»

— О чем вы задумались, Лойд?

— Да так, ни о чем.

Жозефина ничего не ответила. Но любопытство её было столь сильно, что она не смогла не сказать:

— Вы плакали.

— Да? Вам наверняка показалось...

— Вы добрый человек, Лойд. — дворянка пересела ко мне и довольно крепко приобняла за плечи. — Поначалу о вас такого не скажешь, но вы умеете помогать людям. Я чувствую, что у вас куда больший опыт, чем кажется на первый взгляд...

Я замер. Казалось, жалкий звук или движение могли разрушить мою новую жизнь, как хрустальную люстру.

— Вы верите в переселение душ?

— Ха! — взорвался я внезапным хохотом. — Конечно, не верю! Это просто невозможно, и вам ли этого не знать.

— Почему? — внимательно спросила женщина, будто бы ей и вправду было интересно, почему я так думаю... Будто бы она и вправду знала, кто я такой.

«Я называю это синдромом преступника. Человек, совершивший что-то нехорошее, а может просто — совершивший то, в чем не хочет признаваться, везде начинает видеть разоблачающих его людей. И от этого не избавиться: мнительность свойственна всем людям, как бы некоторые слепцы не утверждали обратного. У нее разные уровни, проявления и предпосылки, но она, в общем-то, одна. Мнительность любого человека часто похожа на другую. Если у вас индивидуальная мнительность — поздравляю, вы псих, и переживаете о том, о чем другие, нормальные люди, не переживают... Но парадокс в том, что нельзя узнать о чужой мнительности и подвергнуть её анализу. Никто не признается вам в том, о чем он переживает больше всего, а если и скажет о своих переживаниях — это не благородное раскрытие самых потаённых скелетов в шкафу: это дань, откупное перед неизвестными личностями, чтобы они думали, что знают о вас. Но они не знают. Никто не знает. Человек боится и прикрывается скучными мнительностями, оставляя настоящие в глубине души. Возможно, он и сам о них не догадывается и обманывает себя кажущейся простотой своих поверхностных внутренних проблем...»

— Сегодня вы подозрительно задумчив. Это алкоголь? — дама устало хмыкнула.

Я не стал отвечать и красноречиво бросился к тазику. Голова шла кругом.

— Хотите, я продам вам одну замечательную штучку от похмелья? Я пользовалась ей с самой юности, и она ещё никогда меня не подводила. Даже после пива... Ох, что это я. — аристократка хлопнула себя по лбу. — Призналась почти незнакомому человеку, что когда-то пила эту дрянь.

— Ох, — я упал на пол и схватился за голову. — У меня нет денег...

— Могу отдать в счёт вашего гонорара. — хитрюга сузила глаза.

— Вам только это и надо, сэкономить денег! Ах, вы бесстыжая... Негодница!

— Ещё ни один юноша не именовал меня таким гордым словом. Да ещё и с такой экспрессией...

— Значит, я у вас первый?

— Хоть где-то. — шутница фыркнула.

— Вы крайне грубы с детективами. Это не соответствует вашему высокому статусу и

нарушает нормы этикета....

— Блевать в гостиной самой известной женщины в столице тоже не очень этично, не думаете?

— Не льстите себе. Вы, конечно, мг-м, весьма и весьма... Но популярность приходит и уходит. А остаётся лишь духовное наполнение. А оно у вас страдает, любительница пива.

— Теперь я окончательно убедилась в том, что в прошлой жизни вы были каким-нибудь стариком!

«Так уж и стариком...»

— И что с того? Если я и признаюсь вам, что на самом деле мне тридцать два, и я — бывший дознаватель, вам станет от этого легче? Да и вообще, вы мне поверите?

— Всё может быть... — дама пододвинула ножку и легонько задела меня каблуком. — Так что, будете брать?

— Нет, я заставлю вас работать, а не вымогать деньги с бедных молодых людей.

— Угу. Я так и поняла. Ваш девиз: «оскорби женщину намёком на её нищету».

— Нет, мой девиз: «Намекни, что праздно проводить как выходные, так и будни — нехорошо»

— И как я, по-вашему, должна заработать денег? Пойти печь пироги? Устроится таскать ящики с редисом, пить по вечерам с друзьями-грузчиками в кабаках и спать с каким-нибудь торгашом с волосатым пузом и называть его лысину мужественной?

— Так живёт большинство женщин, вам не на что жаловаться. Я так вообще сплю в комнате пять на пять, с выходом во двор, куда выливают помои.

— Глупо не жаловаться на жизнь, лишь потому что какой-то юный грубиян живёт хуже тебя, или какая-то хабалка с целлюлитом не может найти нормального мужа, из-за того что плюётся по углам. Я аристократка. Меня знает весь город. Моё положение обязывает ничего не делать и просто лежать на диване. Думаете, я не хотела бы работать. Например, петь в кабаре? В молодости я только об этом и мечтала — разносить тарелки и кружки и дружить с красивенькими девчонками. Но мать верно мне сказала: «свобода интересна, пока тебе есть, что пожрать». Тогда мне показалось, что из уст леди слово «пожрать» звучит, как приговор её статусу, но потом всё же поняла — лучше и не скажешь. Низменные потребности называются низменными словами.

— А вам не кажется, что мать сказала вам это, чтобы это у неё было, что пожрать, а никак не у вас? Ведь если бы вы сбежали от неё, вы бы прекрасно справились, в отличии от неё...

Светская львица обнажила клыки.

— Какой вы негодяй, мистер дознаватель тридцати двух лет от роду. И почему я с вами разговариваю? Ведь могла бы попросить Броуди просто вас выкинуть. И совесть моя была бы чиста — ни одна женщина не выдержит пьяницу в собственном доме.

— Просто вы тоже — очень добрая. Вас так и тянет совершить хорошее дело. Например, дать кому-нибудь средство от похмелья.

— И кто же бы это мог быть?

— Ох, не знаю... — я отлип от тазика и уселся на пол. Рядом со мной топала восхитительная ножка аристократки. — Знаете, у вас замечательная кожа.

Дворянка подняла бровь.

— Не поймите неправильно! Просто это редкость, когда у дам, даже у аристократок, сохраняется такая текстура и цвет...

— А вы видели много женских ножек, мистер детектив? — хозяйка дома смотрела меня сверху вниз, но с каким-то особым, покровительственным чувством.

«Конечно, я видел много женских ног — я ведь пытал людей»

— А какая разница? Ведь ваши ноги показались мне самыми прекрасными...

Раскрылась дверь, и в комнату вошёл Броуди де Вис. Застав меня где-то под диваном, он злобно засопел.

— Что тебе нужно, Броуди? — с неудовольствием спросила Жозефина, резко встав с дивана.

— Госпожа, уже почти восемь часов вечера! А детектив — валяется в гостиной. Не пора ли ему...

— Я сама решаю, кому пора, а кому не пора!

«Чёрт, уже восемь!»

Я поднялся с пола и, стараясь не стонать от боли, обратился к великосветской даме:

— Извините, я записан в крематорий на девять вечера.

— Ч-что?

— Ох... В общем, мне пора.

Я за секунду выпорхнул из душного дома и весело побежал по лужайке. Вдогонку мне неслись всяческие пожелания удачи...

Всегда грустно расставаться с теми, с кем только что познакомился. С отсутствием старых друзей можно легко примириться. Но даже недолгая разлука с теми, кого только что узнал, почти невыносима.

Как важно быть серьёзным. Сесили Кардью. Оскар Уайльд

На улице я столкнулся с уже знакомым по прошлому посещению Королевского района рыцарем: он вальяжно шёл по проспекту и с аппетитом вкушал яблоко. Стоило ему заметить меня, как он немного посерел лицом и, резко сменив курс, направился ко мне.

— Добрый день, товарищ рыцарь! — я отвесил подошедшему прилипале реверанс.

— Добрый-добрый, — недружелюбно ответил страж, покусывая фрукт. — И что же мы здесь делаем?

Я пожал плечами.

— Стоим, болтаем.

— Нет-нет, — мужчина отрицательно закивал. — Когда я говорю «мы», это означает, что я имею в виду конкретно вашу персону, а никак не нас двоих.

— Простите, я иностранец и не знаю всех тонкостей вашего языка... Получается, когда мы с вами встречаемся, и если я хочу сказать именно про нас двоих, мне нужно говорить «ВЫ»?

Охранник непонимающе на меня уставился. Мне с трудом удалось сохранить серьёзное выражение лица, и мужчина, кажется, немного обозлился.

— Вы издеваетесь?

Я поспешил опровергнуть сие утверждение:

— Нет, вы не издеваемся, ведь нас здесь всего двое, и нам, в общем-то, не над кем издеваться.

Боец вздохнул, поправил дорогой, красный, как его яблоко, плащ и, по-видимому, успокоившись от этого щегольского действия, спокойно спросил:

— С какой целью ваша персона гуляет по Королевскому району?

— Представляете, вновь заблудился, — неловко пробормотал я и затем невинно рассмеялся. — Бывает же такое? Не соблаговолите ли вы проводить меня к фонтану Брандемарка?

— Что-то вы часто теряетесь, господин иностранец. — пожаловался стражник, так и не ответив на мою просьбу. — Ваш друг, кажется — Рубиус, совсем вам не помогает?

Я призадумался и по прошествии пары секунд ответил:

— Знаете, Рубиус очень занятой человек, — и наклонился поближе к рыцарю. — Сегодня мы договорились встретиться с ним у Грейвского крематория. Как мне добраться до туда?

Страж порядка взялся за кисточку шляпы, сияющую на закатном солнце, и как бы невзначай спросил:

— Кхм... А зачем ваш, с позволения сказать — друг, назначил вам встречу у Крематория? — и прильнул ко мне, как любопытная булочница.

— Эм, видите ли... У него умер... друг?

— Ах, какой ужас! — рыцарь элегантно снял шляпу и с жаром прижал её к груди. — Мир его праху.

— Мир его праху, — точь в точь повторил я, весьма тронувшись состраданием благородного рыцаря.

— Ну-с, теперь я вас понимаю, — мужчина сочувственно закивал. — Вам нужно забрать урну?

— Да-да, верно, — моментально согласился я. — Так как я могу пройти к крематорию?

— Пройдёмте со мной! — страж порядка схватил меня за руку и со знанием дела повёл вдоль богатых столичных улиц. Я особо не сопротивлялся.

По-видимому, подобные нам парочки — стражник и иностранец, были не редкостью, потому как многочисленные прохожие не обращали на нас никакого внимания и лишь изредка улыбались, как улыбаются люди, всегда гостеприимные к таким глупым, но всегда таким добродушным иностранцам.

Вскоре мы вышли к знакомому фонтану. Значимая деталь перекрёстка, подсвеченная последними лучами заходящего солнечного круга, заимела цвет приятной охры и покоряла невольных зрителей своим величием.

— Видите фигуру, стоящую справа от Преймона? — стражник прихватил меня за плечи и повернул в сторону какого-то мраморного бородача. — Улица, которую она охраняет, называется проспектом свободы. Три сотни лет назад по ней проходили освободительные войска императора Оливия... К слову, это он и есть. Видите, какой гордый!

Я посмотрел на статую императора Оливия. Она мне не понравилась — правитель показался мне взяточником и тунеядцем.

— Даа, просто замечательная статуя. Наверное, император Оливий очень важен для имперской истории?

— Вы очень прозорливы, — рыцарь улыбнулся. Его богатые белые зубы засверкали в солнечных лучах, как рассыпной жемчуг. — Император Оливий спас страну от кочевников, захвативших государство на границе империи — Тулоне, и освободил саму Тулонскую столицу от гнёта. За это ему ещё при жизни поставили памятник...

— Замечательный человек!

— В высшей степени замечательный! — с радостью согласился рыцарь. — Так вот, пройдёте по проспекту свободы до ресторана с названием Авиньон, а оттуда налево, по улице Зелёной рощи. Как упрётесь в парк Зелёной рощи — пройдите вдоль него по правой стороне и тогда выйдете на улицу, на которой находится крематорий. Поняли?

— Значит, до ресторана Авиньон... Спасибо.

— А вы точно доберётесь? — с беспокойством спросил стражник, поглядывая на мой неуверенный вид.

— Безусловно. Память — моё второе имя...

* * *

Как оказалось, вторые имена легко забываются. Я так и не вспомнил, куда же надо повернуть после ресторана Авиньон, чтобы попасть к Грейвскому крематорию, и с обидой на собственную память уселся на пороге уже упомянутого именитого ресторана, отпугивая прохожих.

Там я услышал замечательный диалог между женщиной и мужчиной: первая клялась любимому в верности, а тот, второй, упрекал девушку в том, что ей нужны лишь деньги и она не хочет делить с ним и беды, и радости. Пожалуй, они бы не пришли к компромиссу, если бы не принесли счёт: услышав волшебную цифру — тридцать серебряных ланистра, всё внимание молодого человека переключилось на счёт.

Я усмехнулся.

«Ещё совсем недавно Ричард Донаван и сам мечтал тратить на какую-то там Марианну все свои деньги. Тоже водить её в ресторан. Сидеть, как тут, под ночным небом и рассуждать о том, почему ему нравятся голубые галстуки, не в пример чёрным. Но всё это испарилось...

Как и его жизнь.

Зачем ты сидишь тут, Ричард? Почему ещё не перерезал себе горло? Это ты настолько слаб, или же этот мир уже так крепко опутал тебя своей молочной паутиной?»

— И хули ты тут забыл?

Я поднял голову и увидел под тенью фонаря моего маленького, новоиспечённого друга, имя которого уже давно позабыл за ненадобностью.

— Как дела... Э-э-э... Хейни?

— Как у меня дела? Это я должен спросить, как у тебя дела, алкоголик! — гном рассержено фыркнул.

Я пришёл в недоумение.

— Алкоголик? Кажется, это ты меня споил.

— Я? — глаза бородача расширились до невозможных пределов. — Это всё твои отговорки, Лойд: ты просто не желаешь признавать, что пьёшь, как лошадь.

— Так говорят в отношении тех, кто пьёт много воды, а не водки. К слову.

— Тогда... — Хейни призадумался. — Как конь. Ты пьёшь, как конь.

— Фразеологизмы не так работают.

— А хер с ними, с этими как-то-там-гизмами. Факт остаётся фактом: ты пьяница.

— Нет, это ты пьяница!

— А кто сломал мне стол? — мастер ядов надулся, как жаба. Стало быть, ядовитая.

— Ты и сломал. Стилетом.

— Правда?.. — гном зачесал бороду. — А кто вырезал на нём: «Ричард, Хейни и Эйваришман — братья на век»?

— Как-как?

— Эйваришман! — послышалось из темноты. — Ты назвал своего коллегу-детектива Эйваришманом! — остроухий обалдуй выполз на свет. Губы у него пересохли, на голове была повязка, а на поясе — фляжки с водой. — Я должен взыскать с тебя оскорбительные. Накапало прилично — три...

— Бутылки! — заключил гном к всеобщему неудовольствию. — После работы обмоем нашу очередную победу.

— Но мы ведь ещё никакого не победили. — я схватился за больную голову. — Мы просто сидим за несколько улиц от Грейвского крематория и болтаем о всякой нелепице.

— Ах, нелепица! — рассержено брякнул гном и затем принялся раздеваться. — Нелепица? Да, так ты сказал...

— погоди! Не надо! умоляю! Нет!.. — я прикрыл глаза руками, но от моего взора всё равно не скрылась волосатая гномская поясница, на которой было набито... Неужто моё имя? Возможно, что голова Лойда ошиблась буквами?

— Это ты меня заставил, гад!

— забудем об этом, — я плавно встал и похлопал гнома по плечу. — Что было, то прошло.

— Угу, — эльф печально застонал. — У вас есть таблетки от головы?

— А почему не спросишь для эрекции, импотент? — бородач стукнул по синему эльфу и заржал, как конь... Кстати, здесь идиома вполне соответствует заявленному началу.

— Шути-шуты, бородастая амёба. — губы наёмного убийцы скривились в адской усмешке. — Мы всё равно знаем, что тебя, полового агрессора, обменяли на денежный мешок...

Гном схватил обидчика и принялся его душить. Возможно, он бы так и убил Эйваришмана, если бы я его тогда не оттащил.

— Пусти меня! Я ещё не всё ему сказал! — Хейни принялся вырываться. Я обхватил его руками и ногами и с трудом усадил на ступеньки ресторана. Кто-то мог бы решить, что нас наняли конкуренты Авиньона — отпугивать прохожих.

— Успокойся. Нет нужды тратить на этого негодяя всю свою энергию.

Торговец ядами злобно засопел: он не мог не отдавать энергии окружающим людям.

— Пусти. Обещаю — драться не буду.

— И ты ему веришь? — спросил эльф, прикрываясь от убийственного света фонаря рукой. — Ты посмотри на него рожу — вылитый убивец...

— Чья бы корова мычала! — рявкнул гном и с ожесточением плюнул в сторону товарища. Слюна совсем немного не долетела до адресата и упала на ботинок какого-то влиятельного прохожего. Помнится, здесь его подвид называли гоблинами.

— Что вы себе... Это вы?

— Нет. — я отрицательно замотал головой. Гном, которого я ещё не отпустил, поступил точно так же.

— Нет, это вы... — богач сощурился. — Я искал вас по всему городу с тех самых пор, как вы пнули меня на оживлённом проспекте и убежали. Не спал ночью. Не мог найти себе места и обещал свершить вендетту...

Эльф рассмеялся и убрал руку ото лба. Свет ослепил его, и он со слезами свалился на мостовую.

— Ах ты, мерзкий хохотун! Твой народ — пособник убийств бедных полуросликов, а ты имеешь наглость смеяться в этом городе, и не над кем-нибудь, а надо мной! Хозяином самого знаменитого в мире банка! — малыш свистнул, и из-за угла вышло трое... коротышек с длинными крючковатыми носами.

— Ой, смотри! — эльф принялся тыкать в гоблинов пальцем. — Какие у них мечи маленькие, как у детей... Ох, не могу! Хейни, ты это видишь?

Гном принялся ржать.

— И правда! Интересно, чтобы предохраняться, они полностью в презерватив лезут?

Банкир рассвирепел. Такого оскорбления он вынести не мог.

— Взять их! Взять и выпороть!!! — от криков гоблин начал подскакивать, как перекачанный мячик. — А человека — до полусмерти! До полу...

— Моего друга?! До полусмерти?! — Эйвариллиан сумел подняться и навис над банкиром, как божье провидение.

Богач нервно сглотнул. В следующий момент ботинок эльфа оказался прямо промеж его ягодиц, и он с криками полетел в Авиньон.

— Валим! — я резко подорвался с места и, утянув за собой друзей, побежал в неизвестном направлении.

Малюсенькие гоблины не смогли потягаться с нами в скорости. Мы быстро оторвались от них и остановились посреди улицы, рядом с каким-то парком. Гном заговорил первым.

— А ловко ты его, Эйваришман!

— Спасибо, мой дорогой куколд...

Бородач порывался отвесить товарищу пинка, но густой дым в небе сбил его планы.

— Смотрите! — Хейни указал на странный дым пальцем. — Это от крематория.

«Надо проверить труп Симона и убедиться в диагнозе, а также, по возможности, разузнать, что было в его карманах в момент смерти...»

— У вас есть деньги?

Мои подельники странно переглянулись.

— Зачем? — первым поинтересовался эльф.

— Что за вопрос. Чтобы подкупить могильщика, конечно же.

— Это пустая трата наших возможных денег. — заявил мастер ядов, изобразив серьёзный вид. — Скажи, сколько в нашем законодательстве дают за коррупцию?

— Не имею понятия. Могу предположить, что три года каторги или семь лет тюрьмы.

— Верно. — согласно кивнул эльф и, поняв, куда клонит его собеседник, продолжил за него: — А сколько дают за проникновение со взломом?

— Предполагаю, около двух лет. В эквиваленте тюрьмы — от пяти до восьми.

— Выходит, риск примерно равный, если ни сказать, что более серьёзный. — заключил гном, проветривая пустые карманы. — Так зачем нам рисковать и давать какому-то старичку на лапу?

— Чтобы узнать, что было в карманах Симона в момент смерти. Могильщики всегда обворовывают жертв.

Идеи нелюдей посыпались, как карточный домик.

— Хорошо, Эйвариллиан, ты платишь! — бородач отвернулся.

— А почему это я? — убивец смотрел то на меня, то на гнома, но нигде не находил

поддержки. — И вообще, это дело расследует Лойд, так пусть он и платит!

— Резонно. — гном повернулся в другую сторону, ко мне спиной.

— Но ведь у меня нет с собой денег, так как я могу заплатить?

— Обстоятельно. — гном отвернулся от нас всех и принялся смотреть в стену.

— Эй, Хейни... — эльф подозрительно прищурился.

— Да-да? — мастер ядов даже не повернул головы.

— А ведь у тебя в сапоге всегда припрятаны ланистры. На чёрный день.

— Думаешь? — крепыш принялся наматывать бороду на пальцы. — Может, тебе показалось? Наверное, ты меня с кем-то спутал...

Мы с эльфом окружили хитрого подлеца с двух сторон и с осуждением сложили руки на груди. Спустя минуту из гнома вырвалось:

— Ну и ладно, всё равно когда-нибудь помирать!

У судьбы нет причин без причины сводить посторонних.

Коко Шанель

Грейвская улица представляла собой тот самый тип улиц, какой все умные личности стараются избегать — тёмная. Тёмная и оттого отталкивающая. Проходя по этой улице, ты не мог с точностью ручаться, во что наступил — в разбитый горшок или в помой, в миску супа или в канаву с блевотней.

Романтический грейвский образ завершали нависшие над бедной улочкой дома, походившие на стаю гончих рядом с перепуганным кроликом. Это были дома с заколоченными окнами, без балконов, с прохудившимися крышами и сверкающими из щелей между досок глазами вечно голодного человека.

«Интересно, путали ли воры блеск глаз с блеском золота?»

— Домик неплохой... Но райончик так себе. — Эйвариллиан хохотнул и затем ткнул пригорюнившегося Хейни в бок.

Гном был близком к тому, чтобы расплакаться: потеря ланистров стала для него ударом судьбы, который он не мог вынести, лишь заглушив боль алкоголем во фляжке — ему требовалась серьёзная помощь, желательно — психотерапевта.

Мне, в общем-то, было нечем утешить бедного мастера ядов, поэтому я предпочёл промолчать и направился в сторону крематория — большого, каменного здания, со всех сторон окружённого домами. Оно не походило на то место, откуда люди уходят к богу — ему больше подходило звание лечебницы, общественной столовой, тайного собрания нимфоманок...

На входе нас встретили высокие кованые двери. Я взялся за латунную ручку-кольцо и воспроизвёл дверной стук. Он эхом прошёлся по коридору и возвестил рабочих крематория о нашем прибытии.

Вскоре за дверью послышался скрип половиц, а затем — грузные, давящие на саму землю шаги. Спустя пару мгновений нам отворили, и из проёма выглянул знакомый силуэт мальчика на побегушках — Джерома... Мальчиком его можно было назвать с большой натяжкой: таких «мальчиков» очень любят ставить на входе в питейные заведения.

— Привет. Меня зовут Лойд. А это, — я указал на стоящих подле меня нелюдей. — Хейни и Эйвариллиан...

— Как клуб? — громила осклабился. Эльф был готов придушить его на месте.

— Да, как клуб. Повезло ему с именем, — я сменил позу и закрыл собой вид разъярённого эльфа. — Мы к вам по делу.

Помощник гробовщика кивнул.

— Кто умер?

Вопрос поставил нас в тупик.

«А ведь и вправду — кто?»

— Мамуля нашего бородача. Умерла под конём... — эльф смахнул с уголков глаз скупую мужскую слезинку и добавил: — Мир её праху.

— Мир её праху. — моментально ответил Джером.

Гном ошеломлено уставился на наёмного убийцу. У него вышло лишь раскрыть рот и наполовину сжать кулаки — на большее он был в тот момент не способен.

— Что ж, мистер гном, пройдёте со мной — составлять документы. — Джером пригласительно распахнул дверь и поманил нас за собой.

Мы с эльфом вошли. Гном же так и остался стоять на пороге, смешно хлопая глазами.

— Мистер? — помощник гробовщика с беспокойством взглянул на обескураженного гнома. — С вами всё в порядке?

— Да-да, всё хорошо, — Хейни отвёл взгляд от созерцания пола и без особого желания вошёл в крематорий. — Просто... Думаю, как всё получше обставить с... Похоронами. — слова давались несчастному гному с таким трудом, что никто не сомневался — он чего-то лишился: вполне возможно, и очень дорогого ему человека.

— Замечательно. Пройдёте со мной, заполним форму. — Джером развернулся и направился на лестницу, ведущую на второй этаж. Наша троица посеменила за ним.

— Простите моё любопытство, — сказал я перед тем, как ступить на лестницу. — А где здесь туалет?

Джером указал на самую крайнюю дверь коридора.

— Там. Только аккуратнее — кран плохо работает, может и забрызгать... Мы будем ждать вас на втором этаже, в пятом кабинете.

— Ага, спасибо. — я похлопал громилу по плечу и вышел в туалет. Мои напарники в это время обиженно косились мне в спину.

«Никто не говорил, что будет легко. Вот, олухи...»

Только войдя в санузел, я сразу кинулся к раковине и принялся омыwać лицо холодной водой: у меня кружилась голова.

«Проклятый спирт! Чёрт дёрнул меня пить за вечность государственного режима...»

— Вам плохо?

Я резко поднял голову. Передо мной стоял маленький человечек в сером костюме. Пожалуй, я бы никогда и не заметил его на улице, если бы не одна значимая деталь в его образе, а если быть точнее — её отсутствие: у этого парня не было глаза, и он смотрел на меня лишь одним, но при всём этом до того внимательно, что казалось — одного глаза вполне может и хватить, если он прожигает наблюдаемый объект с такой силой.

— Вам плохо? — повторил вопрос маленький хозяин серого костюма, учтиво склонившись в порыве помощи.

— Немного. Похмелье, знаете ли...

При упоминании проклятушего слова я вдруг позеленел и затем впал в состояние, близкое к отравлению. Пришлось спешно засунуть голову в раковину. Я совсем позабыл о том, что кран — сломан, и моего собеседника обрызгало с ног до головы.

— Простите! — я с ужасом взглянул на вымокшего до нитки малыша, с прискорбием разглядывавшего свой внешний вид. — Дырявая голова... Хотите, я дам вам свою рубашку?

— Нет-нет, спасибо. Вам и так сейчас хуже некуда, и мой внешний вид не должен вас интересовать... — мужчина незаметно притронулся к промокшему карману на пиджаке: по-видимому, чтобы удостовериться в сохранности определённого документа. Уверившись в его целостности, он сразу же успокоился и посмотрел на меня несколько лояльнее.

— Хотите таблетку от головы?

— Если можно...

Незнакомец протянул мне измятый серебристый блистер. В нём не доставало половины таблеток. Я вынул из него одну и с небольшим сомнением выпил.

«Вероятность того, что какой-то отравитель сумел разузнать, что я направляюсь в

крематорий, и вознамерился убить меня — минимальна. А если и так, то лучше умереть, чем продолжать и дальше скитаться в теле никому ненужного юного прощельги»

— Тоже кого-то хороните?

Я посмотрел на маленького человечка. Он неловко замахал руками и пролепетал:

— Извините, ради бога! Мы ведь в крематории, что здесь ещё можно делать. Какой глупый вопрос...

— Не такой уж и глупый, — поспешил успокоить я моего тревожного спасителя. — В крематориях можно самым разным заниматься.

Мальш с любопытством на меня посмотрел.

— Например?

— Ну... можно обкрадывать трупы.

Хозяин серого костюма прижал одну из рук к потаённому карману пиджака. Это не скрылось от моего внимания, но я предпочёл сделать вид, что ничего не замечаю — у всех свои секреты. К тому же, человек вполне мог испугаться за сохранность письма, только и всего.

— Это ведь нехорошо, воровать у мёртвых. Кто может таким промышлять?

— Не знаю. — ответил я, пожимая плечами. — Нищие. Заговорщики. В общем, всякий мусор, не стоящий нашего с вами внимания.

Я резко отлип от раковины и похлопал мальчика по плечу. Мне не очень понравилась его реакция — по движению рук я понял, что ещё секунда, и он бы со страха отправил меня в незабываемый нокаут.

«И что ему надо в крематории?.. Стой, Ричард, ты ведь больше не дознаватель. Это в королевстве ты мог схватить любого перетрухнувшего добряка за шкурку и выпытать все тайны, а здесь — ты никто, и звать тебя...»

— Ну, я пойду. У меня ещё дела: надо заполнить документы и забрать урну...

— Да-да, конечно. Не буду вам мешать.

Я пропустил человечка вперёд. На выходе он столкнулся с некстати подоспевшим эльфом и чуть не сбил его с ног.

«Такой маленький, и такой сильный...»

— Простите!

Не успел эльф и вякнуть, как хозяин костюмчика поклонился в пол и, умудрившись как-то пожать наёмному убийце руку, выбежал в коридор.

— Ты его знаешь?

Эйвариллиан озадаченно замотал головой.

— Нет. А должен?

— Да не то чтобы...

Эльф походил на того, кто словил эффект дежавю — такой же растерянный и такой же удивлённый. Но я не стал на него давить: если бы убийца что-то и вспомнил, то предпочёл бы сказать, а если нет — значит, моё давление породило бы в его мозгу смутные сомнения, и он бы неосознанно начал выдумывать на ходу.

— Ну, как там Хейни?

— Ничего так. Обсуждает, какая урна больше всего подходит его матери.

— А его мать... И вправду погибла под конём?

— Конечно же нет! Жива-здоровая, по-прежнему печёт пирожки и играет на рояле. Ты думал, я посмею поглумиться над другом и упомяну о его давно почившей маме?

— Выходит, похоронить ещё живую маму — можно, а убить уже мёртвую — нельзя?

— Безусловно. Это кодекс чести...

— Хватит, нет такого кодекса чести!

— Ещё как есть. Ты просто о нём мало знаешь...

Неожиданно в туалет вошёл Джером. Мы сразу же замолчали.

— Что-то вы долго дела справляете, господа. Никак, старческое?

— Нет, просто хрен такой длинный, что пока до дырки дойдёт, уснуть можно. — со знанием дела ответил эльф, но затем почему-то, видимо, решив лишний не хвастать, направился в отдельную кабинку.

Гробовщик хмыкнул и вальяжно подошёл к писсуару. Я отвернулся.

— Знаете, Лойд, а ваш друг — очень интересный парень.

— Даа? Спасибо...

«Никогда не понимал, как кто-то может спокойно болтать о погоде и прочем не интересующем бреде с хреном в руке, да ещё и так расслабленно, как будто на прогулке»

— И ничего, что гном. Я, знаете ли, гномов люблю всем... Всем...

— Сердцем, — подсказал я, стараясь не смотреть в сторону писсуара.

— Да-да, всем сердцем... Кстати, а почему вы пошли с мистером Хейни? В качестве моральной поддержки?

— Ага.

«Да когда же он уже закончит!»

— Вы бы вернулись к нему, а то так и простои́те в туалете. Или вам нравится болтать во время мочеиспускания?

— Нет, что вы...

«Да он издевается!»

— Признаться, мы с Эйвариллианом зашли сюда несколько по другому вопросу.

— Да? — Джером задёргался, чтобы сбросить последние капли. — И что же это за вопрос?

— Совсем недавно погиб мой друг, Симон. Возможно, вы меня помните: я тогда стоял рядом с ним, а меня отчитывал следователь.

Помощник гробовщика хмыкнул.

— Конечно, помню. Я вас сразу узнал... И сразу понял, что вы — обманщик.

Внезапно в туалет зашла ещё парочка охранников.

— Ребята, писсуаров на всех не хватит. — я миролюбиво поднял руки к небу. — Давайте расслабимся и выйдем на улицу...

— Ну уж нет, мистер Лойд. — Джером застегнул ширинку и встал в стойку. — За любопытство — двойной спрос...

Дверь кабинки резко раскрылась, и из неё вылетел эльф. Он взял Джерома на удущающий и укусил его за ухо.

— Ах, сука, снимите его с меня!

Я бросился на первого попавшегося охранника и свалил его с ног мощным кроссом. Второй врезал мне с пыра и опрокинул на кафель. Я ударился затылком и на секунду потерял сознание, но и этого времени с лихвой хватило, чтобы охранник залез на меня и начал колошматить. После пары пропущенных ударов я перестал защищаться и вырубился — мой противник начал избивать куклу.

Джером перекинул эльфа через плечо и разбил ему спину об писсуар. Эльф свалился без

чувств. Хитрец взял его за волосы и впечатал в осколок от туалета, разбив лоб.

— Будете знать, как порядочных люд...

Эльф достал из сапога тонкое шило и вонзил его Джерому под ребро. Мужчина взялся за проткнутый бок и, завидев кровь, рассвирепел пуще прежнего и принялся пинать эльфа ногами.

Я нащупал кусок, отломившийся от писсуара, и всадил его в ногу моего противника. Охранник вскрикнул и, придерживая раненое бедро, начал отползать. Изловчившись, я согнул ногу в колене и распрямил её аккуратно около орущей от боли морды. Голова ублюдка смешно выгнулась и отлетела в сторону.

Джером заметил, что я расправился со вторым охранником, и направился ко мне. Я встал, первым же делом сбросил его джип и контратаковал коротким правым в голову. Помощник гробовщика отлетел от меня, как от чумы, и схватился за мигом опухший нос.

— Где драться учился, хиляк...

Вместо ответа я немного поднял ногу, якобы для удара, и заставил Джерома отпрыгнуть — на том месте его поджидал Эйвариллиан. Эльф пнул негодя в голень, и тот согнулся пополам с криком «нечестно».

Я подбежал к поверженному Джерому и вмазал по нему мощным правым. Гробовщик повалился лицом в землю, и я начал с ожесточением пинать его по рёбрам. Когда он стал харкать кровью, я перевернул его на спину и принялся бить по морде размашистыми ударами. Вскоре голова Джерома стала походить на разбитую тыкву.

Эйвариллиан поднялся с кафеля и отошёл к раковине: умыть раскрасневшееся лицо и заодно — вырубить того охранника, что уже начал просыпаться.

— Итак, Джером, тебя попросили избить нас?

То, что осталось от Джерома, прощепетало неуверенное «да».

— И кто же это был?

— Малец в сером костюме. Он заплатил денег, чтобы забрать все вещи, принадлежавшие этому ублюдку, Симону, и спрашивал про письмо...

— Ты знаешь, что было у Симона в письме?

Джером резко умолк.

— Ну, говори!

Я поднял с пола осколок писсуара и приставил его к горлу жертвы.

— Я-то не знаю, но знает мой начальник, мистер Гекарти: он нашёл при парне второе письмо...

— Второе? У Симона было второе письмо? Какой на нём герб?

— Не знаю, мне не показывали.

«Два письма. Первое — с гербом. Второе — неизвестно. Ключом к разгадке будет заполучение этого таинственного письма...»

— Где сидит мистер Гекарти?

— В седьмом кабинете!

Я отпустил Джерома и приказал эльфу найти того одноглазого человека. Сам же я поднялся на второй этаж и, не заметив подвоха в пустом коридоре, вошёл в кабинет... Чтобы увидеть труп. Мистера Гекарти.

— Твою мать, — я развернулся и столкнулся нос к носу с каким-то работником крематория, пришедшим, судя по робе, из главного отделения — оттуда, где сжигают тела.

Завидев мой измятый вид и труп гробовщика за столом, работник заорал, как сущий

безумец, и попытался скрутить мне руки. Я вырвался из захвата, опрокинул мужчину на пол и рванул в пятый кабинет...

* * *

— Мне кажется, голубой как нельзя кстати подойдёт вашей маме. — мужчина, сидящий за письменным столом, устало сложил руки ладонями вместе и приложил их ко лбу.

— Не думаю. Она, конечно, женщина тихая, но всё же не лишена гордости. Можете посоветовать что-нибудь другое?

— У нас есть прекрасный охристый...

— Золото давно стало моветоном в современном дизайне. — гном покачал головой. — Вам ли этого не знать, уважаемый?

— Конечно, конечно... — «Проклятый нелюдь! И то ему не нравится, и это ему не нравится! Уже полчаса обсуждает цвет урны и никак не может подписать документы! А у меня, по-хорошему, уже идёт обеденный перерыв!»

— Давайте опустим цвет и поговорим о материале. — «Где эти уроды... Небось, потешаются надо мной: старик Хейни хоронит собственную мать. Позор. И что скажут родственники?»

— Могу предложить...

Дверь в кабинет резко распахнулась, и в комнату ворвался Лойд де Салес. Руки у него были все в ссадинах, а лицо — как после общения с орками.

— Хейни, валим!

Гном в ту же секунду встал и ринулся в дверной проём.

— Погодите! А как же заказ! — воскликнул работник крематория, от боли в сердце свесившись с кресла.

— Потом договорим, сегодня я занят!

Крепыш побежал на первый этаж, но ещё на лестничной клетке его сбил с ног всё тот же де Салес.

— Хули ты делае...

В конторе показалась полиция. Завидев окровавленную спину Лойда де Салеса, они достали свистки и начали гудеть на весь дом.

— Бегом! — Лойд схватил гнома за бороду и силком потащил обратно наверх.

Не зная, что предпринять, юноша принялся выбивать дверь каждого кабинета, чтобы проверить, куда ведёт окно. Как назло — у большинства кабинетов его вообще не было, и освещались они магическими светильниками.

С глазами, полными надежд, юноша распахнул дверь шестого кабинета...

— Ой.

Полуголые женщины мило хихикнули и прикрылись, кто чем мог. Лицо Хейни порозовело. Лойд сконфуженно поправил ворот рубашки и молвил:

— Дамы, нам нужно окно.

— Пользуетесь, молодые люди... Но только после. — нимфоманки окружили бедных мужчин с трёх сторон и не оставили им манёвра к отступлению.

— Лойд, может всё же побеседу... Аааа!

Де Салес подхватил гнома и, протолкнув полуголых красоток, выпрыгнул в окно. Они

свалились в гору мусора, оставшуюся после трупов, и кубарем скатились на мостовую.

— Хейни, вставай!

— Не могу. Кажется, ногу повредил... — гном разлёгся посреди грязных рубах и штанов и с болезненным выражением лица притронулся к вспухшей лодыжке.

Тем временем во внутренний двор начали вбегать жандармы. Времени на побег почти не оставалось: Лойд смотрел то на выход, то на гнома, и не понимал, что ему требуется предпринять.

— Беги, я догоню...

Лойд горестно вздохнул.

— Врёшь. — и, оперев гнома на плечи, понёсся прочь от крематория.

Не успели они и пробежать половины квартала, как их поймали и закрыли в перевозной камере.

Расследование убийств, возможно, самое одинокое занятие на свете. Друзья жертвы приходят в волнение и отчаяние, но рано или поздно — через несколько недель или месяцев — их жизнь возвращается в нормальное русло. Ближайшим родственникам требуется больше времени, но даже они преодолевают горе и тоску. Их жизнь продолжается. Но нераскрытые убийства гложут, и под конец только один человек думает о жертве и пытается восстановить справедливость — полицейский, остающийся один на один с расследованием.

Стиг Ларссон. Девушка с татуировкой дракона. Детектив

— Убийство. Избиение. Порча имущества. Ничего не упустил, мистер де-тек-тив?

— Упустили — на меня нельзя повесить убийство: я только подходил к крематорию, когда труп Гекарти уже истекал кровью.

— Гробовщик должен быть отомщён, и ему всё равно, каким хитрым образом вы его убили. Я добьюсь правды!

— Неужели, это всё из-за фекалий под вашей дверью? Я ведь уже говорил, что это был несчаст...

— Довольно! Вы с другом попали в кутузку никак не из-за дерьма под моими окнами. Кстати, о нём...

— О дерьме?

— Да нет же, о вашем друге! Некий мистер Хейни два года назад получил лицензию на торговлю лекарственными препаратами, но уже спустя месяц был пойман на торговле ядом. Как вы думаете, каким?

— Мышьяк?

— Это слишком очевидно. Подумайте лучше, мистер де Салес, ведь вы так умны и находчивы, что даже взялись за моё дело...

— Ваше? То, как вы его расследуете, не делает вам чести. Где результат?

— Дуракам не показывают половину работы.

— Зачем слепому дураку стеклянный глаз?

— И к чему вы это сказали?

— Не знаю... Подумал, мы обмениваемся поговорками.

— Даже если и так, не существует поговорки: «зачем слепому дураку стеклянный глаз».

— Откуда вам знать? Вы полицейский, а не филолог...

Распахнулась дверь. В кабинет вошёл лейтенант Поларк. Помнится, я обещал ему ковёр.

— Капитан, очевидцы говорят, что с де Салесом в момент совершения преступления был ещё один поделщик, кроме гнома — некий Эйвариллиан.

— Водитесь с убийцами, Лойд? — сыщик озарился язвительной улыбкой. — А вы знаете, что его родственники делают с полуросликами? М-м? Они поджигают дома с семьями в несколько поколений, насилуют женщин черенками от лопат, отрезают головы бедным детям... И всё — из-за жадности.

— А как черенки от лопат связаны с жадностью?

На лице капитана заиграли желваки. Должно быть, он посчитал меня моральным уродом.

— Вы узнаете, как связаны лопаты и жадность, если попадёте в тюремные камеры. А вы

попадёте, уверяю. Только если не поможете мне...

«Я знаю, как работает пропаганда в монархическом государстве, и почти полностью уверен, что байки про эльфов — фальшь, чтобы настроить народ против иной расы»

— Как вы думаете, где может скрываться ваш остроухий друг? Раскройте нам его, и вам скостят срок. Можете даже назвать Эйвариллиана инициатором — сейчас такое любят, и этого эльфа повесят, а вам дадут всего три месяца каторги. Мелочь, по сравнению с целой жизнью... И про лопаты узнаете только понаслышке.

— Я же уже сказал вам, что нас подставил какой-то низкорослый одноглазый мужчина, купивший вещи Симона, и он же спрятал от меня в кармане пиджака что-то, крайне напоминающее письмо. Подумайте головой: если в этом письме были данные, которые могли бы указать на хозяина Симона, то Геракти просто-напросто случайно оказался главным свидетелем, и за это его убрали. Я уверен, что мужчина в сером костюме и есть убийца...

— А вы не так-то просты, мистер де Салес, — сыщик прожёл меня взглядом. — Не слышал, что в детективном агентстве есть такие перспективные ребята... Поларк, вы всё ещё здесь? Прочешите окрестности и найдите мне эльфа.

— Слушаюсь! — лейтенант покинул помещение и прикрыл за собой дверь.

Капитан встал с кресла, подошёл к двери и запер её на замок.

— Знаеё, Лойд, в прошлую ночь я зря сказал вам о моих догадках: Симон, как ни крути, обычный парень, и в том письме со львом не было ни одного факта, который бы хоть косвенно намекал на его причастность к делу Адель. К тому же, в кармане пиджака того одноглазого мужчины могло быть и не письмо вовсе.

Де Лувиньи подошёл ко мне со спины. Я не мог повернуть головы, потому что был прикован наручниками к стулу. Мужчина взял меня волосы и немного стянул их в узел. Моё лицо перекосилось от злости.

— Что вы сказали?

— Я же уже повторил: скорее всего, там, в кармане, не было никакого письма. Вам просто показалось. А маленький мужчина в сером костюме — обычный офисный планктон, у которого совсем недавно умер отец. Мы его уже допросили и отпустили.

— Но Джером...

— Джером идиот. Ему померещилось. Прямо сейчас он уже изменяет показания на более правдивые, и это же я советую сделать и вам. А кроме того — сознаться в содеянном. Можно приплести эльфа, я уже об этом упоминал. Это будет для вас лучшим исходом.

«Если де Лувиньи так не хочет, чтобы смерть гробовщика раскрыли, это означает ровно одно — ему выгодно, чтобы её никогда не раскрывали. Из этого вытекает вполне очевидный факт: государственный следователь хорошо дружит с тем, кто натравил на нас Джерома и убил Гекарти. Выходит, он также знает с тем, кто хочет скрыть от меня письма Симона... Выходит, капитан знает того, кто похитил Адель»

Я резко дёрнулся. Наручники впились в мои руки.

— Мне не нравится, что вы так долго молчите, Лойд. — капитан отпустил мои волосы и, обойдя стул по кругу, встал прямо напротив. — Я переживаю, когда люди долго молчат. Тогда мне кажется, что они что-то скрывают. А вам так не кажется?

— Нет. Иногда люди молчат, потому что согласны со всем вышесказанным и им просто нечего добавить.

Сыщик легко рассмеялся, но затем неожиданно прервался выражением:

— Но ведь вам всегда есть, что добавить, не так ли, Лойд? — и прописал мне в бочину.

Я согнулся пополам, и мои руки, прикованные ко стулу, издали противный «хлопок» и растянулись до боли в суставах.

— Вы никогда не делаете того, о чём вас просят: вам сказали не братья за дело, но вы — взяли, вам сказали, что Джером врал, но вы думаете о том, что порядочный государственный служащий может нарушить клятву и действовать против народа. Не стыдно?

Я попытался распрямиться и придать себе самый послушный вид, какой только мог.

— Очень стыдно. Я раскаиваюсь. Джером прав, не было там никакого человечка в сером костюме, и напал он на меня исключительно из-за неприязни к моей персоне...

Капитан врезал мне в скулу.

«Какой превосходный государственный аппарат! Мне бы в таком работать...»

— Знаете, почему я вас ударил?

— Я сказал что-то не то. Что-то, что не соответствует действительности.

Де Лувиньи захлопал в ладоши.

— Вы поразительно понятливы. Мне даже кажется, что вы работали у нас в конторе... И как думаете, что же конкретно вы сказали не так?

— Преступление было совершено. Гекарти убит. Это значит, кому-то надо отсидеть.

— Поразительно. Вы правы! Может, даже знаете, кто совершил убийство?

— Ещё нет.

— Ай-ай-ай. — полицейский надавил мне на лоб и поднял голову на уровень со своим кулаком. После этого он врезал по мне и опрокинул вместе со стулом. Я свалился на пол и уставился на капитанские сапоги.

— Кто виноват в убийстве Гекарти, мистер де Салес?

— Я!

— Ответ неверный.

Де Лувиньи пнул меня хребту и позвал секретаршу. В комнату вошла молодая девушка. Завидев меня — избитого, связанного и еле дышащего, она ничуть не смутилась.

— Да, капитан?

— Приведите мне мистера Хейни.

— С ним ещё работают.

«Вот же...»

— Приведите. Мне уже через полчаса надо раскрыть дело и кое-куда съездить.

Девушка кивнула и вышла... Не закрыв двери. Мимо кабинета проходили всякие люди — преступники, просители, служащие, но ни один из них не спросил, почему какой-то там оболтус валяется на полу и плюётся кровью.

Вскоре привели Хейни — маленького, щурящегося от света и синего от кровоподтёков.

— Поздоровайтесь потом.

Капитан спровадил дознавателей и усадил гнома на стул. Завидев меня, мастер ядов прикусил бороду и начал дёргаться, как эпилептик.

— Что, ублюдки, мало полос на погонах, решили и за юнцов взяться?! Снимите наручники, и мы узнаем, кто тут чего стоит!

— Не кричите, горло посадите. — капитан хмыкнул и затем поднял меня вместе со стулом. — мистер Хейни, насколько мне известно, вам уже примерно обрисовали ситуацию: от вас требуется дать показания против некоего Эйвариллиана и, по возможности, раскрыть,

где он скрывается. Вы согласны?

— Пожуй мою бороду!

Капитан понятно улынулся и направился к рабочему столу. Под ним у него был припрятан хороший охотничий нож, видимо, кем-то подаренный. Подойдя ко мне, он поднёс его к моему уху и сказал:

— Мистер Хейни, или вы согласитесь помочь мне со следствием, или я отрежу вашему другу ухо и спихну это на тех, с кем он сидел в камере. Выбирайте.

Гном побледнел.

— Погодите... Это... это ведь незаконно!

— Тут я закон. — де Лувиньи чуть надавил на ручку ножа, и я почувствовал нестерпимую боль в области уха. В следующую секунду по моей щеке покатилась кровь. Чтобы не закричать, я прикусил язык.

Хейни забил ногами. Чуть позже позвал на помощь. После — начал угрожать. Затем — умолять. Но ничто не помогало: следователь продолжал методично бить меня по селезёнке и махать окровавленным ножом перед самым носом, возможно, надеясь вызвать у меня истерику. Она бы ускорила процесс признания. Но я не хотел этого. Я не хотел, чтобы мы признались. Впервые оказавшись по ту сторону правосудия, я отчего-то страстно пожелал испытать свои силы, зачем-то, совершенно бессмысленно, понять, оценить, на что же я способен, если всё это долгое время — целую жизнь, гордо называл себя дознавателем.

«Мало тех, кто может терпеть любого рода боль. Долго. Это никому не даётся легко. Нужны годы практики, и если вдруг сменишь тело, что, в принципе, всегда считалось невозможным — тебе придёт конец...»

Капитан позвал подмогу. В комнату вошла тройца жандармов. После этого сыщик снял с меня наручники и поднял со стула.

— Ну же, Лойд, покажите свои умения. Я слышал, у вас хорошо получается!

Я еле держался на ногах. Капитан зацепил меня левым хуком, и я повалился куда-то в глубину кабинета.

Гном смотрел на всё это с выражением полнейшего ужаса.

— Мистер Хейни, вы ещё можете помочь своему человеческому другу и избавить его от страданий... Смотрите, он ещё держится!

Жандармы сдержанно хохотнули: я выполз откуда-то из-за стульев и попытался подняться, оперевшись на столик с бумагой. На ней отпечатались мои кровавые следы.

— Не думал, что у Лойда де Салеса есть какие-то принципы. Не сдавать своих? Защищать террористов? Да вы, батенька, преступник! — де Лувиньи с размаху пнул меня в спину, и я, щёлкнув зубами, свесился со стола.

«Мой дух способен на большее. И неважно, что тело де Салеса изнывает от боли: в его голове сидит Ричард Донаван, а этот человек никогда не придавал близких... Обман. Да и были ли они у него, эти близкие?»

Жандармы затащили меня обратно на стул и усадили напротив Хейни. Гном задрожал. Я поспешил успокоить его.

— Не бойся, Хейни... — стоило мне сказать глухую согласную, как с моих губ срывалась кровавая пена. — Это всё мелочи. Сама жизнь — мелочь. Если никогда не было того, ради кого можно умереть, то зачем жить?

— Сентиментально... — капитан с умилением сложил руки на подбородке. — Парни, похоже, у нас тут крепкий орешек. Несите молоток и гвозди... Ах да, и кофе. Спасение

государства утомляет. — капитан повалился в кресло, оставив нас с Хейни созерцать наши избитые лица. С гномом обошлись ещё хуже — у него уже не доставало зуба и было видно отсутствие клока волос.

«Скорей бы умереть... Нет, ну правда. И зачем мне какая-то там "новая жизнь"? Чтобы исправить прошлые ошибки? Пожить ради себя? Какая глупость. Новое тело не делает человека другим. Это то же самое, как дать нищему мешок золота. Что, нищий сразу побежит вкладывать деньги в гильдию торговцев шёлком? Снарядит отряд первопроходцев и откроет новый континент? Хотя бы задумается, что он делал в жизни не так, если оказался на улице? Очевидно же, что нет — не откроет он своё предприятие, не назовёт своим именем хотя бы клочок земли, никому после смерти ненужный, не разберётся в себе и ничего не исправит. В новой жизни я останусь тем же Ричардом Донаваном — одиноким любителем ломать сытые жизни тех, кто осмелился поднять голову и рассмотреть что-то, кроме денег. Ни скажу, что это плохо. Запомнится самому себе надо каким-никаким героем, спасающем мир от людей, мнящих себя свободными, а не охочим до наслаждений уродцем из параллельной реальности. Не хочу такой жизни...»

Мой стул пропитался тревогой, как маковые коржи жирными сливками. Наверное, если бы кто-то любил стулья и чувство бессилия, он бы нашёл этот стул очень вкусным...

Жандармы принесли инструменты — в грубой, серой ткани, и, конечно же, они принесли и кофе. Капитан вальяжно поднялся с кресла, забрал чистую белую кружку, сделал несколько глотков и принялся подбирать гвоздики.

— Знаешь, что чувствует человек, когда в него вгоняют сталь?

— Агонию, наверно. — я постарался спокойно пожать плечами. Вышло весьма топорно — от предвкушения несовместимой с земным существованием боли я не мог пошевелить и пальцем.

— Храбришься? Ну-ну... — де Лувиньи захватил молоток и направился ко мне.

Один жандарм остался стоять над гномом, а остальные два — зашли мне за спину и прижали к стулу. Капитан попросил одного из них вытянуть мне руку, после чего приставил к обратной стороне моей ладони средненький гвоздик.

— А знаешь, что самое смешное?

Пелена застилала мои глаза, но я всё равно сумел кое-как рассмотреть ослабившееся лицо следователя.

— Мы её даже не нашли... — посмеивающийся мужчина поднял молоток, и вдруг, одновременно, произошло два неожиданных события...

Первое — гном заорал «я подпишу всё, что скажете» и пустил слезу, и второе — капитан выронил молоток, схватился за сердце и упал на то место, где пять минут назад лежал я...

Нас закинули в пропахшую сгнившим сеном камеру. По идее, в подобном временном отрезке уже не должны были стелить каменные полы соломой, но, видимо, к тюрьме славные вехи прогресса никоим образом не относились — здесь царила своеобразная традиция. Пожалуй, всем местным консерваторам не терпелось попасть сюда, ведь именно в этом месте ничего и никогда не меняло своего облика.

Я не мог пошевелиться. Даже поднять руки. Любое движение отзывалось нестерпимой болью в костях. Хейни сказал, что у меня сотрясение, многочисленные ушибы и перелом рёбер. За пару дней Лойда де Салеса отделали так, что теперь он рисковал на всю жизнь остаться инвалидом. По крайней мере, я так думал.

— Хейни, какой сейчас час?

— За полночь. А что?

— Ночью ко мне должна прийти девушка. Если она не застанет меня дома, то начнёт переживать...

Гном одобрительно цокнул.

— Сабрина?

— Откуда ты знаешь? — задав вопрос, я так и продолжил валяться на полу, даже не повернув головы, и не прекращал пялиться в потолок, покрывшийся неровностями и трещинами.

— Ты сам говорил, когда мы пили. Не помнишь?

— Удивительно, что ты помнишь. — я улыбнулся, и у меня жутко заболела скула.

— А чего тут помнить. У меня — Лидия. У тебя — Сабрина. У Эйви... У него не знак Он сам по себе.

— Понятно.

Я вернулся к рассмотрению потолка и обморожению почек — пол был холодным, несмотря на лето и эту проклятушую солому, и я пришёл к выводу, что наверняка заболею... Но лежать не перестал. Это было слишком хорошим занятием, хотя бы, по сравнению с другими — сидением, катанием и стоянием... Также ещё существовало такое славное занятие как вешание, но оно показалось мне слишком претенциозным.

Гном зашуршал, чтобы обратить на себя внимание.

— Как думаешь, что случилось с этим ублюдком?

— Сердце заболело. Наверное, от злорадства... — сказал я на выдохе, держась за покалывающие рёбра.

— А я вот думаю, что это боги его покарали.

Я удивился: Хейни не казался мне таким уж верующим. Повернувшись к нему, я поймал на себе его серьёзный взгляд.

— Не шутишь?

— С чего бы. — гном пожал плечами. — В мире должна быть справедливость, Лойд. Как, с-собака, шар не крути, а должна. Если бы во вселенной только и делали, что наживались на человеческой доброте, наивности и слабости, то он — мир, давно бы канул в лету.

— Не знаю. Сколько себя помню, только и видел, что несправедливые поступки. Взятничество, драки, воровство... Государственный произвол.

«Мой... произвол?»

— А я видел доброту.

— И где?

— На рынке.

— Продавалась задаром?

— Нет-нет, у мальчика. Неделю назад. Я шёл по городу с похмелья, усталый и без денег, а жара стояла такая, что не продохнуть. Пить хотелось — хоть убейся. Никому до меня не было дела, и все обходили мою пьяную рожу стороной, но тут я повстречал его... Лет десять. Он назвал меня дядей, дал воды во фляжке, а сам продолжил и дальше разносить пирожки. Мне хотелось как-то его отблагодарить, но денег то не было. Вот я и ушёл.

— Равносильно ли одолжение воды и смерть какого-нибудь могильщика? Уравновешивает ли это баланс сил добра и зла? Мне вот кажется, что нет. Оттого в мире и беды.

— А что ты хочешь? Чтобы этот мальчик дал тебе мешок с топазами?

— Да дело не в мальчике. Дело в том, что когда он вырастет и ему будет положено творить добро в более крупных размерах, он наоборот — очерствеет и забудет о своём добром начале. Вместе с детством в людях пропадает бескорытность.

— Твоя правда. Уверен, по молодости де Лувиньи не был такой скотиной. Это ж надо удумать, сфабриковать дело из ничего...

— У него есть на это причины. Поганые, но всё же: он боится, что общественность узнает о том, что он связан с пропажей Адель более прямо, нежели принято думать.

— Не понимаю. Зачем ему красть Адель?

— Де Лувиньи никого не крал. По крайней мере, я так думаю. Он лишь покрывает похитителя. Возможно, поэтому капитана изначально и выбрали на это дело — чтобы он стал ширмой... Но я не знаю местных богачей, оттого и не пойму, в кого тыкать пальцем.

За дверью зазвенели ключи. Мы приготовились к худшему... Задрезжал свет от лампы. На выходе появился тот, кого я никак не ждал увидеть.

— Добрый вечер... Вернее, ночь. Я прослышал о вашей беде и просто не мог не откликнуться... Господа, освободите этих джентльменов и проводите их в мою карету!

За спиной нашего спасителя показались жандармы. Они зашли в камеру, весьма культурно подняли нас с пола и, за что я им крайне благодарен, любезно потащили на выход. Там стояла карета. С замазанным гербом. На её козлах сидел маленький человечек в маске. Он носил широкое одеяние, и я не смог понять — крепок он или же худ.

У самого входа в карету жандармы отпустили нас и скрылись в конторе. Наш спаситель вышел из неё спустя минуту, весьма довольный собой... Впрочем, я бы тоже был весьма доволен собой, если бы спас детектива, расследующего пропажу моей любимой.

— Как вы нас освободили? В деле фигурирует нападение, порча имущества и убийство — по всем правилам нас должны запереть на семь замков...

— Мой дорогой, связи делают человека почти богом. — аристократ приобнял меня за плечи и улыбнулся. — Ну да не будем об этом. Данный этап жизни благополучно пройден. Вы относительно целы и готовы раскрыть мне местонахождение моей любимой...

Мускул на моём лице предательски дрогнул. Это не скрылось от внимания виконта и мигом привело его в подавленное состояние духа.

— Что, следствие так и не сдвинулось с места?

Я не стал отвечать и только неловко развёл плечами. Да и что тут скажешь? «Ваша

любимая похищена неизвестными, которые утирают мне нос и воруют письма?». Такого моя самооценка просто бы не вытерпела...

— Кхм, — гном едва заметно топнул ногой. — Лойд, мне надо идти. Предупредить нашего общего друга о... Гостях.

— Да-да, конечно. Я тоже не задержусь, пойду с тобой...

Только я хотел опереться на гнома и поплестись до ближайшего переулочка, чтобы свалиться от боли, как виконт схватил меня за руку, будто вора, и с нажимом заявил:

— Я не шутил, когда говорил жандармам о том, что вы пойдёте в мою карету. Нам надо поговорить... О всяком.

«А этот аристократик умеет проявлять упорство... Ну ничего, я тоже умею»

— Мне надо встретиться с дамой — она ждёт меня дома. К тому же, посмотрите, — я чуть отошёл от виконта и широко раскинул руки, чтобы он увидел всю глубину моего ужасного положения, — Я избит, как портовый пьянчуга. Устал, голоден и хочу спать. Какие тут могут быть разговоры?

Гном не мог меня бросить и поэтому неловко переминался с ноги на ногу в ожидании разрешения проблемы. Мне не хотелось делать его невольным свидетелем, но и забраться в карету и поехать чёрт знает куда я не тоже не желал.

— Лойд, после ужина у меня осталась половина рябчика. К тому же, в моей квартире есть ванная комната и гостевая спальня... Но если и это вас ещё не убедило, то вот вам жест доброй воли: в моём кабинете вы найдёте вытяжку из драконьей поджелудочной железы, смешанную с магическим Керийским ядом.

Гном невольно раскрыл рот.

— Вытяжка... с Дракона? — Хейни схватился за бороду. — Лойд, немедленно едь туда! Это лучшее средство для заживления мышечных тканей!

— Ну, не знаю... Это ведь очень дорогая химическая субстанция.

— Для детектива по делу Адель мне ничего не жалко. — аристократ раскрыл дверь кареты и, словно какой-то слуга, плавно махнул рукой, приглашая меня войти.

«Сын графа открывает перед родственником работягов двери?.. Не нравится мне это. Ни один самовлюблённый павлин, а этот щёголь — явно самовлюблён, не станет унижаться перед таким, как я»

Гном подошёл ко мне и, встав на цыпочки, зашептал:

— Не мнись, как баба перед спальней. Эта вытяжка стоит, как половина моего товара, твою мать...

Я устало вздохнул и ещё раз взглянул на улыбчивое лицо виконта... И оно мне не понравилось.

— Ладно, что это я. Едем!

— Наконец-то вы решились! — обрадованный аристократ залез в карету и оставил дверь открытой.

Прежде чем залезть в экипаж, я наклонился поближе к гному и шепнул ему на прощание: «Будь осторожен. За тобой следят...», а затем уселся на пуховые перины. Мы моментально тронулись с места и быстро поехали по ночным улицам.

— Он уезжает! Видите, олухи? Уезжает! — Пастушок убрал бинокль и злобно врезал по черепице. — Не поймаешь.

— А вы нам не верили! — запричитали дуболомы, разминая ушибленный места. — Говорили, мы обманщики и даже одного дурака поймать не можем...

— Так это правда — вы патологические неудачники. — Джейме наставительно поднял палец к небу. Это означало, что сейчас он скажет какую-нибудь мудрость. — Чтобы поймать лису, надо забрать её лисёнка.

— Но у Лойда нет лисы...

— Гербан, и чем ты только думаешь! — взорвался красный Гарри, ещё обиженный на острый язык товарища, что привёл их к нынешнему незавидному положению. — Лиса и лисята — это аллегория.

— Теперь понятно. — громила медленно закивал...

— Да что тебе там понятно! — Гарри с яростью вмазал по крыше. После его удара на черепице остался след кулака.

— Аллегория — выражение отвлеченного понятия в конкретном художественном образе...

Пастушок и Красный Гарри недоумённо уставились на товарища.

— Откуда... впрочем, неважно. — букмекер провёл по сонному лицу рукой и затем поднёс к глазам бинокль. Вдалеке он увидел вышагивающего по улице гнома.

— Собираемся. Пора показать Лойду, кто в этом городе главный.

Процентщик поднялся с насиженного места и начал спускаться по маленькой лесенке. Бедные громилы неповоротливо потопали за ним. Вскоре они спустились на землю и пошли дворами, надеясь подловить мастера ядов в узком переулке. Так оно и вышло — опытные бандиты добрались до предполагаемого места встречи первыми и устроили гному засаду.

— Как только он пройдёт мимо нас, Гербан бьёт ему по затылку, А Гарри — вяжет верёвками. Ясно?

Вышибалы кивнули. Вскоре в проулке показался и сам Хейни — он плёлся по мостовой, едва волоча ноги от усталости. За ним шли четверо маленьких и подозрительных личностей.

— Босс, там охрана. — Красный Гарри тревожно поправил давно приготовленные верёвки. — Что будем делать?

— Ты видел, какая там мелочь? Быстро разберёмся... А где гном, твою мать?!

Бандиты уставились на дорогу. По ней шли лишь четверо маленьких человечков, в плащах до самых глаз.

— Может, он под плащом?

— Думаешь? — Пастушок нервно взялся за волосы на затылке и принялся накручивать их на пальцы. — Ладно, не мог же он исчезнуть, так? Значит, работаем.

* * *

Квартет гоблинов бесшумно двигался по ночной улице. В руке каждого из них тяготело стальное оружие. Они хотели одного — мести.

Впереди шёл более крупный гоблин — тот самый банкир, известный всему городу как один из самых богатых граждан империи. Он намеревался отомстить подлому бородачу, решившему, что он имеет право бить миллионера по пятой точке... Но неожиданно для всех,

гном куда-то пропал. Шёл себе по дороге, и раз — нет его. Это обстоятельство привело банкира в тихую мигрантскую ярость.

— Он не мог хорошо спрятаться. Продолжаем идти и смотрим по сторонам.

Квартет двинулся дальше. Гоблины внимательно осматривали каждый угол, но так и не смогли найти затаившегося нечестивца.

Банкир был очень зол. Он так уверенно и яростно ступал по мостовой, что с виду даже добавил пару сантиметров в росте. Вскоре главный гoblin вышел из проулка...

— Раззудись плечо!!!

* * *

Гербан очень устал от несправедливости окружающей его действительности, и поэтому, когда ему выпал шанс отомстить за своё незавидное положение в обществе, он не стал играть в полсилы — размахнувшись что было мочи, бандит засадил по гному огромной дубиной и раскроил ему голову. Даже не потребовались верёвки — негодяй свалился без чувств.

Красный Гарри накинулся на тройку телохранителей и раскидал их по всему проулку. Джейме Пастушок был вне себя от радости. Он даже засмеялся — злобно так, утробно, и гнусный хохот его растёкся по улицам, как осенний туман.

— Ну что ж, мистер гном, — букмекер вылез из укрытия и вальяжно подобрался к поверженному противнику. — Расскажите мне, где прячется Лойд де Салес? — завершив исключительную по содержанию фразу, мужчина перевернул тело гнома лицом к небу... — Ты кто такой?!

Разъярённый Пастушок вцепился в миллионера и принялся яростно его трясти.

— Сволочь, где гном? Отвечай, когда тебя спрашивают!

— Ты... — ненормальный карлик зажмурил глаза и тут же резко их раскрыл. — Это ты...

— Да, я! — ничего не понимающий Джейме отвесил банкиру пощёчину. — А ты кто?

— Ах ты, проклятый гном!

Ослеплённый яростью миллионер сбросил Пастушка и, обмотав букмекеру ноги плащом, принялся неистово его избивать.

Громилы не стали спасать босса и, устало облокотившись на стену, закурили.

— Гарри, а это ведь карлик.

— Я видел его в газете. Банкир. Миллионер.

Богач слез с окровавленного Пастушка и принялся избивать его ногами.

— Как думаешь, Гарри, у нас есть время, чтобы собрать вещи?

— Ты это к чему?

— Мы ведь прокляты. Нам надо скорее бежать из города.

— Гербан?..

Коллега Красного Гарри пугливо огляделся по сторонам и, не заметив опасности, рванул прочь из проулка. Не ожидавший этого Гарри спешно побежал за ним.

В это время из пастушка выбили весь дух. Вспотевший миллионер завершил дело последним ударом и, сломав бедняге челюсть, радостно поковылял по городу. На охрану ему было плевать.

Спустя пару минут из темноты показался силуэт эльфа. Под его плащом припрятался ужасно красный гном. Проходя мимо Джейме, бородач не выдержал и разразился весёлым смехом.

— А всё же, Лойд, в мире есть справедливость!

* * *

Наша компания приехала на улицу генерала Стефана. Кучер погнал экипаж в стойло рядом с домом, а мы с виконтом зашли в единственный подъезд и поднялись на седьмой этаж. Дверь в его квартиру представляла собой произведение искусства. Я невольно сравнил её с моей дверью, и пришёл к выводу, что тело Лойда де Салеса — не лучший из возможных вариантов.

Как только моя нога ступила в квартиру, мне сразу бросилась в глаза удивительная роскошь — вся мебель в доме была деревянной, оформленной бронзой или слоновой костью, а столешница на кухне, на которую меня спровадили, и вовсе походила на чистый мрамор; сиденья, стоящие близ этой столешницы, все как один были оббиты бархатом. Все предметы быта, конечно же, декорировались — резьбой, позолотой, лепниной — словом, чем угодно, лишь бы несравненно дорогим и броским. Квартира производила впечатление жилища некоего очень богатого и очень влиятельного человека. Возможно, такой она и была. Адель и Вивьен никогда бы не тёрлись рядом с бедняком.

— А вот и я, — в широком дверном проходе появился виконт. Он уже переоделся — на нём был домашний халат. — Принёс, что и обещал. — мужчина протянул мне хрустальный флакон с алой жидкостью. Я без промедления взял его и выпил. Спустя минуту адская боль в тело сменилась умеренной, а спустя пять — и вовсе прошла, уступив место лёгкому приятному покалыванию.

Я наконец смог систематизировать полученную информацию — во время поездки я с горем пополам запомнил, что мистер де Лувињи скончался от сердечного приступа, а виконт, зачем-то, решил перекрасить герб, потому как его старый стёрся.

— А какой у вас герб, Реймонд? Я так и не успел спросить: от боли меня выворачивало наизнанку.

— Да так, не суть важно. Обычный герб. Не хочу хвастать. — мой спаситель мило улыбнулся. — Главное, что вам полегчало...

— Да, спасибо...

— И вы можете ответить на мои вопросы. — настойчиво добавил хозяин квартиры, чуть прикусив нижнюю губу.

Что-то во мне переломилось.

«Ричард, ты идиот...»

Погруженная в тень кухня заволочлась дымом — виконт торжественно вручил мне пару курительных трубок. Я боялся к ним притрагиваться и, на всякий случай, незаметно поменял их местами.

— Так что же приключилось с мистером де Лувињи? — участливо спросил виконт, постукивая длинными пальцами по столешнице. — Сердечный приступ, да?

— Зачем спрашивать, если и так знаете?

«Кому выгодно красть девушку из-под венка...»

Виконт несколько помрачнел. Тень упала на его милое лицо и сделала его похожим на ночной кошмар, в котором куклы превращаются в безжалостных убийц.

— Я спросил вас лишь оттого, что переживаю, как бы смерть де Лувињи не стала для вас отправной точкой... Обрато в тюрьму.

— Вы очень добры ко мне, Реймонд. Даже не знаю, чем вам отплатить.

— Найдите мне Адель, — глаза спасителя засверкали. — Я люблю её. Люблю каждой клеточкой своего тела...

— А она... вас?

К горлу хозяина квартиры подступил ком. Он вспотел, безумно огляделся по сторонам и спросил дрожащим голосом — с минорной, жуткой интонацией:

— И что вы имеете в виду?

Я поспешил объяснить:

— Любила ли вас Адель? В конце концов, она ведь решила выйти замуж за другого...

— Это всё деньги. — моментально парировал виконт, с возмущением присосавшись к курительной трубке.

— А у вас их разве нет? — я окинул взглядом богатое убранство кухни. — Один набор ножей, должно быть, стоит, как чья-нибудь квартира в Золотом Утёнке.

— У меня есть деньги, это правда. Но она бы их никогда не приняла... Гордячка. Своевольная. — мужчина с отчаянием вцепился в стул: будто боялся, что некий ураган сметёт его с этой треклятой кухни навсегда. — Ей не нужна золотая клетка, ей нужна свобода. Представляете, свобода! Кому она вообще нужна в наше время?

Я почувствовал странную, едва заметную боль в голове. Она отдавала колющими ударами в затылок.

— Молодые никогда не смотрят на мир трезво. Выбирая золото или свободу, они с большей вероятностью выберут свободу.

Реймонд захохотал: кажется, он принял что-то очень мощное и, вероятно — противозаконное. Будь я доктором, немедленно бы отправил парня в лечебницу — только там людям разрешено смеяться с таким остервеневшим удовольствием.

— А вы всё понимаете, да, Лойд? Всегда так внимательны к деталям.

«...Знаю только, что их было трое. Один — статный, крепкий мужчина, второй — масенький, почти как ребёнок, и третий — худой, среднего роста. Они зашли в дом и вернулись оттуда спустя минут пять. Тот, статный, был очень недоволен — всю махал руками и бранился. Те двое его слушали. Затем они, эти двое, взяли из кареты какой-то мешок и зашли обратно. Вернулись они уже с телом...»

— Может, и внимателен. Не знаю. Вам со стороны виднее.

Реймонд противно хмыкнул.

— Мне-то да... Мне всё видно. Но давайте не будем беречь мои сердечные раны и вернёмся к де Лувињи... Скажите, он пил что-нибудь перед тем, как свалиться с ударом? Или, может быть, ел?

«Реймонд идеально подходит на роль похитителя, но остаётся вопрос — зачем он убил следователя? Какую цель преследовал? Или это не он... Спрятал от меня герб кареты, опоил Керийским ядом с железой дракона и желает подарить Адель золотую клетку. Думай, Ричард!»

— Следователь выпил кофе. Думаете, оно отравлено?

Из рук виконта выпала курительная трубка. Она разбила кафель. Мужчина её так и не поднял — его руки слишком дрожали. Извинившись, он бросился прочь из кухни и оставил меня наедине со своим поражением.

«В комнате девушки не нашлось следов борьбы. Мог ли Симон их спрятать? А если драки не было, то каким образом похитители вывели Адель за пределы поместья? Капитан сказал, что они её даже не нашли, это ведь наверняка про Адель? Она сбежала раньше, чем её успели поймать? Чёрт!»

Я опрокинул кресло, на котором сидел, и врезал по ненавистному мрамору.

«Не делай поспешных выводов: Реймонд может быть просто испуганным любовником... Но зачем он убежал, чёрт его дери!»

Не став поднимать кресла, я вышел в коридор. Тёмный, как беззвездная ночь. Я не видел его концов, не видел даже того, что или же кто прячется за углом.

— Реймонд? Реймонд...

Уняв подлую дрожь, я решительно двинулся вперёд. Квартира имела много комнат, но ни в одной из них не было виконта. Это меня нервировало. А темнота — пугала. Я не мог успокоить себя, сказать, что если бы виконт захотел меня убить, то он бы оставил меня гнить в тюремной камере: я не понимал его мотивов. Не мог найти их и впервые за долгую практику пребывал в уродующем чувстве неведения.

«Если бы я украл девушку, мне бы было выгодно оставить детектива живым? Нет. Я бы никогда не вытащил его из тюрьмы, скорее засунул бы ещё глубже. Если бы я потерял девушку, которую желаю украсть, я бы оставил детектива живым?..»

За очередной дверью, открытой моей дрожащей рукой, спрятался кабинет. Двухкомнатный. В первом помещении стоял письменный стол и множество книг, а также — камин, отчего-то жарко пылающий даже тёплым летом...

Я бросился к огню и, невзирая на высокий шанс получить ожог, умудрился вытащить оттуда огарки исписанной бумаги. Судорожно стряхнув с них пепел, я придался загадочному чтению:

«...Приди в Ложку, нам надо... Ты уедешь... Кажется, я знаю... Скрывается... Сегодня к тебе... Забери дневник и сожги, он... Действуй»

Письмо не открыло мне тайн, скорее добавило новых.

«Какую цель преследует Реймонд? Чего он хочет? Он убил Симона, чтобы замести следы?»

Я взял второй обожжённый лист.

«Если меня... Знайте, это... Не верьте ему, он заставил... Убийца... На улице Каменщи... Одноглазый че...»

Я бросил чтение письма и отскочил от камина: мне показалось, что в дверном проёме

показался арбалет.

«Всё сходится. Троица, упомянутая бездомным, это Реймонд, Симон и человек в сером костюме. Но если бы Адель захотели похитить, хватило бы и одного Симона... Зачем нужна Беатрис?»

Реймонд отыскался в крайней комнате: с стеклянными шкафами, за которыми припрятались многочисленные пузырьки. К неудовольствию своему, я признал, что они напоминали яд. Виконт пил один из этих настоев, зелёный. Вся комната была также уставлена ретортами.

— Практикуетесь в алхимии?

Обезображенный страхом виконт жалко поднял голову и ехидно ухмыльнулся.

— Почему у вас руки в саже? Полезли в камин, погреть?

— А почему у вас в камине письма убитого слуги Адель де Вилларе? Почитать перед сном?

Реймонд попятился и по-животному — плавно и умело, встал, после чего с присущим преступникам фатализмом молвил:

— Это должно было случиться. Раньше, позже — всё едино.

— Не выгнали бы меня из тюрьмы, и ничего бы не произошло.

Виконт фыркнул.

— Знаете, это как в сказке. Человек бежал от судьбы, но привёл её в свой дом. Я хотел узнать, не наплёл ли де Лувињи лишнего, но в итоге всем своим видом раскрыл свою истинную сущность. Грустно, не правда ли?

— Кем вам приходится де Лувињи?

— Вы и об этом уже догадались... Родственником. Дальним. У нас обоих на гербах львы. Ведь вы хотели узнать именно это, да? Довольны?

— Буду доволен, когда узнаю, что случилось с Адель.

— А вы ещё не поняли, идиот? — виконт заиграл пальцами и начал обходить меня по кругу. — Если я не убил вас ещё в тот день, когда вас наняли, это значит, что я желаю найти эту бессовестную врушку не меньше вашего...

— Врушку?

Лицо униженного любовника исказилось. Тогда-то я и догадался обо всём.

— Она обещала вам, что в случае помощи с побегом пойдёт за вами на край света, но в итоге сбежала?

Мужчина оскалился.

— Верно.

— Симон был нужен, чтобы обмениваться с ней письмами, а Беатрис — как контрольный пункт, откуда вы должны были вместе уехать в вашу золотую клетку?

— Негодяй... Вы глумитесь надо мной... — мускулы на лице Реймонда задрожали. Он больше не владел собой. Этот беспокойный день стал последней каплей в чаше его безумия.

Приготовившись к худшему, я медленно, скрещивая ноги, как на дуэли с рапирами, приблизился к полкам с ядами.

— Что это за лаборатория?

— Я практикуюсь в алхимии. — виконт страшно ощерил зубы. — И обучил этому ремеслу Адель.

— Значит, убийца не вы... — тихо сказал я, доселе почти уверенный в обратном.

Осознав, что же происходило на самом деле всё это время, я пришёл в ужас. Не от

ситуации — от своей убогой недалёковидности.

— И всё же, вы оказались не до конца правы.

Я недоумённо поднял голову и взглянул на изуродованного яростью виконта.

— Сегодня — убью я...

Я сделал кувырок и оказался около пузырьков с ядами. Арбалетный болт пробил стеклянный шкаф, и с него потекло множество цветных жидкостей.

Реймонд вознамерился одолеть меня силой, но благодаря его противоречивому разуму, желающему одновременно грохнуть детектива и дать настойку на поджелудочной железе дракона, у меня тоже была энергия. И много.

Я увернулся от бокового и ударом снизу выбил из виконта дух. Он повалился на свои ядовитые книги, и я локтем прошиб ему голову. Реймонд свалился без чувств.

В комнату вошёл одноглазый человек.

— Так случилось, что все тузы у меня на руках.

— Но так уж случилось, что я не в карты играю.

Я отбежал от подозрительно уверенного в себя негодяя и, захватив с полки какую-то красную бурду, бросил её в него. Результат превзошёл все ожидания: несколько капель попали одноглазому на лицо, и он принялся жутко, заунывно кричать. Это прибавило мне смелости, и я бросился на малыша и одним пинком от груди вlepил его в стеклянную, выходящую на балкон дверь. Противник пробил её своим телом и свалился где-то у ограждения.

Не став испытывать судьбу, я выбежал из кабинета и, натыкаясь то на мебель, то на цветочные горшки, устремился на выход. Меня никто не остановил.

Ближе к утру мне удалось добраться до своей квартиры в Золотом утёнке. Ровным счётом, я не знал, что буду теперь делать: спать в тот момент было бы самым бессмысленным и глупым на свете занятием, а бежать с обвинением в полицию — ещё худшим, ведь там бы меня снова поймали. Даже поход к де Вилларе старшей, в общем-то, отдавал каким-то идиотским флёротом: вместо дочери я бы дал бедной женщине лишь обвинение какого-то там виконта-негодяя в подстроеном побеге и убийстве служанки.

С этими сумбурными мыслями я и завалился к себе домой. Дверь в квартиру оказалась открытой — моя гостья собирала чемоданы и так увлеклась этим делом, что и не заметила моего появления.

— Уже уходишь?

Сабрина неприлично взвизгнула и резко отпрыгнула к стене.

— Не бойся, это всего лишь детектив. Один усталый, помятый детектив...

Я прикрыл за собой дверь и повалился на матрас. Он сохранил запах её духов — ванили, тягучей карамели и сладких ягод... Не представляю, откуда у бездомных имеются такие духи. Наверное, их раздают вместе с галетами.

Девушка перестала собирать вещи и упала на моё лежбище. Она так лыбилась, что даже почти убитый многочисленными физическими нагрузками, жутко невнимательный, я всё же догадался, что у неё произошло что-то очень хорошее.

— Неужто, в Спелых яблочках не досчитались выручки?

— Какой ты злюка, — гостья шутливо насупилась и пригрозила мне пальцем. — Я никогда не ворую. И хорошо мне совсем по иной причине...

— Переезжаешь?

— Через неделю отплываю на большом корабле. Буду ютиться в третьем классе.

Я молча кивнул и сложил гудящую голову на подушку.

— Что, расстроен?

— Нет. Это твоё право — уезжать, когда тебе вздумается.

— Но ты всё же расстроен. — внимательная бестия легонько ткнула меня кулачком. — Что-то случилось?

«Я с горем пополам раскрыл похитителя, а он оказался родовитым богачом, к тому же, совершенно не знающим, где спряталась его так называемая любовь»

— Произошло много... Всякого. — я не стал вдаваться в подробности, чтобы не навлечь на молодую особу излишнюю тоску.

— Например? — но девушка, как назло, не отставала.

— Хочешь примеров? — сказал я слишком уж злобно, даже несколько злорадствуя. — Тогда держи: я нахожусь под следствием за убийство человека, которого прирезал подельник моего главного подозреваемого, а сам этот главный подозреваемый поджёг единственные улики и от страха за свою жизнь обожрался противоядиями, как свинья желудями. И даже не пойти в полицию — обвинения-то голословны...

Сабрина крепко меня обняла и принялась гладить по голове. Как ни странно, полегчало.

— Бедный-бедный детектив. Совсем один. Обманут... Дважды.

Я приподнял голову. Девушка уловила на себе мой взгляд и устало улыбнулась.

— Ты хороший человек, Лойд. Жаль, что так вышло... Что мне надо уехать. Мы бы

могли многое друг другу сказать.

Я вдруг напрягся... И оцепенел.

— Так скажи сейчас.

— Не имеет смысла. Ты вряд ли меня поймёшь.

— Так останься, и я тебя пойму.

— Не могу! — дама встрепелась, и её локоть чуть не отбил мне лоб. — Всегда этим заканчивается. Я ничего не обещаю мужчине, но он влюбляется в меня до беспамятства и хочет запереть, как... как...

— Как птицу в золотой клетке?

В глазах девушки застыли слёзы.

«У неё голубые зрачки?..»

— Я сегодня без линз. — девушка горько хмыкнула и утёрла слёзы. У неё потекла тушь.

Она выглядела... прекрасной.

«Лойд, хватит себя обманывать. Это не любовь, просто желание найти кого-то нового...»

— Так это ты...

— Ничего не говори.

Сабрина прильнула к моим губам. Я впился в них с той страстью, с какой униженные любовники пытаются компенсировать своё падение. Завершив короткий, страстный поцелуй, девушка сняла с себя блузку и с диким желанием обхватила моё тело. Я обнял её с жаром, и, кажется, у нас поднялась температура... Или... У меня одного?

Мы продолжили глупый процесс раздевания и начали с моих штанов. Она помогла мне их снять, и я бросился к ней с двойным усердием. В тот момент гостья казалась мне чем-то большим, чем просто девушка на одну ночь. Чем-то большим...

Я обнимал её. Держал за плечи и не желал отпускать, хотя понимал, что рано или поздно она должна уйти. Это должно было случиться. Ей нельзя было оставаться в городе.

Мне многое хотелось ей сказать, и она знала это. Смотрела меня, на мои полураскрытые губы, и ловила каждое слово, порой несказанное. Она знала меня лучше, чем я сам. Так мне казалось.

Но я не хотел ничего говорить напрямую. В этом не было никакого смысла. Я не хотел знать, что было вчера, что было неделю назад, что привело её к моему порогу. Судьба? Некая общая связь, которая должна связать чьи-то души? Мне всё равно.

— Ты так ничего и не скажешь? — девушка нежно прижалась к моей груди. Она слушала бешеное биение моего нового сердца.

— А что бы ты хотела услышать... Сабрина?

Идеал женщины посмотрел на меня с хитрым прищуром.

— Что я очень красивая.

Я озарился спокойной улыбкой.

— Ты слишком красивая, чтобы я тебе это говорил. Чем лучше девушка, тем меньше ей надо комплиментов — тогда она начинает ценить их.

— Я так и знала, что ты манипулятор...

Я попытался усмехнуться, но с моих губ сошёл лишь больной смешок. Вместе с кровью.

Девушка отпрянула от меня и, заметив, как по мне стекают тонкие струйки, надрывно, чуть ли не доведя меня, — сурового, как мне казалось, — мужчину, до слёз, спросила:

— Что с тобой?

— Кто-то намазал ядом обе трубки.

— Почему ты не сказал об этом раньше! — дама не медля поднялась с матраса и бросилась к чемодану. Под стопкой вещей нашёлся чемоданчик поменьше. Она подошла ко мне, держа его в руках, и я мог вплотную его рассмотреть: синий, с золотой ручкой. Такой маленький, но такой коварный...

Сабрина достала противоядие. Какую-то едкую зеленоватую смесь. Стоило ей открыть пробку, как квартира мгновенно наполнилась дурным травяным запахом.

— Пей.

Гостья поднесла пузырёк к моим губам со следами помады. Её помады. Я отвёл её руку.

— Не хочу.

— Ч-что? — девичий голос неожиданно дрогнул.

— Не хочу жить. Я прожил достаточно долго. Всё, что сейчас происходит — излишество, подаренное неизвестно кем за непонятные заслуги.

— Значит, я тоже излишество?

— Нет-нет, — я взял даму за свободную от пузырька руку. — Ты — моё лучшее излишество. Понимаешь?

Девушка тревожно кивнула.

— Понимаю... Но не позволю. Тебя достаточно потрепали, незнакомец из ниоткуда.

Я пытался бороться. Старался, как мог. Но сил не хватило. Девушка залезла на меня и, придавив руки бёдрами, раскрыла рот и начала вливать в него проклятое противоядие. Выпив всё горькую смесь до дна, у меня помутился рассудок — я перестал видеть

окружающий мир и стал смотреть на всё в гиперболизировано ярких цветах, за которыми перестали виднеться люди. Сабрина предстала тёплым розовым.

— Какой я цвет?

Язык присох к нёбу. Я едва заставлял его повиноваться.

— Розовый.

Дама тяжело вздохнула.

— Это плохо?

— Нет-нет... Это замечательно.

Она поцеловала меня в лоб, словно на прощание... Словно мы никогда больше не увидимся. После этого она принялась вновь собирать чемоданы. Я хотел помешать ей, но даже не смог подняться с матраса. Мне не хватило силы воли.

— Лежи, Лойд. Прошу, лежи... Не мучай себе понапрасну.

Я извивался на дрянном матрасе, как раненая змея. Ничего не выходило. Сабрина собрала чемоданы и вынесла их на порог дома. Из дверного проёма в квартиру засветил отвратительный утренний рассвет.

Перед тем, как окончательно уйти, гостья подошла ко мне в последний раз. Взяла мне за руку, подержала так с пару минут, затем прошла пальцами по волосам... И, вдруг резко встав, выбежала из квартиры. От неё остался лишь удушливый запах той самой карамели, который я когда-то нашёл в её комнате. Казалось, это было так давно...

Когда я проснулся, был уже вечер. Меня никто не будил. Неловко встав, я похромал на улицу. Сам не понимаю, зачем. Как будто там можно было что-то найти.

Прохожие смотрели на меня с понятным испугом. Выглядел я жалко, хотя и старался одеться поприличнее.

Шаги давались с трудом. Боль проникала в самые потаённые уголки тела и ломала, как подвешенную за верёвки куклу.

Рискуя жизнью, я вернулся на улицу генерала Стефана и зашёл в восемнадцатый дом. Поднялся на седьмой этаж, взялся за ручку богато инкрустированной двери и, к сожалению, не встретил сопротивления.

Я вошёл. В квартире было пусто и как-то тоскливо. Дорогой мрамор больше не привлекал, а оббитые бежевой тканью диваны хотелось выкинуть в окно.

Пройдя по коридору, ужасно длинному и такому же тревожному, я вернулся в кабинет Реймонда. Одноглазый мужчина лежал близ портьера — с арбалетным болтом в груди. Сам виновник торжества упал среди своих же ядов. У него было пробито колено, но умер он, естественно, не от этого — его лицо покрылось жёлтыми пятнами, язык — высунут и опух. Чтобы удостовериться, я взялся за его волосы и выдернул целый клочок.

— Керийский. — послышалось за моей спиной.

Я развернулся на пол оборота. В дверях стоял Эйвариллиан.

— Что ты здесь забыл?

— Я ведь твой помощник, помнишь? Обязался раскрыть дело.

— Следить за мной и раскрывать дела — не одно и то же.

— Ну, надо же с чего-то начинать... Как ты?

— Паршиво.

Эльф кивнул и больше не стал ничего говорить. Мы похлопали друг друга по плечу и застремились на улицу... Выход из дома оцепили жандармы.

— Именем императора, сдавайтесь!

Нам ничего не оставалось, кроме как поднять руки.

* * *

— Эйвариллиан из рода Иори, вы обвиняетесь: в убийствах, похищениях с целью выкупа, грабеже, воровстве, осквернении могил, прелюбодеянии в стенах церкви святого Патрика...

Я с недоумением посмотрел на эльфа.

— Это какая-то ошибка! — воскликнул остроухий, стараясь ни на градус не поворачиваться в мою сторону. — Прелюбодеяния не было...

Зал суда ахнул.

— Значит, в остальном вы-таки сознаётесь? — помощник судьи со злорадством сложил руки на кодексе.

Эльф дал отрицательный ответ и уселся обратно на скамью. Зрители стали кидать в него гнилые овощи и фрукты. Это меня изрядно позабавило.

— Лойд де Салес!

Я встал и отвесил оскорблённому залу поклон.

— Вы обвиняетесь: в мошенничестве, незаконной торговле оружием, крупном воровстве мелких предметов, прелюбодеянии на данных улицах...

Помощник судьи назвал половину города. Зрители пришли в ужас. Эйвариллиан внаглую хохотал и, тыкая в меня пальцем, повторял: «Извращенец!»

Мне было нечего ответить.

— Вы сознаётесь в своих преступлениях?

— Меня подставили!

В нашу с эльфом сторону полетели гнилые арбузы. Нет, правда — огромные зелёные ягоды. Одна из них упала на голову охранника, и его — глубоко уязвлённого таким к нему отношением со стороны народа, увели под белые руки.

— Что ж, пригласим свидетелей! — помощник судьи кровожадно облизнулся.

В помещение вошёл гоблин. Как и полагается — в костюме и ботинках с высокими носами. Преисполненный достоинства, он уселся в кресло, за которым его даже не было видно и, попросив помощников его приподнять, начал свою речь:

— Эти бессовестные граждане напали на меня в тёмном углу и жестоко избили!

— Будет вам, всего-то один раз врезали по жопе! — рявкнул мощный бас откуда-то из зала суда, но, как только гоблин повернулся в сторону звука, мгновенно замолк.

— Так вот, — раззадоренный гоблин поправил галстук. — Мне кажется, этих негодяев следует повесить!

— Да, повесить! — единогласно пронеслось по залу суда.

Я обиженно оглядел охочих до зрелища негодяев и показал им средний палец. Зрители стали кричать неудовлетворительное «У-у-у».

«Прошла неделя с тех пор, как нас поймали. Она отплывает сегодня... Я должен быть там, твою мать!»

Я попытался встать, но охранник позади усадил меня обратно мощным толчком. Пришлось повиноваться. Следом за гоблином в зал суда вошёл... Красный Гарри?

Мужчина в кандалах гордо ступил на трибуну и со всей уверенностью заявил:

— Лойд де Салес — ужасный человек! Граждане, он избивал меня множество раз до тех пор, пока я не решил податься в монастырь!

— Вы украли там всё зерно на зиму! — вырвался гневный вопль среди многочисленных зрителей.

— Не правда! — Красный Гарри схватился за сердце. — Ваши слова, господин монах, ранили меня прямо в...

— Ягодицы! — выкрикнул эльф, показывая всем зрителям язык.

— Да-да, в ягодицы! — Гарри поблагодарил мудрого эльфа кивком, но потом, поняв, что сморозил, разразился тирадой в адрес всех нелюдей. Его поддержало абсолютное большинство залы.

После Красного Гарри в зал суда явился... А этот что тут забыл!

— Граждане! Лойд де Салес пообещал мне ковёр, но так и не исполнил обещанного! Я мёрзну, граждане! — лейтенант Поларк смахнул скупую мужскую слезу. — Требую колесования!

— Да! Колесовать! — в один голос рявкнул зал суда.

Эльф похлопал меня по плечу.

— Не расстраивайся. Скажи, что от меня — порвут волами.

— А какая разница?

— Не знаю. Просто хотел тебя как-то поддержать...

Суд превратился в фарс. Многочисленные крикуны закидали трибуну свидетелей помидорами и измазали едой охрану. Помощник судьи, прикрываясь ото всех кодексом, что было мочи воскликнул:

— Суд возглавит distinguished судья Педро!

Мы с эльфом обратили взоры к вошедшему. Он тоже нас заметил, из-за чего побледнел и выронил кипу бумаг. Мужчина приказал охраннику разобраться с возникшим беспорядком, а сам поднялся на место судьи и прожѐг скамью подсудимых взглядом маленьких поросячьих глаз.

— Добрый день, граждане! — обратился судья ко всем присутствующим, широко расставив руки. — Сегодня слушается дело Лойда де Салеса и Эйвариллиана из рода Иори. Эти люди, как вам могло показаться, злостные преступники... — мужчина задержал на нас свой пронзительный взгляд. — Но на самом деле, это прекрасные люди! В высшей степени прекрасные! Их оклеветали, и они свободны!

Педро нехотя стукнул молоточком и, пока его место не закидали овощами, выбежал прочь из зала. Помощник судьи с недоумением вцепился в кодекс. Губы его дрожали.

— Отпу... Отпустить?

Охранники приняли вопрос за приказ и сняли с нас наручники. Мы с эльфом обняли друг дружку и пошли прочь из залы суда. На улице нас встретил Хейни.

— Ребята, как вас отпустили? — гном заграбастал нас в свои объятия и по очереди, с душой расцеловал. — Вы знаете судью?

Мы с эльфом переглянулись.

— Нет!!

После расспросов нашу дружная компания пошла в ближайший бар, отпраздновать освобождение. Там меня ждал старик Джим и его друг, Гастон. Они хотели о чём-то поговорить. Но первым делом я всё же пошёл не к ним — на крыльях ветра я рванул в портовый район, на причал, откуда минута в минуту уходил пассажирский корабль...

Карета с гербом де Вилларе стояла на причале. На её козлах сидел старенький Броуди де Вис. Увидев меня, старик поздоровался робким кивком. Я ответил ему тем же.

На пирсе стояла женщина. Богато одетая — в длинном чёрном платье, на высоких каблуках, с серебряным ожерельем на тонкой гладкой шее. Она смотрела вдаль уходящему кораблю и никого не замечала: ни восторженных её видом моряков, ни просто мимо проходящих зевак, ни... Меня.

Я подошёл к ней и издал выразительное «кхм». Госпожа повернулась ко мне и огорчённо скривилась.

— Опять вы.

— Угу, работаю без выходных.

Я встал с женщиной в один ряд и уставился на уходящий в закат корабль. Плакать не хотелось. Расставание — неизменная часть нашей жизни, и за неделю я успел к этому привыкнуть. Мне хотелось лишь проводить девушку в дальний путь, но и этого я не успел.

— Думала, вас повесят. Или четвертуют. Или сожгут.

— Разочарованы?

— Вовсе нет.

Я удивлённо посмотрел на даму. Она расплылась в улыбке, и ослепила меня своей внезапной радостью.

— Я рада, что вы выжили, мистер дознаватель тридцати двух лет. Будет, с кем поболтать.

На этой славной ноте женщина предпочла расстаться: после дружеского поцелую в щёчку она села в экипаж и тронулась с места. Вскоре её карета пропала из виду. Я остался совершенно один...

— Ну и ну. Целовать мою мать после того, что между нами было. Фи...

Внутри меня забурлила жизнь. Кто это был? Лойд де Салес или Ричард Донаван? Не знаю. Знаю одно — этот мир слишком хорош, чтобы принимать яд...

Больше книг на сайте - Knigoed.net